

НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ

№2₍₁₈₎

Москва 2008

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**
А.Б. Безбородов, С.И. Голотик, Е.Н. Евсева, Н.В. Елисева,
В.В. Минаев, Л.И. Петрушева, П.П. Шкаренков

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**
A. Bezborodov, C. Golotik, E. Evseeva, N. Eliseeva,
V. Minaev, L. Petrusheva, P. Shkarenkov

Publisher **S. Ippolitov**

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Шкаренков П.П.</i> Образ идеального правителя в латинской риторической традиции II–начала V вв.	5
<i>Илларионов С.А.</i> Средневековый Хайтхабу: численность и состав населения	17
<i>Киясов С.Е.</i> Массонство и православная империя: начало противостояния	23
<i>Ростиславлева Н.В.</i> Нация и ценности гражданского общества: либерал Ф.К. Дальман во Франкфуртском парламенте (1848–1849 гг.)	32
<i>Буганов А.В.</i> Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX–начало XX вв.)	40
<i>Таиров Н.И.</i> Татарские предприниматели и школьное образование в Поволжье и Приуралье (вторая половина XIX–начало XX вв.)	50
<i>Разин С.Ю.</i> Крестьянство Среднего Поволжья и политические партии в революции 1905–1907 гг.	57
<i>Марченя П.П.</i> Массы и партии в 1917 г.: массовое сознание как доминанта русской революции	64
<i>Куренков Г.А.</i> «Особая папка»: обеспечение секретности в партии большевиков (1918–1920-е гг.)	79
<i>Гришаева Л.Е.</i> ООН, Россия и «иранская ядерная угроза»	86

Заметки молодых историков

<i>Сазонова А.А.</i> Первый англосаксонский интеллектуал Альдхельм Малмсберийский	98
<i>Головкина М.В.</i> Взгляд на историю России ученых-филологов Московского университета первой половины XIX в.	105

Антибольшевистская Россия

<i>Карпенко С.В.</i> «Россия на Кавказе останется навсегда»: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.)	113
<i>Калугин Ю.</i> Тайна расстрела Думенко: признания бежавшего из могилы	124
<i>Доного М.М.</i> Н. Гоцинский и повстанческая борьба в Дагестане и Чечне (1922–1925 гг.)	135

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века; <i>Winkler D.F.</i> Cold War at Sea: High-Seas Confrontation between the United States and the Soviet Union.	144
Авторы номера	157

П.П. Шкаренков

**ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ
В ЛАТИНСКОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
II–начала V вв.**

Говоря об основных направлениях развития истории императорской власти в Риме, мы не можем не заметить, что она характеризуется постоянно растущим влиянием восточных идей. Призрак азиатской царской власти, погубивший Цезаря, был искусно изгнан Августом и его преемниками, но очень быстро возвратился, появляясь сначала эпизодически, затем более настойчиво и, наконец, институционально. Когда в конце III в. Диоклетиан приступил к восстановлению государства, он считал необходимым укрепить престиж императорской власти, окружив с этой целью ее носителя сложным церемониалом, ориентируясь в этом, возможно, на практику сасанидского двора¹. Принятие Константином христианства ничего в данной ситуации не изменило, а возможно, даже усилило наметившуюся тенденцию. Словарь, средствами которого передавался сакральный характер персоны императора, сохранился в целости. Более того, учитывая ту роль, которую занял император в новой религии, он с несомненной выгодой для себя обменял своей божественный статус, который всегда вызывал много сомнений, на место поборника и представителя Бога на земле². Основание Константинополя в качестве столицы – соперницы Рима, на что никогда не претендовал ни Милан, ни Равенна, ни Никомедия, дало перевес восточной партии в империи.

Этот новый политический порядок, который можно определить как правизантийский, несомненно, характеризуется доминирующим положением восточного мира над миром западным, который перестает тогда быть самой динамичной частью империи. Также справедливо, что формирующаяся и получающая перевес новая концепция империи и императора строится на контрасте с римской концепцией принципата Августа, при котором сохранялось понятие «*res publica*», а император представлял гражданином, исполняющим четко определенные магистратуры. Таким образом, до некоторой степени обоснованно различать восточную и западную концепции императора, при условии что мы не будем делить на этом основании империю на два идеологически противостоящих друг другу лагеря³.

Действительно, когда мы обращаемся к взглядам современников на эти вопросы, мы замечаем, что их расхождения прямо не соотносятся ни с

географией, ни с языком, ни с религией. Единство империи было реально-стью. Чувство принадлежности к единому солидарному сообществу сохранилось еще в IV и V вв.: когда очередное вторжение варваров затрагивало только один регион, вся империя чувствовала себя затронутой. Движение идей в этом универсуме также еще не знает границ. Думающие по-латински и думающие по-гречески, язычники и христиане не составляют однородных замкнутых групп и часто расходятся в том, что касается видения империи и императора. Расслоение происходит внутри каждой из этих групп. Политические идеи христианина Евсевия Кесарийского практически не находят отклика в латинском мире. Амвросий Медиоланский в ходе своей борьбы с императором Феодосием проявляет себя ревностным сторонником независимости церкви и очень мало обеспокоен признанием за императором апостольской миссии. Августин тоже, как кажется, не согласен с Евсевием, как по поводу его идеала христианского императора⁴, так и по поводу его концепции империи, в которой он видит скорее результат игры человеческих страстей, нежели провиденциальную конструкцию, возникшую, дабы превзойти большинство политеистических городов и царств, чтобы открыть путь христианству.

Однако Евсевий Кесарийский был далек и от того, чтобы установить единодушие в греческом мире. Эллинизм сам по себе имеет множество вариантов. Сравнительно не так давно было проведено прекрасное исследование всех политических аспектов, по которым расходились Фемистий и его современник Либаний⁵. Новая имперская идеология, созданная Константином, разрушает единство эллинизма. Даже нельзя сказать, что эти процессы связаны с христианством как таковым, потому что Фемистий, который наряду с Евсевием Кесарийским предвосхищает византийский эллинизм, – язычник⁶. Особенно примечательной является фигура Юлиана: как философ он принадлежит собственно греческой, эллинистической традиции, а как император выступает непосредственным наследником и продолжателем римской традиции принципата.

Несмотря на все взаимовлияния, несмотря на неправомочность противопоставления в виде двух противоборствующих центров – Востока и Запада, следует, признать, что две части империи начали вырабатывать собственные пути дальнейшего развития, что не могло не отразиться на их политической идеологии⁷. После смерти (в 395 г.) императора Феодосия I между двумя мирами начинается эпоха непрерывных разногласий, переходящих иногда в более острую фазу. В разжигании этих противоречий большую роль сыграли распри и соперничество конкретных личностей. Но можем ли мы быть уверены в том, что если бы стороны относились друг к другу с большим уважением и ощущали взаимную ответственность, действительно удалось бы избежать распада империи?

Мы вправе задаться вопросом, не основывается ли произошедший разрыв на причинах, более глубоких и существенных, нежели выяснение проблемы первенства. Тут открывается широчайшее поле для исследования политических, экономических и социальных факторов.

На Востоке империя накладывалась на политическую традицию эллинистических государств с их жесткой централизацией и мощным бюрократическим аппаратом. Сами эти государства выступали преемниками как восточной традиции царской власти, так и греческой полисной традиции городов-государств. Императорская власть обеспечивала политическое единство, выступая в роли строителя федерации. В этом случае было несложно, как это сделал Евсевий Кесарийский, соположить растущую сложность политической организации с изменениями в духовной сфере, начатыми христианством, которые должны были закончиться переходом политеистического города и государства в единую христианскую империю.

На Западе роль и функция империи были другими, поскольку в процессе своего развития она не сталкивалась с политическими структурами, которые даже отдаленно могли бы сравниться с государствами диадохов. Ни кельты, ни галлы, ни иные варвары, воспетые К. Джуллианом⁸, никогда не достигали того уровня развития, который был в Сирии Селевкидов или Египте Птолемея. В раздираемые конфликтами Галлию и Испанию римское завоевание принесло государственную традицию. Западные провинции вошли в состав империи наравне с восточными, но без предшествующей подготовки. Они одновременно открыли для себя и государство, и империю, точнее, сразу получили государство в виде империи. Таким образом, им было менее свойственно переживание империи как мистической организации, как выражение божественной воли, обязательной для других государств. Если можно предложить некие образы, которые отражали бы восприятие империи в двух ее частях, для Востока это был бы образ веревки, поддерживающей сноп, а для Запада – образ масляного пятна.

Действительно, римское завоевание вызвало совершенно разные последствия для Запада и для средиземноморского региона. На Востоке продолжали существовать различные культуры – греческая, семитская, египетская, тогда как на Западе, даже принимая во внимание оригинальный вклад каждой провинции в области искусства или ремесла, некоторое сопротивление романизации. Тем не менее один язык стал общим для всех, определенный средний уровень культуры. Подобная культурная монополия способствовала осознанию западными провинциями их принадлежности к единому организму, что имело, несомненно, более важное значение, чем осознание зависимости от центральной власти. Если добавить к этому понимание того обстоятельства, что западный мир в своей совокупности выступал перед лицом варваров, в большинстве своем арианцев, форпостом христианской веры, основанной на постановлениях Никейского собора, станет понятно, что это осознание своей принадлежности к миру *romanitas* пережило бы и падением императорской власти и разрушение территориального единства империи на Западе.

В том, что касается непосредственно форм осуществления имперских функций, обе части империи также начали расходиться с конца IV в. Сме-

шение политики и религии, сакрализация императора, все то, чем характеризовалась политическая ситуация в Константинополе, на Западе встречалось с безразличием или враждебно. Одна из основных причин этого неприятия заключалась, без сомнения, в религиозной политике Константина и его преемников. Политика вмешательства в дела церкви, поддержка арианства сталкивались с сопротивлением в западных провинциях, твердо придерживающихся ортодоксального христианства. Однако конфликт Амвросия Медиоланского с императором Феодосием I, чья преданность делу христианства никогда не ставилась под сомнение, показывает, что желание сохранить независимость церкви было вызвано не только страхом перед еретическими учениями. Именно в этом, как нам представляется, можно проследить влияние собственно западной, или латинской, политической традиции. Сказанное вовсе не означает, что эта традиция была неизвестна на Востоке; там она подавлялась реальной практикой императорской власти. На Западе же она была представлена в ряде сочинений на латинском языке, так что проследить истоки данной традиции можно вплоть до эпохи принципата. Речь, собственно, идет о сугубо римской политической традиции принципата, творцом и хранителем которой на протяжении столетий была сенаторская аристократия.

Эта традиция представлена в большом количестве латиноязычных источников, из которых важнейшими являются «Панегирик Траяну» Плиния Младшего, галльские панегирики IV в. и *Scriptores Historiae Augustae*. К ней же принадлежат Аммиан Марцеллин и Клавдиан, что особенно интересно, так как речь идет об уроженцах восточной части империи, принявших латинский язык и римские политические идеи. Это направление является, как мы видим, по преимуществу языческим, но это одухотворенное и толерантное язычество, которое так характерно для Поздней Античности.

Все важнейшие аспекты интересующей нас темы появляются уже у Плиния Младшего с некоторыми частными особенностями, которые объясняются обстоятельствами написания «Панегирика Траяну». Конечно, в это время речь еще не идет о противостоянии между Востоком и Западом. Однако Траян рисуется как реставратор истинно римской властной традиции после разгула и бесчинств правления Домициана. Троян взойдет на трон по выбору Нервы, подчинившегося воле богов⁹. Своим выбором Траян обязан не интригам, а только своим заслугам¹⁰. Его власть основывается на законе, для которого он и автор, и гарант, и слуга.

В том, что касается религиозных аспектов императорской власти, Плиний занимает взвешенную, полную нюансов позицию. Он восхваляет чистоту намерений Траяна, которая подвигла его причислить Нерву к богам, но при этом упоминает об изменчивых интересах, которые побуждали других императоров принимать решение об апофеозе своего предшественника. Тем самым он бросает легкую тень подозрения и на самого Траяна¹¹. На божественный статус правящего императора лишь намечается: он *optimus* как Юпитер, он *diis simillimus*, то есть он как-то соотносится с божественностью, тем не менее сам богом не является¹².

Наконец, по своему характеру и по своим нравам император очень близок к своим подданным: он входит пешком в Рим, он приветствует поцелуями сенат¹³. Он добродетелен в мирной жизни и доблестен на войне. Он любит физические упражнения и, чтобы дать лучше почувствовать контраст с предыдущим правлением, описывает мрачный вид Домициана, спускающегося по Рейну и лениво раскинувшегося на плавучих носилках¹⁴.

Двумя веками позднее с системой взглядов, очень близкой к выраженной в «Панегирике Траяну», мы встречаемся в галльских панегириках у *Scriptores Historiae Augustae*. В этих текстах явственно чувствуется усталость общества от бюрократизированной системы управления. Император, скрывшийся в своем дворце, ничего не знает, ничего не видит, информацию получает только из вторых рук. Случалось, что императоры и сами осознавали все отрицательные стороны подобной ситуации. Свидетельством этого может служить фрагмент письма императора Гордиана III своему тестю Мизитею: «Несчастен тот император, от которого скрывают правду: лишенный возможности ходить среди народа, он вынужден слушать и утверждать то, что он слышит, или то, что подтверждено большинством»¹⁵.

Авторы панегириков не могли позволить себе открытой критики. Впрочем, разве не то же чувство проявляется в их бесконечных восхвалениях вездесущности императора? Пыл их славословия вполне соотносим с ощущением неудовлетворенности: «Нет на земле такого места, – пишет панегирист Максимиана, – которое было бы свободно от присутствия Вашего Величества, даже тогда, когда вам кажется, что вы там отсутствуете»¹⁶. Самые разные слои населения империи испытывают необходимость ощущать императорскую заботу. Правящие круги должны реагировать на эту потребность, наделяя императорским достоинством нескольких лиц, дабы они могли обеспечить эффект присутствия в разных местах одновременно, либо разворачивая массивную пропаганду, в которой постоянно подчеркивается преданность правителя всем своим подданным.

Эта навязчивая идея повсеместного императорского присутствия проходит красной нитью через весь сборник SHA, присутствуя практически в каждом жизнеописании. Однако надо учитывать, что SHA – это сочинение, составленное, так сказать, в тиши кабинета. Максимиан, смещенный сенатором, упрекает своего молодого сына, что именно он несет ответственность за его падение, поскольку отказался находиться в Риме: «Если бы он был в Риме, сенат ни на что бы не осмелился»¹⁷. Считалось также, что одно только императорское присутствие может расстроить планы неприятеля. Юлий Капитолин, биограф Максима и Бальбина, приводит речь сенатора Векция Сабина, настаивающего на наделении императорской властью двух императоров: один из них должен быть занят военными делами, а второй – находиться в Риме¹⁸.

Действительно, присутствие императора благотворно сказывается на Городе и на провинциях. Уже в классическую эпоху у слова *praesentia*

было два значения: «присутствие» и «помощь». Так, во время наводнения в Риме Марк Аврелий и Вер смягчали трудности, испытываемые населением, *sua cura et praesentia*¹⁹. Однако все более настойчивая необходимость защищать границы вынуждала императора проводить все больше времени вдали от жизненных центров империи, отрывала его от граждан. В IV в. было немало императоров, которые никогда не посещали Рим (Констанций I, Галерий, Юлиан, Валентиниан и Валент).

И если Вечный город, принимая во внимание его статус, больше, чем какой бы то ни было, имел основания жаловаться на охлаждение императоров, то провинции, например Галлия, просто чувствовали себя заброшенными. Согласно Требеллию Поллиону, отделение Галлии в III в. стало следствием скандального поведения Галлиена после пленения его отца Валериана парфянами. И со стороны галлов это была реакция оскорбленного достоинства: «...Галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом»²⁰.

В SHA довольно часто подчеркивается партикуляризм провинций. Речь, конечно, не идет собственно о сепаратизме, но, например, о желании армий, расквартированных в той или иной провинции и состоящих по большей части из местных уроженцев, оказывать влияние на выборы императора. Часто проявляется и соперничество между провинциями, в частности, высказываются претензии, что какая-либо провинция пытается самостоятельно провозгласить императора для всей империи. SHA очень чувствительно относится к привилегиям римского сената, особенно в части, касающейся выборов императора, отстаивают принцип централизации и противостоят тому, что очень многозначительно называется *specialis principis*²¹, то есть император, избранный меньшинством. Римская армия, подобно гражданскому обществу, представляла собой смешение языков и рас. Сообщения Аммиана Марцеллина показывают, как во время выборов императора во второй половине IV в. сталкивались интересы различных армейских кланов, прежде всего галлов и иллирийцев²². Позднее, партикуляризм провинций будет играть важную роль в становлении и оформлении романо-варварских королевств, которые скорее извлекали из него пользу, нежели провоцировали.

Концепция императора, которой придерживался Аммиан Марцеллин, совершенно четко проявляется в описываемом автором противостоянии Констанция II и Юлиана²³. Констанций II воплощает образ неприступного тирана, который даже за пределами своих дворцов старается строго держать дистанцию и рассчитанной театральной неподвижностью подчеркивать образ бесстрастного величия²⁴. Его двор – это сборище евнухов и доносчиков. Плохой полководец, которого преследуют неудачи в войнах с внешними противниками, он добивается успеха только в борьбе с узурпаторами²⁵. Ему

противопоставляется Юлиан – философски образованный человек и прекрасный военачальник. Он гуманен, дружелюбен, сумел быстро завоевать любовь своих подданных. Описание его въезда в город Вьенн строится на очевидном контрасте с описанием въезда в Рим Констанция II²⁶. Однако каким бы ни было стремление Аммиана Марцеллина к объективности, выражающееся в готовности не скрывать некоторые слабости своего любимого героя, Юлиан остается в его глазах исключительным случаем, чего нельзя сказать о его враге и полной противоположности Констанции II.

Тем не менее из литературного портрета императора Валентиниана мы можем получить довольно четкое представление о том, чего ожидает Аммиан Марцеллин от императора, которого он ни низводит, ни превозносит. Самый главный упрек, который автор адресует Валентиниану, – суровость в отправлении правосудия²⁷. Но когда Аммиан Марцеллин переходит к главе, где описывает личные качества императора, римский характер его похвал сомнений не вызывает. У Валентиниана есть все необходимое для того, чтобы стать новым Траяном или новым Марком Аврелием²⁸. Он наделен незаурядной воинской доблестью²⁹. Его частная жизнь безупречна³⁰. Здесь мы снова встречаем тот же набор черт, которыми Плиний наделил Траяна.

Мы завершаем наш краткий обзор несколькими наблюдениями над текстами крупнейшего поэта рубежа IV–V вв. Клавдия Клавдиана. Поэт-профессионал, живущий пером, возродитель больших поэтических форм, бурно-патетический, он явился в Рим, по-видимому, еще молодым человеком с решимостью стяжать стихами поддержку высоких покровителей. Это ему удалось, и он стал придворным поэтом при миланском дворе Гонория и Стилихона. Писал пространные стихотворные панегирики почти на каждый консульский год с аллегорическими олицетворениями, мифологическими уподоблениями, географическими описаниями, провозглашал благопожелания, которые звучат, как официальная политическая программа. Писал поэмы о победах Стилихона над африканским мятежом Гильдона и готским мятежом Алариха, писал эпиталаму на брак Гонория с дочерью Стилихона, уничтожающие поэмы-инвективы на падение константинопольских врагов Стилихона – Руфина и сменившего его Евтропия. Темперамент его неподделен, риторическая фантазия неистощима, свой гипернапряженный стиль, выработанный на лучших образцах Лукана, Стация и Ювенала, он выдерживает без единого срыва.

Творчество Клавдиана особенно примечательно откровенно враждебными выпадами в адрес Востока и концепцией императорской власти, производящей впечатление некоторого анахронизма. Современник Амвросия Медиоланского и Августина, написавший свои основные произведения уже после смерти императора Феодосия I, Клавдиан создает литературный портрет идеального императора в духе века Антонинов. Возможно, его приверженность язычеству мешала ему увидеть существенную эволюцию императорской власти в течение IV в. Впрочем, многие из его

сочинения предназначались для публичной декламации в присутствии императора и всего двора.

Таким образом, вполне обоснованным будет выглядеть предположение, что общие положения, сформулированные Клавдианом, в целом соответствовали состоянию умов, были в русле сохраняющейся идеологической традиции и находили благожелательный отклик в весьма консервативной придворной среде³¹.

Именно эта проблема находилась в центре внимания А. Камерона при написании фундаментальной монографии, посвященной жизни и творчеству Клавдия Клавдиана³². Автор стремился заретушировать влияние язычества на его взгляды и сочинения³³. Серена, племянница Феодосия и жена Стилихона, была ревностной христианкой, но этот факт не помешал Клавдиану написать восторженный панегирик в ее честь³⁴. Создается впечатление, что, будучи язычником, поэт служил в большей степени христианской партии при дворе, нежели языческой. Что касается множества языческих реминисценций и аллегорий, бесконечной череды богов и героев, которые наполняют панегирики Клавдиана, то они являются прежде всего неотъемлемой частью литературной традиции³⁵. А. Камерон отмечает, что панегирики императорам Сидония Аполлинария, который ориентировался на Клавдиана, как на образец, также не содержат христианских мотивов³⁶. Мифологические образы и для самих язычников уже давно стали лишь привычными декоративными фигурами: Юпитер, которого чтит философ и которому приносил жертву гражданин, имел мало общего с Юпитером, о чьих любовных похождениях рассказывал поэт. Христианин IV в., сочиняя стихи, пользовался всем арсеналом мифологии с таким же легким сердцем, как христианин XVIII в.

Все сделанные наблюдения и замечания абсолютно бесспорны. Единственный упрек, который можно было бы высказать, заключается в том, что, уделяя огромное внимание вопросам литературной формы, автор упускает суть дела. Проблема в том, если говорить об образе императора у Клавдиана, что этот образ, конечно же, нехристианский, но он также и неязыческий. Он, если угодно, – сугубо римский. Обладала ли литературная традиция достаточной силой, чтобы одержать верх над все более драматично складывающейся реальностью? Допустим еще, что Сидоний Аполлинарий жил в вычитанном из книг, иллюзорном мире. Однако Клавдиан – совершенно другое дело. Чтобы писать о христианской империи, Евсевий Кесарийский (на Востоке), Амвросий Медиоланский и Августин (на Западе) выработали подходящий язык, нашли нужные слова и образы, а поэзия продолжала оставаться в плену шаблонов и схем, унаследованных от Вергилия? На самом деле, при помощи истории литературы мы выходим на суть проблемы. Христианская империя, как новое понятие не проникло в латинский мир. Точнее, император, конечно, был христианином или, как говорил Амвросий Медиоланский, он был «в церкви», поэтому епископ Медиолана почтил похороны Феодосия блестящим надгробным словом.

Однако при дворе император оставался наследником Августа. Таким образом, поэтические сюжеты никогда не были оторваны от окружающей действительности, они потому и продолжали существовать, что сохранялась (хотя бы частично), та реальность, которую они должны были охватывать.

Возвращаясь к Клавдиану, отметим, что, рассматривая его концепцию идеального императора, все-таки не стоит ограничиваться констатацией противостояния языческой и христианской партий при дворе. Конечно, эти две партии оппонировали друг другу по вопросам реальной политики. Но различались ли их концепции империи и императора? Подлинная демаркационная линия в этой сфере была географическая, и подходила она через середину Средиземноморья. Итальянская языческая аристократия уже давно не претендовала, если она как таковая вообще когда-нибудь к этому стремилась, на то, чтобы делать из императора божество. И язычники, и христиане вполне могли найти общий язык и вместе остановиться на концепции, которая представляла императора достойным преемником Траяна и Марка Аврелия. *Gentes* сенаторского сословия, часто разделенные своим отношением к Христу, имели, тем не менее, общую культуру и общее состояние. Все они одинаково ревностно относились к своему престижу, и совершенно непонятно, на каком основании христианская часть римской аристократии могла бы желать падать на колени перед императором, обожевленным теперь уже по византийскому христианскому образцу.

Именно поэтому идеи Клавдиана так удачно вписываются в западную римскую традицию. Они соединяются вместе в панегирике на четвертый консулат Гонория в форме наставления, обращенного Феодосием к своему молодому сыну. С первых же слов подчеркивается исключительность римского императора, ибо он – правитель не такой, как другие; основой его власти является доблесть: «Если судьба, мой дорогой мальчик, тебя вознесет на парфянский трон, если в глубине далекого Востока ты будешь носить тиару, которую варвары почитают на челе Арсакидов, одного лишь столь грандиозного происхождения будет достаточно, и в изнеженной праздности, в которой ты будешь проводить свои дни, одна только твоя знать сможет тебя защитить; но император в Риме должен жить совсем по-другому: на доблести, а не на происхождении ему следует основывать свою власть»³⁷. Благой император должен уметь властвовать самой высокой частью: «Тогда ты будешь держать весь мир под своим законом, когда ты сможешь править самим собой»³⁸.

Принцип владения собой в стоическом смысле прилагается ко всем типам королевской власти. Греческая философия от Платона до неопифагорейцев учила различать царя и тирана. Но их определения были до некоторой степени сугубо абстрактными. Конечно, в латинском мире идеал соотносился с историческими прецедентами. Из этого следует особая важность проводимых сравнений, которые на первый взгляд кажутся сугубо литературными, а на деле соответствуют глубинной сущностной установке: прави-

тель является новым Траяном, новым Константином. Это соотносится и с употреблением императорских титулов, в которых воспроизводятся или реальные родственные связи, возникшие в результате усыновления, или мнимые. Септимий Север принял имя Пертинакса в год своего восшествия на престол. Константин связывался с Клавдием II Готским³⁹. SHA свидетельствуют о престиже, которым пользовалось еще в конце IV в. имя Антонина⁴⁰. Таким образом, император является не только воплощением определенной идеи, но и воспроизведением идеальной модели, взятой непосредственно из истории Рима. Бесспорно, это был способ утвердить преемственность власти над Римом чередой непрерывных возрождений.

Речь Феодосия, составленная Клавдианом, в основе опираясь на философские темы, представляет также литературный портрет благого императора в соответствии с традиционными римскими принципами. Правитель советует своему сыну вести себя как подобает гражданину и как подобает отцу⁴¹. Итог его деятельности подводится глаголом *consulere*, от которого произошли консулы⁴². Император всегда должен помнить, что он царствует не над восточными народами, а над римлянами, «которые давно управляют миром и которые не снесли ни заносчивости Тарквиния, ни господства Цезаря»⁴³. Клавдиан устами Феодосия напоминает, что анналы воскрешают в памяти преступления плохих правителей и увековечивают славу Траяна, и мы вновь обнаруживаем обращение к теме, восходящей еще к Саллюстию и Цицерону⁴⁴. Речь заканчивается настоящим призывом разделять с армией ее труды. Представленный Клавдианом портрет идеального императора состоит из традиционных римских черт. Правитель, соответствующий предложенному образу, обретет славу, любовь своих подданных и уважение врагов. Все зависит от него самого, от его энергии. И если он следует данной модели, разве важно, является он язычником или христианином? Клавдиан стремился вызвать у своих слушателей чувство римского патриотизма, гордости за свою принадлежность к великой традиции любви к свободе.

Таким образом, если Клавдиан является рупором, выразителем интересов определенной партии, то это не христианская партия, и не языческая, а партия западная, римская, латинская. И если в его видении империи присутствуют некоторые языческие элементы (например, когда он упоминает о помощи, оказанной богами Феодосию в его борьбе с тиранами⁴⁵), то это делается вовсе не для того, чтобы выставлять напоказ свои пристрастия, рискуя оскорбить религиозные чувства Гонория и память об его отце. Скорее речь идет о некотором примере эпической архаизации, которая прекрасно сочетается с прокламируемым возвращением к истокам столь превозносимого им принципата. И дело здесь не только в литературных стереотипах и штампах: подражание древним было столь же необходимо при дворе в Равенне, как и при дворе в Версале, чтобы прославлять правителя, как нового Цезаря или Александра.

Клавдиан стал последним придворным поэтом Запада до Сидония Аполлинария. Его язык – это язык правящих кругов двора в Равенне в тот момент, когда, несмотря на переживаемые трудности, никто не думал, что Западная Римская империя находится в опасности. Более того, творчество Клавдиана свидетельствует, принимая во внимание в том числе его претензии к Константинополю, о желании вдохнуть новые силы в традицию собственно римскую, почерпнув их из славного римского прошлого. Влияние Клавдиана на последующих авторов было гораздо более сильным, чем можно ожидать от придворного поэта. Его цитирует Августин, читает Сидоний Аполлинарий, подражает Венанций Фортунат⁴⁶. Клавдиан станет признанным учителем высокого слога и панегирического жанра для всех будущих веков – и для Ренессанса, и для барокко, и для классицизма.

Таково было наследие, которое IV в. отставил V в. накануне великой бури. Наметившееся движение в сторону римской реакции, временами принимавшее явную антивизантийскую направленность, сыграет в будущем важную роль. Было бы, конечно, абсурдным видеть в нем причину распада имперской идеи, но было бы меньшим абсурдом отрицать стойкость подобного стиля мышления и состояния умов в новых королевствах. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, италийской и провинциальной, которая примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Примечания

¹ См.: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. I: De l'Etat romain a l'Etat byzantin (284–476). P., 1959. P. 69.

² Об этой теории см.: *Cessi R.* «Regnum» et «Imperium» in Italia. Contributo alla storia della costituzione politica d'Italia dalla caduta alla ricostituzione dell'Impero Romano d'Occidente. Bologne, 1919. P. 84–97; *Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spatantike. Stuttgart, 1939. S. 114–121; 164–170; и др.

³ См.: *Kaegi W.E.* Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968.

⁴ См.: *Aug.*, De civitate Dei. V, 24.

⁵ См.: *Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios. Paris, 1967. (Travaux et Mémoires du Centre de Recherches d'histoire et de civilization byzantines. Vol. III).

⁶ См.: *Dagron G.* Op. cit. P. 3.

⁷ См.: *Marron H.I.* Saint Augustin et la fin de la culture antique. P., 1958. P. 698.

⁸ См.: *Jullian C.* Vercingetorix. P., 1902. P. 40–44.

⁹ См.: *Plin.*, Pan., 8, 2.

¹⁰ См.: *Plin.*, Pan., 8, 1: «Itaque non in cubiculo, sed in templo, nec ante genialem torum, sed ante pulvinar Iovis Optimi Maximi adoptione peracta est».

¹¹ См.: *Plin.*, Pan., 11, 1–2.

¹² См.: *Plin.*, Pan., 1, 2–3.

¹³ См.: *Plin.*, Pan., 22, 1; 23, 1.

¹⁴ См.: *Plin.*, Pan., 15, 4 (военные доблести); 83–84 (семья); 82 (Домициан на своем корабле).

¹⁵ *SHA*, Gord., XXV, 4: «Miser es imperator apud quem vera reticentur, qui cum ipse publice ambulare non posit, necesse est ut audiat et vel audita vel a plurimis roborata confirmet». *SHA*, Aur., XLIII, 4: «Imperator qui domi clausus est vera non novit. Cogitur

hoc tantum scire quod illi loquuntur, facit iudices quos fieri non oportet, amovet a re publica quos debeat optinere».

¹⁶ Pan., Lat., III, 13, 5: «Neque enim pars ulla terrarium majestatis vestrae praesentia caret, etiam cum ipsi abesse videamini».

¹⁷ SHA, Maxim., XVII, 3: «...putabat autem quod si ille Romae fuisset nihil ausurus esset senatus».

¹⁸ См.: SHA, Max. Balb., II, 5.

¹⁹ См.: SHA, Aur., VIII, 5.

²⁰ SHA, Gall., IV, 3.

²¹ SHA, Alb., I, 2.

²² См.: Straub J. Op. cit. S. 18–19.

²³ Об образе идеального правителя у Аммиана Марцеллина см.: Camus P.M. Ammien Marcellin témoin des courants culturels et religieux a la fin du IVe siècle. P., 1967. P. 110–117; 239–251. Ср.: Taeger F. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 638–647.

²⁴ См.: Amm. Marc., XVI, 10.

²⁵ См.: Amm. Marc., XIV, 10, 16.

²⁶ См.: Amm. Marc., XV, 8, 21. См.: Fontaine J. Ammien Marcellin, historien romantique // Bulletin de l'Association G. Bude. Vol. 28. 1969. P. 417–435.

²⁷ См.: Amm. Marc., XXX, 7.

²⁸ См.: Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...si reliqua temperasset, vixerat ut Trajanus et Marcus».

²⁹ См.: Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...oppidorum et limitum conditor tempestivus, militaris disciplinae censor eximius». XXX, 9, 1: «aestu Martii pulveris induratus».

³⁰ См.: Amm. Marc., XXX, 9, 2: «Omni pudicitiae cultu domi castus et foris».

³¹ См.: Dilke O.A. Claudian. Poet of Declining Empire and Morale. Leeds, 1969; Schmidt P. Politik und Dichtung in der Panegyrik Claudians. Konstanz, 1976; Dupp S. Zeitgeschichten in Dichtungen Claudians. Wiesbaden, 1980.

³² Cameron A. Claudian. Poetry and Propaganda at the court of Honorius. Oxford, 1970.

³³ Автор выдвигает несколько сомнительный, с нашей точки зрения, тезис, что языческая вера Клавдиана не была слишком сильной и глубокой, поскольку он не был готов стать мучеником за нее (См.: Cameron A. Op. cit. P. 214).

³⁴ См.: Cameron A. Op. cit. P. 190.

³⁵ См.: Duc T. Le «De raptu Proserpinae» de Claudien: réflexions sur une actualisation de la mythologie. Bern, 1994; Kellner T. Die Göttergestalten in Claudians «De raptu Proserpinae»: Polarität und Koinzidenz als anthropozentrische Dialektik mythologisch formulierter Weltvergewisserung. Stuttgart, 1997.

³⁶ См.: Cameron A. Op. cit. P. 193.

³⁷ Claud., IV cons. Hon., 214.

³⁸ Claud., IV cons. Hon., 214: «...Tunc omnia jure tenebis, / Cum poteris rex esse tui...».

³⁹ См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. I: De l'Etat romain a l'Etat byzantin (284–476). P., 1959. P. 77.

⁴⁰ См.: SHA, Get., II, 2.

⁴¹ См.: Claud., IV cons. Hon., 294: «Tu civem patremque geras».

⁴² См.: Claud., IV cons. Hon., 294–295: «Tu consule cunctis / non tibi». О связи *consul/consulere* см.: Cic., Rep., II, 31. Это повторяется в Aug., De civitate Dei, V, 12.

⁴³ Claud., IV cons. Hon., 309: «Romani qui cuncta diu rexere regendi, / qui nec Tarquini fastus, nec jura tulere / Caesaris».

⁴⁴ См.: Claud., IV cons. Hon., 311: «Annales veterum delicta loquentur; haerebunt maculae...».

⁴⁵ См.: Claud., IV cons. Hon., 98–99: «Illi justitiam confirmavere triumph; / praesentes docuere Deos...».

⁴⁶ Создавая портрет Феодосия, Августин ссылается на свидетельства Клавдиана и его цитирует, несколько видоизменяя его слишком языческие пассажи (См.: Aug., De civitate Dei, V, 26). См.: Cameron A. Op. cit. P. 191.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХАЙТХАБУ: ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

О поселении Хайтхабу на Балтике в эпоху викингов мы располагаем крайне скудной письменной информацией, поэтому при изучении численности и плотности его населения приходится опираться в основном на данные археологии и антропологии.

По подсчету руководителя довоенных раскопок на месте этого приморского центра Г. Янкуна, численность населения в пору его расцвета в X в. составляла приблизительно 1 000 человек¹. Немало городов раннесредневековой Европы имело подобную численность населения: от нескольких сотен до нескольких тысяч человек.

Процесс концентрации населения и становления города в Хайтхабу, как и в других сравнимых с ним поселениях, происходил исключительно путем притока людей извне. Сельское хозяйство, благодаря техническим нововведениям, достигло такого роста производительности труда, что сельская территория могла отдавать излишки своей продукции возникающим торговым пунктам. Немалую роль сыграла и забота городских феодалов по увеличению численности его населения². Площадь, занимаемая Хайтхабу, составляла 24 га, то есть плотность его населения временами доходила до 400 человек на 1 кв. км. Как описывали современники, находился он у «края мирового океана», среди редко населенной аграрной области³. Так что при такой плотности 1 000 жителей представляла собой значительную величину, заметно отделяя Хайтхабу от сельской округи.

Состав жителей в Хайтхабу характеризуется как многоэтнический и социально дифференцированный. Там жили совместно фризы, датчане, шведы, саксонцы, славяне. Многоязычие оглашало его улицы. Там жили христиане и язычники, богатые купцы, мелкие странствующие торговцы и слуги, временами даже король со своей свитой. Этническая пестрота населения Хайтхабу была обусловлена прежде всего его расположением на стыке границ разных государств, а также частой сменой власти: с начала IX в. он находился под датским владычеством, с 890 по 934 гг. – под властью шведов; с 934 по 983 гг. – под властью германской империи, с 983 г. он снова стал датским⁴.

Как полагают археологи и антропологи, население Хайтхабу пополнялось за счет пришельцев. Так, с запада пришли ремесленники – монетки, бронзолитейщики, гребенщики⁵. Исследование значительного количества остеологического материала (останков скелетов людей) из довоенных раскопок Хайтхабу показало, что его население было генетически близко к народностям, населявшим как Центральную, так и Северную Евро-

пу⁶. Судя по удлиненным черепам, жители Хайтхабу принадлежали к северогерманской народности. Они были невысокого роста. До старости доживали лишь немногие, большинство умирали в 30–40 лет⁷.

Исследование древних могил, расположенных западнее Хайтхабу, с отчетливо выраженным западным обычаем погребения и погребальным инвентарем, а также сопоставление урновых форм и ритуалов погребений южного кладбища Хайтхабу, обследованного в 1959–1960 гг., с погребениями Раннего Средневековья на южном побережье Северного моря дало основание немецким археологам предположить, что уже в VIII в. с запада в область Шлея пришла этническая группа фризского происхождения⁸. Фризы с конца VII в. продвигались на восток вдоль южного побережья Северного моря, заселяя прибрежные острова, а затем вышли на Ютландский полуостров, стремясь к выходу в Балтийское море. Во время довоенных раскопок Хайтхабу внутри полукольца окружавшего его вала было обнаружено немало обломков горшков яйцевидной и других форм, относимых к североморской группе керамики⁹, то есть из Фрисландии. Этот же факт раннего поселения фризов в районе Шлея подтверждает и большое сходство в обычае погребений, в частности в южном поселке Хайтхабу с погребениями Раннего Средневековья на южном берегу Северного моря¹⁰.

Таким фризы дополнили ранее, в первые века н.э., поселившихся в области Шлея, этом удобном месте побережья Балтийского моря, торговцев и ремесленников из ближайшей округи – потомков англов, саксов и датчан, которые, постепенно эмансипируясь от сельского хозяйства, создавали основу формировавшегося здесь торгово-ремесленного пункта¹¹.

Уже в IX в., судя по металлическим украшениям североευропейского наряда, преимущественно женским, найденным в большом кладбище внутри Кольцевого вала¹², в Хайтхабу поселилась группа людей, пришедшая с севера – собственно скандинавы¹³. Поскольку одну треть керамики поселка, относимой к IX в., составляла датская и славянская, в Хайтхабу поселились датчане и славяне¹⁴. Наконец, по сообщению Адама Бременского, уже в середине X в. в Хайтхабу была колония саксонцев¹⁵.

Таким образом, население Хайтхабу было многоэтническим, оно пополнялось за счет пришельцев с запада, севера и востока.

Археологические находки указывают на социальное расслоение жителей Хайтхабу: на поселении на протяжении его существования были могилы как с богатым погребальным инвентарем, так и с бедным или вовсе без инвентаря¹⁶. Исследования большого и малого (камерного) кладбищ внутри дугообразного вала в Хайтхабу¹⁷ и камерного погребения с ладьей южнее его¹⁸ показали, что среди населения этого поселка выделялась прослойка знати и богачей, которая погребалась обособленно, в рос-

кошных камерных могилах с богатым инвентарем, причем мужчин (по-видимому, королевских дружинников) хоронили с боевым оружием¹⁹, тогда как большое кладбище с бедным инвентарем предназначалось для основной массы жителей. Это большинство населения Хайтхабу составляли ремесленники, что подтверждается многочисленными обнаруженными следами ремесленной деятельности. Г. Штойер полагает, что основная масса населения Хайтхабу (около 95%) принадлежала к ремесленному слою, а также к группе христиан, отказавшейся от культа погребения с инвентарем²⁰. Меньшую часть представляли купцы, разбогатевшие на разных промыслах и торговле. Предполагается, что жили они в добротных домах, построенных вблизи гавани²¹. К ним примыкали дружинники, выше которых были королевские семьи.

На социальное расслоение населения Хайтхабу указывают и письменные источники. В «Жизнеописании Ансария» Римберга упоминаются в середине IX в. в Шлезвиге (Хайтхабу) «видные мужи вика» (*primoges vici*), которые имели обыкновение посещать Дорестада или Гамбург²². В других источниках говорится о купцах оседлых и приезжих²³. Однако генезис «видных мужей» неизвестен: была это дружинная прослойка, поселившаяся в Хайтхабу, или же разбогатевшая на торговле часть его населения. О купцах, видимо, свидетельствует и рунический камень у Хайтхабу в честь Эрика, поставленный дружинником Свена (вероятно, короля Свена Вилобородого) Торкульфом, где Эрик назван как «войн» и «филага»²⁴ причем *филага* истолковывается Янкуном как торговый компаньон учредителя этого памятного камня²⁵.

Поскольку Хайтхабу был не только экономическим центром, где концентрировались ремесленники и купцы, но временами резиденцией королей и их дружин, на эту социально возвысившуюся группу, помимо выше названного памятного камня, указывают другие рунические камни, найденные в окрестностях. Прежде всего два памятных камня, поставленные Асфридой в честь короля Зигтригга, своего и Кнубы сына²⁶, датируемые 1-й половиной X в., из чего явствует, что в конце IX – первой половине X в. Хайтхабу был центром шведской королевской династии и ее дружины. Неподалеку от Хайтхабу, у датской оборонительной линии датским королем Свеном был поставлен камень в честь королевского дружинника Скарде, датируемый концом X в.²⁷ В определенные времена в Хайтхабу пребывали короли и их дружины, а во время их отсутствия здесь находился назначенный ими чиновник – викграф²⁸ или префект «вика». Отсюда выявляется и институт управления в Хайтхабу в лице названного королевского уполномоченного. А с завоеванием в 934 г. Хайтхабу немецким королем Генрихом I и с образованием там особой «марки» появляется другое должностное лицо – маркграф²⁹.

Постройка в середине IX в. в Хайтхабу церкви³⁰, наличие там христианской общины³¹, а также тот факт, что при Оттоне I Хайтхабу стал центром отдельной епархии³², дают основание полагать, что там, по крайней мере в X в., имелась прослойка католического клира. И наконец, источники упоминают рабов в Хайтхабу³³.

Таким образом, и письменные источники, и археологические останки выделяют немногих богатых и могущественных из массы бедных и безвластных. Из ремесленного населения выделялся узкий слой богатых купцов и воинов, представителей которых хоронили после смерти с драгоценным погребальным инвентарем³⁴. Это социально ведущая группа была открыта влиянию западноевропейской культуры, была с самого начала готова принять христианство, что повлияло на относительно быстрое принятие новой веры в Хайтхабу³⁵.

Верхний слой по отношению к остальной массе населения обладал руководящей функцией. Из этой среды исходили не только духовные, но и импульсы, формирующие моду. Это видно по западноевропейским формам украшений, доходившим до Хайтхабу, в которых отражался «сплав» в художественном ремесле: чуждой западной и привычной северной в новые декоративные формы. Так формировались украшения, отвечающие вкусам богатого слоя населения Хайтхабу.

Археологические источники зафиксировали не только социальную неоднородность населения Хайтхабу в эпоху викингов, но и его профессиональную дифференциацию. Раскопками на поселении было установлено, что здесь помимо купцов и воинов оседло жили ремесленники разных специальностей, причем некоторые, возможно, были объединены в цехи. Более того, они показали, что социальное расслоение населения Хайтхабу, особенно в X в., зашло далеко, до какой-то степени отразив структуру «городского» общества, стиль жизни верхнего слоя. Пролили они некоторый свет и на общественные отношения в Северной Европе эпохи викингов, на религиозные и национальные различия. Вместе с письменными источниками они указывают на элементы организации купечества, ремесленников, дружинников вокруг королей. Таким образом, социальная дифференциация населения Хайтхабу отделяла их от современных им аграрных поселений, где население было социально однородней. По мнению Янкуна, крупного знатока североевропейских «вигов», развитие Хайтхабу следует рассматривать на фоне происходивших тогда социальных перемен в Европе, вследствие которых купцы и ремесленники выделялись из окружающего их чисто крестьянского общества и компактно поселялись в определенных местах, обеспечивая свое существование промысловой и торговой деятельностью³⁶.

Это особенно стало заметным в эпоху викингов с ее широкими связями и возможностью обогащения. Тогда в Северной Европе за сравнительно короткий срок произошли значительные перемены: родовые связи постепенно уступали место вассально-ленным отношениям. Наряду с королями появлялся могущественный слой военных предводителей, существовал широкий слой свободных и зависимых крестьян, слой купцов и ремесленников и, наконец, слой рабов, возникший в результате походов викингов. Данный процесс был особенно заметен в торгово-ремесленных поселениях, распространившихся не только на севере, но и во всей Франкской державе, где сосредоточивались новые экономические силы, где полное развитие получало свободное рыночное хозяйство, откуда и в деревню проникало денежное хозяйство³⁷.

И Хайтхабу в этом отношении не был исключением: по составу он выделялся как торгово-ремесленное, а не аграрное поселение. А вместе с процессом урбанизации Хайтхабу росла численность его населения, углублялось его социальное расслоение.

Примечания

¹ Derselbe. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster. 1972. S. 253.

² *Annales regni Francorum*. Hannoverae, 1895. S. 126, a. 808.

³ *Jacob G.* Arabische Berichte vom Gesandten an germanische Fürstentümer aus dem 9. und 10. Jahrhundert // *Quellen zur Deutschen Volkskunde*. Heft 1. Berlin und Leipzig. 1927. S. 29.

⁴ *Brandt O.* Geschichte Schleswig-Holstein. Kiel, 1957. S. 50—51, 53.

⁵ *Jankuhn H.* Anthropologische Struktur und Soziale Gliederung der Bevölkerung von Haithabu // DFG. Archdologische und Naturwissenschaftliche Untersuchungen an Siedlungen in deutschen Küstengebiet. Bd. 2. Weinheim, 1984. S. 251, 254.

⁶ *Schaefer U.* Anthropologische Untersuchung der Skelette von Haithabu // *Die Ausgrabungen in Haithabu*. Bd. 4. Neumünster, 1963. S. 195 ff., 200.

⁷ Derselbe. Demographische Beobachtungen an der Wikingerzeitlichen Bevölkerung von Haithabu // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. Bd. 47. 2. Stuttgart, 1955. S. 222—227; *Helmuth H.* Anthropologische Untersuchungen an menschlichen Skelettresten der frühmittelalterlichen Siedlung Haithabu // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. Bericht 11. Neumünster, 1977. S. 48.

⁸ *Jankuhn H.* Haithabu. Neumünster, 1972. S. 254; *Steuer H.* Die Stidsiedlung von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 6. Neumünster, 1974. S. 19 ff., 163.

⁹ *Hübener W.* Die Keramik von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu. B. 2. Neumünster, 1952. S. 25 ff., 79 ff.

¹⁰ *Steuer H.* Op. cit. S. 163.

¹¹ *Brandt O.* Op. cit. S. 50 ff.

¹² *Jankuhn H.* Haithabu. S. 254—255.

¹³ *Schaefer U.* Op. cit. S. 195 ff.; *Helmuth H.* Op. cit. S. 48.

¹⁴ *Steuer H.* Op. cit. S. 163—164.

¹⁵ *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum*, bearbeitet von W. Trillmich // *Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches*. Bd. 11. Berlin, 1961.1, cap. 57.

МАСОНСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ИМПЕРИЯ: НАЧАЛО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Провозглашение Великой ложи Лондона в 1717 г. и публикация книги «Конституций» Дж. Андерсона в 1723 г. открыли летопись масонского движения. В самое короткое время оно перешагнуло границы Англии, распространившись в большинстве стран Европы. Не осталась в стороне и Российская империя: в С.-Петербурге появились первые «вольные каменщики». Однако «английские» ложи быстро утратили монополию: уже в 50-е гг. XVIII в. в Россию проникло «шотландское» масонство. Помимо классических степеней обновленного братства – ученик, подмастерье, мастер – оно признавало дополнительные, «высокие степени». Его адептом стал актер придворного театра Луи Теодор де Чуди¹. Высоким покровителем «шотландцев» объявил себя И.И. Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

Спустя два десятилетия широкую известность в С.-Петербурге приобрел обряд строгого послушания, зародившийся в Пруссии. Он распространялся усилиями гвардейского генерал-аудитора барона А.Б. фон Рейхеля. Успешную конкуренцию раннему немецкому масонству в России составили шведские, или «рыцарские», ложи. Их страстным пропагандистом явился князь А.Б. Куракин. В 1778 г. сторонники шведского обряда соединились в единую масонскую структуру, которую возглавил Капитул Феникса². Спустя год в С.-Петербурге состоялось торжественное открытие Великой Национальной ложи, подчинявшейся Стокгольмскому капитулу и его патрону герцогу Карлу Зюдерманландскому. Ее возглавил князь Г.П. Гагарин. В тщетных попытках объединить российских «каменщиков» протекала деятельность И.П. Елагина. В 1772 г. он получил из Лондона статус Великого провинциального мастера, а также патент на создание Великой ложи России³.

В последней четверти XVIII в. наиболее известными в Российской империи центрами масонского движения стали С.-Петербург, Кронштадт, Рига, Митава, Ревель, Москва, Владимир, Яссы и Архангельск. Несмотря на широкий ареал распространения, количество местных «вольных каменщиков», по всей видимости, не превышало 1 000, а количество лож – 100⁴. В российских ложах преобладали иноземные масоны. Нередко немцы, англичане и французы заполняли масонские собрания полностью. Таковой, к примеру, была ложа Трех Знамен, созданная в Москве и следовавшая уставам шотландского обряда. В 1779–1782 гг. она почти полностью состояла из немцев и работала на немецком, изредка на французском языках⁵. Конкуренцию иностранным ложам составляли смешанные по национальному составу, а потому – русскоязычные, ложи⁶. Однако выбор языка при организации масонских лож в России никогда не являлся принципиаль-

¹⁶ Knorr Fr. Schleswig und Haithabu // Schleswig-Holsteinisches Kunstkalender. Hamburg, 1924. S. 27–28; Jankuhn H. Haithabu. S. 263.

¹⁷ Jankuhn H. Haithabu. S. 263.

¹⁸ Muller-Wille M. Das Bootkammergab von Haithabu. Bericht 8. 1976. S. 9 ff.

¹⁹ Auer E. Zur Schwedenherrschaft in Haithabu // Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte. Bd. 87. Neumünster, 1962. S. 56.

²⁰ Steuer H. Op. cit. S. 362–363.

²¹ Jankuhn H. Haithabu. S. 262.

²² Rimbert. Vita Anskar, bearbeitet von W. Trillmich // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches. B. 11. Berlin, 1961. Cap. 24. S. 80.

²³ Annales regni Francorum. S. 126, a. 808; Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum... Cap. 57. S. 228.

²⁴ Quellen zur Frage Schleswig-Haithabu. Hrsg. von O. Scheel und P. Paulsen. Kiel, 1930. S. 13.

²⁵ Jankuhn H. Soziale Gliederung der Bevölkerung von Haithabu nach historischen Quellen // D.F.G. Archdologische und Naturwissenschaftliche Untersuchungen ... Bd. 2. Weinheim, 1984. S. 337.

²⁶ Quellen zur Frage Schleswig-Haithabu. S. 14.

²⁷ Ibid.

²⁸ Rimbert. Cap. 32. S. 100.

²⁹ Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum... Cap. 57. S. 228.

³⁰ Quellen zur Frage Schleswig-Haithabu. S. 105.

³¹ Ibidem. S. 226.

³² Ibid. S. 73.

³³ Rimbert. Cap. 15. S. 50.

³⁴ Jankuhn H. Zur Topographie frühmittelalterlichen Stadtanlagen im Norden und zur Soziologie ihrer Bewohner // Beiträge zur Landeskunde von Schleswig-Holstein. Kiel, 1953. S. 96–99.

³⁵ Rimbert. Cap. 24.

³⁶ Jankuhn H. Haithabu. S. 261–262.

³⁷ Aubin H., Zorn W. Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1978. S. 119.

ным вопросом: все решал традиционно высокий уровень образованности представителей высших сословий, являвшихся основными волонтерами движения. Возникшая проблема, которая препятствовала распространению масонства в разночинской (менее образованной) среде, была решена в конце XVIII в., после появления переводных масонских уставов.

Адаптированные масонские документы полностью соответствовали западным оригиналам и допускали лишь незначительные стилистические отступления. Так, важнейшие разделы масонских «Предписаний», вошедшие в книгу «Конституций», были продублированы в тексте «Всеобщих законов» (1782 г.), которыми руководствовались «братья» в России⁷. О.Ф. Соловьев, анализируя текст масонской клятвы XVIII в., выделяет три уровня совпадающих требований: верность Богу, закону, правительству и Отечеству; соблюдение христианских добродетелей; сохранение своих внутренних тайн⁸.

Преемственность с книгой «Конституций» прослеживается в найденном в начале XX в. историком Т.О. Соколовской «Уставе вольных каменщиков», регламентирующем работу регулярной ложи⁹. Его первый раздел озаглавлен «О должностях к Богу и религии». Как и в тексте английских «Предписаний», российскому «вольному каменщику» рекомендовано свято придерживаться веры в Бога и «божественного закона Христа Спасителя». В полном соответствии с канонами апостольской веры здесь особо оговаривалось бессмертие души. Если первая клятва русского масона давалась Богу, то вторая, в полном соответствии с духом братства – Отечеству и государю. Значительное внимание в русском «Уставе» уделено следованию нравственным законам, благотворительности, уважению к Ордену и себе подобным. Так поддерживалась тесная связь европейского и русского масонства, которая опиралась на взаимное желание сохранить организационное единство Ордена «вольных каменщиков». Масонские ложи Российской империи проводили заседания в точном соответствии с общепринятыми на Западе уставами и обрядниками. Совпадали в XVIII в. и идейные пристрастия масонских лож Западной и Восточной Европы.

Социальный срез первых масонских структур России являл собой картину исключительно чиновничье-дворянскую. Не удивительно, что православные масоны, равно как их «братья» на Западе, стремились обрести покровительство властей и правящего монарха. Законодателями моды здесь выступали представители приближенной ко двору аристократии. В списке основоположников и активных участников масонского движения в России на протяжении XVIII в. неизменно присутствуют самые родовитые фамилии. Среди них графы П.И. Панин, Н.Н. Головин, З.Г. Чернышев, А.К. Разумовский, А.С. Строганов, князя Н.В. Репнин, Ю.В. Долгорукий, Г.П. Гагарин, А.Б. Куракин. Разночинские же элементы долгое время не допускались в ложи.

В конце 1770-х – начале 1780-х гг. в масонских структурах России наметились важные перемены. Они были обусловлены внутренними обще-

ственными процессами, хотя и совпали по времени с очередными масонскими реформами на Западе. Свою роль сыграл эффект временного охлаждения к масонству в высшем свете. Модное увлечение на время превратилось в элемент поднадоевшего подражания. Парадная мишура иноязычных собраний, непонятно-бессмысленные обряды, засилье иностранцев, скучнейшие заседания, недостижимость участия для простого человека – все это породило недоверие, а иногда и враждебное отношение к чужакам-«фармазонам».

Однако ложи чудаковатых «каменщиков» не были преданы забвению: масонские собрания успели превратиться в важный элемент стратегии личной и социальной идентификации. Принадлежность к братству давала человеку ощущение причастности к слою добродетельных и просвещенных подданных, то есть к избранным. Наряду с клубами, литературными и научными обществами, салонами и театрами ложи успели утвердить себя также в качестве нового института публичной сферы. В восприятии посвященного, масонский храм обеспечивал течение жизни в неизведанной ранее системе координат – за пределами службы, церкви и семьи¹⁰. У «братьев» были все основания гордиться званием масона.

Как и в большинстве европейских стран, активными участниками очередной масонской модернизации стали представители дворянской интеллигенции, избравшие непростую стезю критиков-вольнодумцев. В движении «вольных каменщиков» российские эпигоны увидели столь необходимую для них среду, способную воспринять пропаганду передовых воззрений. Так масонские ложи в России, никогда не помышлявшие о фронде, вплотную приблизились к запретной для них сфере политики и неминуемо должны были вступить в конфликт с государственной властью.

Новое поколение русских масонов, возвращенное на высоких идеалах европейского свободомыслия, настойчиво искало философские системы, которые более точно соответствовали бы их собственным представлениям об истине и благе. В итоге в 1783 г. в Москве был учрежден орден Злато-розового Креста, участники которого являлись последователями взглядов французского мистика К. де Сен-Мартена. Он стал филиалом Берлинского ордена розенкрейцеров, возглавлявшегося известным масоном и медиком И.Х. Таденом. Переговоры о создании российского ордена провели И.Е. Шварц и П.А. Татищев, отправившиеся в Пруссию на поиски «истинного масонства»¹¹.

Впервые о существовании ордена розенкрейцеров было заявлено в 1614 г. в манифесте под названием «Fama Fraternitatis R.C.» («Откровение Братства Высокопочтимого ордена Розового Креста»). Текст этого документа, с изложением учения розенкрейцеров на латыни и на немецком, был адресован «всем ученым и правителям Европы»¹². На первом месте здесь упомянуто ремесло врачевания «больных безнадежно»¹³, что, по всей видимости, подразумевало оказание помощи бедствующему человечеству. Второй пункт оговаривал манеры поведения разноплеменных членов ор-

дена в повседневной жизни. В частности, все они обязывались носить одежду в соответствии с обычаями той земли, где они находились. Третий устанавливал обязательность ежегодных собраний. Четвертый предлагал каждому «брату» найти себе преемника. В пятом речь шла об установлении примитивных мер конспирации, которые сводились к оглашению слова-пароля розенкрейцера. Последний, шестой, пункт определял сроки тайной деятельности ордена: 100 лет¹⁴.

Основателем общества в книге назван немецкий мистик Х. Розенкрейц. Этот человек родился в 1378 г. и, будучи воспитанником одного из монастырей, якобы еще в юном возрасте, побывал в Палестине, Аравии и Египте. На Востоке он семь лет общался с мудростью. Вернувшись на родину, создал тайное общество с целью реализации полученных знаний, которые являлись, по-видимому, синтезом иудейского, исламского и христианского гнозисов. Оно получило название ордена розенкрейцеров, составленное по двум названиям: розы, символа вечности, и креста, символа страдания¹⁵. Нет сомнений, что речь идет о легендарной личности, реальность существования которой в истории осталась недоказанной. При рассмотрении легенды бросается в глаза поразительное совпадение историко-аллегорических корней розенкрейцеров и масонов. Неслучайно члены братства Розы и Креста, порожденного эпохой Возрождения, пополнили масонское движение, превратившись в избранный круг «вольных каменщиков».

После возвращения И.Е. Шварца и П.А. Татищева в Москву в состав российского ордена розенкрейцеров была незамедлительно включена влиятельная Материнская ложа Трех Знамен. Конституционный патент на ее создание был выдан много ранее – 18 августа 1779 г. Он был подписан герцогом Ф. Брауншвейгским – избранным шотландским Великим мастером соединенных масонских лож Германии. Первое собрание ложи состоялось 21 сентября 1779 г. Поначалу она выделялась приверженностью немецким и французским уставам. Однако после утверждения розенкрейцеровских традиций в ней произошли глубокие изменения. Главную роль в масонской «перестройке» сыграли люди, получившие новые полномочия. В частности, профессор-филолог Московского университета И.Е. Шварц был назначен «единственным верховным представителем теоретической степени» во всей России¹⁶.

Между Москвой и Берлином завязалась переписка, по итогам которой российские розенкрейцеры взяли на себя обязательства неуклонно поддерживать инициативы герцога Брауншвейгского, уже одобренные в 1782 г. масонским конгрессом в Вильгельмсбаде. Их суть состояла в унификации ордена, осуждении иллюминатов¹⁷, преодолении раскола масонства путем отказа от хаотичного «изобретения» новых, в том числе «рыцарско-тамплиерских», обрядов¹⁸. Распространение в Москве «научного масонства» и самого ордена розенкрейцеров имело целью формирование особой административной надстройки, призванной заменить существование высших степеней в других обрядах. Для координа-

ции усилий в Россию прибыл немецкий эмиссар Г. Шредер¹⁹. В 1787 г., в качестве уполномоченного московских розенкрейцеров в Берлин выехал А.М. Кутузов.

Сотрудничая с московскими «братьями», «вольные каменщики» Пруссии решали свои стратегические задачи: добываясь единодушия и единоначалия, они пытались установить контроль над масонскими обрядами всей Европы, отобрать пальму первенства у могущественной и становившейся враждебной Британии. В этой ситуации роль новоявленных московских розенкрейцеров выглядит подчиненной. На самом деле российские «братья» сумели обрести для себя немалые выгоды: установление особых контактов с немецкими масонами, в противовес Британии и Швеции, помогло им занять более выгодное место в орденской иерархии, выйти на европейскую арену. На конвенте в Вильгельмсбаде, участниками которого были И.Г. Шварц и П.А. Татищев, территория Российской империи была признана самостоятельной масонской провинцией. До этого Россия располагала статусом IX провинции в рамках «шведского» обряда. Однако он являлся сепаратистским, а потому не признавался другими странами. На основании нового решения 30 апреля 1784 г. в Москве состоялось учреждение Провинциального капитула и директории, назначенного для управления российскими ложами. В состав руководства вошли князь Н.Н. Трубецкой, Н.И. Новиков и П.А. Татищев. Деканом провинции был избран видный московский масон князь Ю.Н. Трубецкой.

В целом состоявшиеся перемены носили весьма умеренный характер. Об этом говорит тот факт, что московские розенкрейцеры не прервали отношений со старой руководящей элитой братства. К примеру, негласным покровителем поручика в отставке Н.И. Новикова оставался генерал-фельдмаршал князь Н.В. Репнин. Будучи радикалами лишь в глазах малограмотных обывателей, масоны-розенкрейцеры предпочитали дистанцироваться от опасных политических увлечений. Об этом свидетельствуют уникальные документы, сохранившиеся в масонских архивах Москвы. Особый интерес вызывает «Циркуляр об иллюминатах в Германии», распространенный в 1787 г. Анонимные авторы, выражая настроения провинциальных розенкрейцеров, характеризовали политизированный немецкий орден как «вредоносную секту», которая отвлекает истинных масонов от «чистой Христианской Религии». Столь же отрицательно были оценены стремления главы иллюминатов А. Вейсгаупта к «необузданной независимости от светской и духовной власти». Его приверженцы были названы ложными просветителями и даже душеубийцами. Все «истинные братья» призывались к тому, чтобы «противостоять врагу», и следовать собственной морали, которая предусматривала служение «Учению и образу Спасителя и Мастера нашего Иисуса Христа»²⁰.

Несмотря на скромные возможности, деятельность московских розенкрейцеров Н.И. Новикова, С.И. Гамалеи, И.В. Лопухина, И.Г. Шварца, П.А. Татищева, И.П. Тургенева составила серьезную конкуренцию столич-

ным ломам. Прежде всего она была направлена на упрочение позиций благотворительно-христианского направления в отечественном масонстве. По оценкам московского главнокомандующего князя А.А. Прозоровского, розенкрейцерские ложи в короткое время объединили около 800 человек²¹. Впрочем, их популярность власть не обрадовала. Особое беспокойство у князя, который не симпатизировал масонам, вызывали зарубежные связи московских мартинистов-розенкрейцеров. Перлюстрация писем позволяла ему судить об их интенсивности. В списке авторов писем значились А.М. Кутузов, А.А. Плещеев, Н.Н. Трубецкой, И.Г. Шварц, Г.Я. Шредер, И.В. Лопухин, Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, А.А. Ржевский, И.П. Тургенев. Их корреспондентами были видные прусские масоны, включая герцогов Брауншвейгского и Гессен-Кассельского.

Розенкрейцеры пытались усилить свое влияние, для чего в Москве были образованы Дружеское общество и Педагогическая семинария, на 10 лет взята в аренду типография Московского университета (Типографское общество)²². В летописи русского Просвещения период 1779–1789 гг. принято называть «Новиковским десятилетием». О проделанной работе свидетельствуют богатейшие коллекции масонских книг и брошюр. Московские розенкрейцеры наладили широкий канал для распространения в России влияния западноевропейских писателей-мистиков, подготовивших становление консервативного течения в идеологии «вольных каменщиков». Их трактаты активно обсуждались в масонских ложах. Поскольку эти трактаты часто попадали в списки литературы, не одобренной Русской православной церковью, издатели печатали их малыми тиражами, они предназначались для узкого масонского круга.

Более широкое распространение среди российского читателя получили труды крупнейшего мистика XVIII в. Л.-К. Сен-Мартена. С ним русские масоны завязали в Риме, Париже и Лондоне личное знакомство. Автор культовой книги «О заблуждениях и истине», только что изданной в России²³, привлек внимание неслучайно: мартинизм, воспринятый розенкрейцерами в качестве идеологического компонента, противопоставлялся радикализму французского Просвещения. Энциклопедисты были объявлены врагами немецкого мистического ордена. Разумеется, такая позиция не являлась тайной для французских мыслителей. Давая оценку книге Сен-Мартена, Вольтер писал Гельвецию: «Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга»²⁴.

Масла в огонь концептуального спора добавили события Великой французской революции. По мнению русских масонов-розенкрейцеров, она стала результатом политического заговора. Эмиссар московских мартинистов А.М. Кутузов, побывав в июле 1789 г. в Париже, характеризовал революцию как «возмутительный акт насилия» со стороны вольнодумцев, просветителей, иллюминатов²⁵. Это мнение разделяли и в Москве: в письме И.В. Лопухина в Берлин от 14 октября 1790 г. революционная Франция

называется юродствующей и несчастной²⁶. Розенкрейцеры, конечно же, знали, что в предреволюционной Франции «истинные» масоны также пытались добиться стабилизации. Активное содействие в этом им оказали российские «братья». В 1773 г. герцог Ф. Орлеанский, кузен короля, осуществил важную реформу масонского ордена: были созданы структуры Великого Востока Франции, лояльного по отношению к монархии и объединившие все капитулы, советы и «шотландские» ложи. Участником этих событий был граф А.С. Строганов. Его включили в состав руководства Великого Востока и поручили работу по редактированию важнейших уставных документов.

В столь напряженной ситуации московские розенкрейцеры сосредоточились на распространении политически нейтральной «классики» масонской литературы. Их стараниями наибольшей популярностью стали пользоваться сочинения К.Ф. Кеппена²⁷, В. Гучинсона²⁸, Т. Уилсона²⁹, И.А. Штарка³⁰, К.Г. Плуменка³¹. В типографии И.В. Лопухина было начато издание популярного масонского альманаха, который распространялся по подписке³². Труды французских просветителей ими не издавались.

27 марта 1786 г. Екатерина II подписала указ о запрете на распространение опасных по содержанию книг. В проскрипционные списки попали многие масонские издания³³. Действия властей активизировались после начала Великой французской революции. Свою роль сыграли также доносы князя А.А. Прозоровского: он подозревал розенкрейцеров в «заведении новой церкви», во вмешательстве в государственные дела и даже в республиканизме. «Мартинисты, – писал Прозоровский императрице, – считают Христа своим начальником и действуют Его именем, а это значит: где Христос управляет, то тут другого правительства, как гражданского, так духовного, быть не может... Через книги и школы они пытаются приготовить умы к тому, чтобы их признать законниками»³⁴. Он характеризовал масонов-розенкрейцеров, которых в совокупности именовал мартинистами, политическими преступниками, и радовался, что ему удалось разрушить их опасный замысел.

Маховик репрессий в Москве был запущен. В начале лета 1792 г. был арестован, а затем приговорен к 15-летнему заключению в Шлиссельбургской крепости масон и розенкрейцер Н.И. Новиков. Пострадавший «за идею», не признавая вины, он объяснял на следствии, что «истинное масонство ведет к нравственному исправлению»³⁵. Помимо него были допрошены Н.Н. Трубецкой, И.В. Лопухин и И.П. Тургенев. Одним из главных результатов разгрома московских розенкрейцеров стали ограничения свободы издательской деятельности³⁶.

Расправа над Новиковым поставила под вопрос существование всех российских «вольных каменщиков». Усилия генерала П.И. Мелиссино, вознамерившегося создать национальный масонский орден, ситуацию не изменили. Императрица не без оснований связывала деятельность «вольных каменщиков» с проникновением в Россию влияния столь ненавистой ей

французской революции. Особые опасения при дворе вызвало воздействие масонского вольномыслия на цесаревича Павла.

Первое столкновение масонства и самодержавия закончилось для братства «легким испугом»: в указе А.А. Прозоровскому, подписанном 1 августа 1792 г., Екатерина не объявила о запрете масонских лож³⁷. Однако многие исследователи пишут о якобы состоявшемся в конце XVIII в. роспуске масонства в России³⁸. На самом деле, суровое наказание Н.И. Новикова, который был охарактеризован императрицей как «фанатик», явилось лишь грозным предупреждением его последователям в Москве и покровителям в С.-Петербурге. После этого деятельность масонских собраний России, впервые уличенных в неблагонадежности, верноподданнически замерла сама по себе.

Смерть Екатерины II изменила ситуацию. Павел I отменил враждебные по отношению к масонству указы прежних лет. Однако внимание императора было обращено на установления официальных отношений с рыцарями ордена госпитальеров (иоаннитов), резиденцией которых с 1530 г. являлась Мальта³⁹. Со времен Крестовых походов мальтийские рыцари поддерживали тесные связи со многим царственным домам Европы. После захвата острова войсками Бонапарта в 1798 г. российский император незамедлительно принял титул Великого Магистра ордена, обеспечив ему покровительство.

Подлинный взлет российского масонства пришелся на время правления Александра I. Однако он оказался недолгим. Указ от 1 августа 1822 г., спустя три десятилетия после осуждения Н.И. Новикова, приравнял масонские собрания к тайным обществам и навсегда запретил их в Российской империи.

Масонское движение в России уже в начале своего существования оказало мощное духовно-нравственное и культурное воздействие на общество. Вне всяких сомнений, новомодное увлечение должно было содействовать приобщению патриархальной православной страны к исповедуемым «вольными каменщиками» либеральным ценностям западноевропейской цивилизации. Однако традиционная для России корреляция внешнего духовного влияния, ставшая прерогативой самодержавия, в скором времени поставила масонское движение вне закона.

Примечания

¹ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX–начала XX века. М., 1998. С. 22.

² Соколовская Т.О. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). Пг., 1916.

³ Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 52.

⁴ Соловьев О.Ф. Русские масоны: От Романовых до Березовского. М., 2005. С. 97.

⁵ Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцера. СПб., 2005. С. 201.

⁶ Там же. С. 61–62.

⁷ Всеобщие законы // НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 2. Л. 19–20.

⁸ Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 31.

⁹ Соколовская Т.О. Устав Вольных Каменщиков (XVIII–XIX вв.): Из материалов для истории русского масонства. СПб., 1907. С. 5–16.

¹⁰ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 9.

¹¹ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 208.

¹² Йейтс Ф.А., Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 363.

¹³ Fama Fratemitatis, То есть Вещание Братства высокохвального Ордена Р. К. к государям разного состояния, людям и ученым в Европе // НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 178. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 25–26.

¹⁵ Андреев А. Р. Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. М., 2001. С. 100.

¹⁶ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 206.

¹⁷ Орден иллюминатов (просветленных) был создан в 1776 г. в Баварии, пытался приобрести политическое влияние, был запрещен в 1784 г.

¹⁸ Hammermayer L. La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie. Revue annuelle publiée par la Société française d'étude du XVIII siècle. № 19. P., 1987. P. 73–95.

¹⁹ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 208.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 458. Л. 1–4.

²¹ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. XXII.

²² Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 31.

²³ Сен-Мартен Л.-К. О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. М., 1785.

²⁴ Барсков Я.Л. Указ. соч. С. XXXIX.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ [Кетпен К. Ф.] Крата Репоя, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов. М., 1779.

²⁸ [Гучинсон В.] Дух масонства: Нравоучительные и истолковательные речи. М., 1783.

²⁹ [Уилсон Т.] Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно. СПб., 1784.

³⁰ [Штарк И. А.] Апология, или Защищение ордена Вольных Каменщиков. М., 1784; Он же. О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов. М., 1785.

³¹ [Плуменек К. Г.] Влияние истинного свободного каменшества во всеобщее благо государств. М., 1816.

³² Магазин свободно-каменщический, содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою: В 7 т. М., 1784.

³³ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. СПб., 1884. С. 407, 446.

³⁴ Барсков Я. Л. Указ. соч. С. XIV.

³⁵ Ответы Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 г. // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. Ч. II. Вып. 3. М., 1923. С. 226–236.

³⁶ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 19–34.

³⁷ Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 23–24.

³⁸ Платонов О. А. Криминальная история масонства, 1731–2004 гг. М., 2005. С. 59.

³⁹ Захаров В. А. Суверенный Мальтийский орден: взгляд сквозь века // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 184–204.

**НАЦИЯ И ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ЛИБЕРАЛ Ф.К. ДАЛЬМАН ВО ФРАНКФУРТСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ
(1848–1849 гг.)**

Накануне революции 1848 г. изгнанный из Геттингенского университета за поддержку конституции Ганновера либеральный историк Фридрих Кристоф Дальман нашел приют в Бонне (Прусское королевство).

Его коллеги были очень обеспокоены, не угрожает ли французская республика 1848 г. Пруссии и не разбудит ли республиканские симпатии у боннских студентов. В своих лекциях он пытался предупредить формирование подобных настроений, поэтому с энтузиазмом восхвалял идеалы конституционной монархии, призывал осуществить все, что соответствовало ее принципам. К его советам прислушивались многие германские принцы, среди которых были баденский и саксонский наследники. По мнению профессора, политика Пруссии являлась оптимальной в этих условиях. По поручению боннского университетского сообщества Дальман подготовил специальный адрес, где указывал на опасности, которые могут возникнуть вследствие свержения монархии¹.

В представлении Дальмана, именно монархия была гарантией немецкой свободы, а прусский король, пойдя навстречу своему народу, являл собой пример такого политического поведения. Он утверждал: «Пруссия призвана для того, чтобы возглавить Германию. Миг настал. Отсутствие в Пруссии в отличие от верхненемецких государств конституционных свобод делало эту цель недостижимой. Но созыв соединенного ландтага заполнил эту лауну. Теперь она способна предотвратить распад Германии на две враждебные части и примирить свободу и справедливость»².

Однако политические настроения граждан Рейнской области заставили Дальмана признать, что вряд ли его действия здесь приведут к успеху. В Кельне и его окрестностях население находилось под сильным влиянием ультрамонтанов и католических юристов или склонялось к демократическому выбору. И когда после событий 18 марта 1848 г. в Берлине там также возникло «мартовское министерство» и министр культов граф Шверин пригласил его в Берлин, Дальман отправился в столицу Пруссии незамедлительно. Заинтересованность прусского правительства в сотрудничестве с Дальманом была довольно прагматической: ему был необходим человек, популярный в либеральных кругах, который мог бы отстаивать интересы Пруссии в ходе преобразования союзных структур. 28 марта Дальман был направлен во Франкфурт-на-Майне. Но будучи человеком дальновидным, он отказался стать прусским посланником в еще не исчезнувшем Союзном сейме³.

Союзный сейм (бундестаг) попытался сохранить себя и 3 марта 1848 г. объявил о введении свободы печати, а 10 марта – о создании «комитета 17-ти», призванного преобразовать союзное устройство в согласии с «истинно

национальными» принципами. Дальман наряду с Ф.Д. Бассерманом, И.Г. Дройзеном, М. фон Гагерном и Г.Г. Гервинусом вошел в состав комитета. Подготовленный комитетом проект единого немецкого государства стремился учесть федеративно-династические традиции Германии.

Вопрос о путях создания единого национального государства обсуждался на конгрессе в Гейдельберге 5 марта 1848 г., который специально для этого организовал «комиссию 7-ми», где преобладали представители либерального Юго-Запада и которая не желала видеть Союзный сейм в числе реформаторов⁴.

Поэтому созыв предпарламента (Vorparlament) был необходим. Он заседал во Франкфурте в церкви св. Павла с 31 марта по 3 апреля 1848 г. Президентом его стал Миттермайер, а Дальман – одним из вице-президентов. На его заседаниях шли жаркие дебаты между либералами, сторонниками конституционной монархии, и демократами, стремившимися воплотить республиканский идеал в едином немецком государстве. Дальман и либералы стремились к скорейшей легализации революции, их девизом стало: «Не революционное движение, а порядок и единство». Поэтому они выступали за признание собравшимися депутатами конституционно-монархического принципа устройства будущего единого государства, сохранение династий государств Германского союза. Дальман и его сторонники четко определяли компетенцию федерального центра и в целом желали легализации нового посредством сохранения правовых традиций. Они подчеркивали: «Германия любит свои династии, так как они – носители цивилизации и культуры»⁵.

Дальман стал депутатом первого в истории Германии национального представительства – Франкфуртского парламента. На его заседаниях он ратовал за утверждение в едином немецком государстве абсолютного вето монарха, двухпалатного парламента и превращение прусского короля в императора Германии. Австрию Дальман предлагал исключить из будущего единого государства, поскольку, по его мнению, ее «идеал» не соответствовал «национальной немецкой концепции».

Ярче всего национальные приоритеты Дальмана проявились при решении шлезвиг-гольштейнского вопроса. Весной 1848 г. неожиданно умер датский король Кристиан VIII. Дания поспешила усилить в герцогствах свое влияние, создав в Шлезвиге чисто датское правительство. В ответ герцогство отделилось от Дании и сформировало временное правительство, заявившее о присоединении к Германии. Франкфуртский парламент собрался для определения порядка включения Шлезвига в Германский союз.

Среди его депутатов преобладали настроения, ярко выраженные Ф.К. Дальманом, который при получении депутатского мандата написал: «Я знаю себя очень хорошо, чтобы понимать, что я до конца буду служить шлезвиг-гольштейнскому вопросу, которому посвятил всю молодость»⁶. Он полагал, что начать осуществление единения немцев надо с решения проблемы герцогств.

В Данию были введены войска Пруссии, Ганновера и других германских государств, которые уже очень скоро были близки к победе. 9 июня 1848 г. Дальман выступил в Национальном собрании со страстной речью, в которой утверждал, что для Германии дело чести – покончить с вековым бесправием, царившим в герцогствах⁷. Он связывал решение шлезвиг-гольштейнского вопроса с процессом объединения Германии: «Если вы в шлезвиг-гольштейнском вопросе упускаете из виду, что есть хорошо и правильно, то таким образом отсекаете главное в решении немецких проблем в целом. Но если вы будете делать то, что требует честь Германии, то это могло бы привести к краху планы тех, кто делает ставку на постоянное существование слабости и неустойчивости нашего немецкого отечества!»⁸

Однако расширения сообщества немцев не произошло. Великобритания, Россия при посредничестве Швеции заставили прусского короля Фридриха Вильгельма IV 26 августа 1848 г. заключить перемирие в Мальмё. Решение о перемирии являлось прежде всего решением Пруссии. Именно ее войска под командованием генерала Врангеля были главной ударной силой. Они захватили не только крупнейшие города Шлезвига, но ввиду блокирования датским флотом немецких берегов Северного и Балтийского морей перешли его границу и вторглись в Ютландию. Именно на Пруссию было оказано беспрецедентное давление. Лорд Пальмерстон побуждал Россию к активным действиям против Пруссии. Россия и Швеция обещали Дании свою помощь в случае продолжения войны, Австрия оставалась на стороне Дании. Пруссия сочла неразумным в этих условиях ссориться со всеми европейскими государствами.

Франкфуртский парламент проявил бескомпромиссность и не признал это перемирие. Сам Дальман попал в очень сложную ситуацию: будучи представителем Пруссии, он по сути оспаривал ее решение. В выступлении 4 сентября 1848 г. политик напомнил депутатам, что в решении шлезвиг-гольштейнского вопроса должна была бы охраняться честь Германии. Он повторил это дважды и вызвал бурные аплодисменты⁹. Используя трибуну Франкфуртского парламента, Дальман доказывал: это спорный вопрос, определяется национальностью языком или нет, в Шлезвиге живет много датчан, но юты – это германские племена, которые защитили свои исконные права в революционной форме, и если прежде их вопрос и не решался, то только из-за страха перед ведущими европейскими державами. Перемирие, считал он, разрушит единство Германии¹⁰.

У Дальмана нашлось много единомышленников, причем не только из либеральных кругов. Во время его речи неоднократно бурную поддержку ему выражали левые¹¹. Известный демократ Р. Блюм заявил, что отношение парламента к перемирию – это своеобразный тест, который покажет, растворится Германия в Пруссии или наоборот. Депутаты подтвердили намерение включить Шлезвиг в союз немецких государств, что вызвало овацию в парламенте, который тем самым показал свое отношение к Венской системе международных отношений.

Итак, национальные ценности так сильно преобладали у Дальмана над либеральными, что он склонен был сотрудничать с республиканцами-демократами, которые пролагали путь к деструктивным действиям и анархии.

16 сентября 1848 г. от прежних оваций во Франкфуртском парламенте практически ничего не осталось. Документы о перемирии были ратифицированы, но с перевесом всего в 22 голоса. Министры центрального правительства во главе со Шмерлингом заявили, что если перемирие не будет ратифицировано, оно уйдет в отставку. В такой ситуации именно Дальману, непримиримому противнику ратификации, поручили возглавить новое правительство, но коллеги-либералы его не поддержали. В. Иордан, некогда выдвинувший лозунг «Всех датчан – к морю», теперь полагал, что отклонение перемирия сильно навредит международному положению Пруссии. В парламенте формировалось компромиссное мнение, что перемирие – «это не приговор Германии». И в итоге оно стало реальностью. Но в этот же вечер реальностью стало восстание во Франкфурте под лозунгом «Спасать честь Германии и братьев из Шлезвига-Гольштейна»¹².

Позиция европейских держав не позволила Франкфуртскому парламенту проводить внешнюю политику, которая соответствовала бы национальным интересам Германии.

Дальман был разочарован. Он видел в ратификации этого документа проявление безрассудства, но полагал, что у Германии еще есть шанс обрести единство. Этот шанс – утверждение имперской конституции. Обсуждение ее проектов стало центральным вопросом работы Франкфуртского парламента. Дальман и его соратники воспринимали империю как желание, как сумму полномочий, которая должна быть определена немецкими территориями. Он был также убежден в необходимости наследственной и постоянной центральной власти, которую необходимо верить дому Гогенцоллернов, и полагал, что ее следует наделить многими правами. И тогда новая империя действительно будет соответствовать статусу единого государства.

В ходе обсуждения проекта конституции пропрусские позиции Дальмана усиливались: он восхвалял Пруссию, доказывая, что только она сможет выразить желания всех немцев. В январе 1849 г. на страницах «Немецкой газеты» Дальман спрашивал: «Что ожидают немцы от главы империи?» И давал лаконичный ответ: «Защищать законы, которые приняло народное представительство во Франкфурте, и это будет власть, величие которой достойно немецкого народа. Такой ответ обращает наши взоры на Пруссию, и не следует не принимать во внимание ее мудрость»¹³. Смягчая факт слабой укорененности принципов свободы в Пруссии, Дальман подчеркивал ее гибкость, восприимчивость к переменам и творческий потенциал: «Как в свое время Бранденбург создал Пруссию, так теперь Пруссия, но в больших масштабах и более осознанно, совершит это со всей Германией»¹⁴. Пропруская позиция Дальмана объяснялась и его стремлением не дать усилиться радикально-демократическим направлениям и, конечно, распространением в этом королевстве протестантизма.

Когда «комитет 17-ти», работавший под руководством Бассермана, а позже Суарона, представил свой проект имперской конституции, тот вызвал резкое неприятие демократов из-за проимперского характера.

Дальман уже на этапе подготовки конституции призывал к скорейшему учреждению временной исполнительной центральной власти, мотивируя это тем, что «в России определили нам (Франкфуртскому парламенту. – *Н.Р.*) срок в три недели, а после этого Германия была бы ввергнута во внутренние раздоры»¹⁵. Несколько раз политик выступал по этому вопросу на заседаниях парламента. Он критиковал систему исполнительной власти, опирающейся исключительно на принцип народного суверенитета и поэтому согласовывающей все свои решения с Национальным собранием, и видел в таком варианте прямой путь к учреждению республики, а затем и к анархии. Дальман полагал, что это очень опасно и не соответствует политической культуре немецкого народа, большая часть которого настроена промонархически, и предлагал оптимальный, на его взгляд, вариант решения: программу из 8-ми пунктов. Ее поддержали Клауссен, Дункер, фон Гагерн, фон Мауерн, фон Раумер, фон Гаукен, Випперман, фон Вюрт, фон Ценнети.

В программе речь шла о создании в качестве временной высшей власти Союзной директории, которая была бы правомочна во всех делах, затрагивающих такие интересы немецкой нации, как безопасность, общее благо, армия, дипломатическое представительство, вопросы войны и мира, и не вмешивалась бы при этом в конституционное строительство. Директория должна осуществлять свою власть через назначаемых ею и ответственных перед Национальным собранием министров. Она должна состоять из 3-х человек, которые назначаются правительством, а Национальное собрание дает на это согласие на основе простого голосования, без дискуссии. Члены директории от имени немецкого правительства будут принимать участие в заседаниях Национального собрания, но право голоса в нем они имели бы лишь тогда, когда подвергнутся процедуре повторных выборов, а без этого совмещение постов членов директории и Национального собрания было невозможным. Когда имперская конституция вступит в силу, деятельность директории и ее министров прекратится¹⁶.

В ходе работы над имперской конституцией Дальман вместе с Мюльфельдом из Вены и Р. фон Модем был выбран для подготовки раздела «Основные права немецкого народа». Разрабатывая этот раздел, они стремились руководствоваться практическими вопросами: состоянием главных форм собственности, свободой ремесла, принципами гражданского и государственного права, отношением церкви и государств, и полагали, что все эти права должны вступить в силу только после формирования единого правительства Германии, так как преждевременная их реализация может привести к жертвам. Большие споры вызвала статья о свободе торговли и о

таможенных пошлинах. Дальман предлагал такой перечень прав, который бы всегда обеспечивал личную свободу в рамках государства. Всего на основе этого материала было вычленено 48 параграфов.

Июньские события 1848 г. во Франции привели к резкой демократизации представлений о правах человека, однако Дальман, Бассерман, Гагерн, Моль настаивали на сохранении принципа государственной пользы (*Staatsraeson*) и не допускали компромиссов с демократически настроенными депутатами. Дальман не только не проявлял готовности к подобным компромиссам, продолжая считать, что «это плохо – стирать разницу между бедностью и богатством, поскольку она существует и будет существовать до тех пор, пока сохраняется государство», но в своих выступлениях производил впечатление сторонника поверхностного либерализма. Так, он был противником отделения церкви и высшего образования от государства, полагая, что ни наука, ни вера, ни потребности народа от этого не выиграют. «В страстном желании полностью отделить церковь от государства я распознаю планы завуалированного властолюбия, равно как и противоположность истинной любви к свободе, мало государственной мудрости и вообще совсем немного просвещенного религиозного рвения. Ведь если мы дадим государству, что ему нужно, и удовлетворим потребности церкви, то этим вовсе не увеличим власть высших церковных прелатов, однако свободное церковное сообщество будет благословлять наши решения.»¹⁷

Дальман внес свои предложения по структуре законодательной власти. Он выступал против требования демократов об учреждении однопалатного парламента и поддерживал идею двухпалатного представительства, состоящего из палаты народов (*Volkshaus*) и палаты государств (*Staatenhaus*), полагая, что последняя должна формироваться по типу сената конгресса США. Дальман принимал участие в дебатах по этому вопросу и заявлял, что главное соображение в пользу двухпалатного парламента – это разнообразие, которое существует в немецких государствах. «Я думаю, – отмечал оратор, – мы совершим благо, если создадим палату, уважающую это разнообразие и основанную на нем, и назовем ее палатой государств»¹⁸.

В речи 6 декабря 1848 г. Дальман проявил себя уже как опытный и очень уверенный в себе политик. Полагая вопрос о двухпалатной структуре парламента решенным, он приступил к обсуждению численности представителей от каждого немецкого государства в палате государств и явно продемонстрировал при этом свои пропрусские позиции, доказывая необходимость предоставления именно Пруссии наибольшего количества мест в верхней палате будущего немецкого парламента¹⁹.

С наибольшим воодушевлением Дальман отстаивал абсолютное вето монарха. 14 декабря 1848 г. он выступил по этому поводу с большой и

яркой речью. Политик призывал депутатов поддержать этот принцип, доказывал, что абсолютное вето обладает скорее идеальной природой, чем практической, но является неотъемлемой чертой каждого настоящего монархического правления, которое, по его мнению, неизмеримо выше республиканского. Он апеллировал к устройству Англии и подчеркивал, что со времен царствования королевы Анны принцип вето не применялся, но в случае крайней государственной необходимости, как вариант спасения он должен существовать. «И все-таки я убежден, – заявил он, – английская корона могла бы и сегодня во всех чрезвычайных случаях вновь воспользоваться надлежащим вето»²⁰. На все возражения, что принцип абсолютного вето противоречит свободе, он твердо парировал, что это не вопрос свободы, а «существенный вопрос власти»: «Разве мы собрались здесь, чтобы утвердить свободу в Германии?.. Ваше намерение утвердить свободу для Германии неизбежно, но не ее одну, у вас есть еще внутреннее стремление создать власть в будущей единой Германии...». Однако Дальман предостерегал от отождествления абсолютного вето с абсолютистскими режимами Австрии и Пруссии²¹, что не мешало ему самому связывать будущее Германии с Пруссией.

Выступления Дальмана по поводу создания в будущем едином германском государстве двухпалатного парламента и введения принципа абсолютного вето вызывали бурные овации со стороны правых партий Франкфуртского парламента и правого центра. А его позиция в шлезвиг-гольштейнском вопросе была одобрена демократами и радикалами. Поведение Дальмана и его взгляды не лишены серьезных противоречий, но он действовал в соответствии с политическими и историческими задачами и интересами немецкого Севера, среди которых наиважнейшим был шлезвиг-гольштейнский вопрос, а также испытывал сильное влияние политического и культурного опыта Великобритании, прочно укоренившегося как в Ганновере, так и других северных государствах Германского союза. Именно эти факторы стали матрицей, определявшей позиции Дальмана в парламентарских дебатах во Франкфурте в 1848–1849 гг.

Принципы малогерманского единства Дальман отстаивал не только на словах. Историк стал членом депутации, которая обратилась к прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV с предложением стать на основе имперской конституции императором Германии. Отказ того от имперской короны стал для Дальмана своеобразным опровержением созданного им образа Пруссии.

Итак, Дальман, будучи либеральным политиком, продемонстрировал несколько иной вариант воплощения либеральной доктрины, нежели лидеры первого поколения либералов немецкого Юго-Запада Роттек и Велькер. Он отдавал явное предпочтение национальным ценностям, долгое время

связывал надежды в решении «немецкого вопроса» с Пруссией. Ценности гражданского общества присутствовали в его идеях и практике в умеренном виде: он довольно прохладно относился к теории естественного права, был сторонником абсолютного вето монарха, двухпалатного парламента. Но Дальман никогда не отказывался от принципов свободы, поэтому прусские симпатии в целом стали своеобразной оболочкой его национально-политических воззрений, содержание которых определялось традициями европейской германской культуры и лютеранства.

Примечания

¹ См.: Von Dahlmann enworfene Adresse der ordentlichen Professoren der Universitdt Bonn an Kunig Friedrich Wilhelm IV. 8. Mdrz 1848 // *Dahlmann F.C. Kleine Schriften* und Reden. Stuttgart, 1886. S. 375-377.

² Ibid. S. 376.

³ *Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann. 2 Bde. Leipzig, 1870. Bd. 2. S. 213–217.*

⁴ *Freyer U. Das Vorparlament zu Frankfurt a. M. im Jahre 1848. Greifswald, 1913. S. 20–22.*

⁵ *Verhandlungen des Deutschen Parlaments. T.I. Frankfurt am Main, 1848. S. 72.*

⁶ *Springer A. Op. cit. Bd. 2. S. 268.*

⁷ *Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849. Reden ьber Schleswig-Holstein. Rede am 9. Juni 1848 // Dahlmann F.C. Kleine Schriften und Reden. S. 422–423.*

⁸ Ibid. S. 426.

⁹ Ibid. S. 427.

¹⁰ *Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849. Reden ьber Schleswig-Holstein. Rede am 9. Juni 1848. Bericht ьber den Malmuer Waffenstillstand am 5. September 1848 // Dahlmann F.C. Kleine Schriften und Reden S. 427–434.*

¹¹ Ibid. S. 431, 432, 433, 434.

¹² *Springer A. Op. cit. S. 299.*

¹³ *Dahlman F.C.. Zur Beherzigung // Deutsche Zeitung. Frankfurt a. M. 1. Januar, 1849.*

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Dahlmann F.C. Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849. ьber die Errichtung der provisorischen Centralgewalt fir Deutschland. // Dahlmann F.C. Kleine Schriften und Reden. S. 422.*

¹⁶ Ibid. S. 404–410.

¹⁷ *Springer A. Op. cit. Bd .2. S. 301.*

¹⁸ *Dahlmann F.C. Reden in der Paulskirche 1848 und 1849. Reden ьber Staatenhaus // Dahlmann F.C. Kleine Schriften und Reden. S. 436.*

¹⁹ Ibid. S. 442–443.

²⁰ Ibid. S. 449–450.

²¹ Ibid. S. 451–452.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РУССКИХ КРЕСТЬЯН: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ (XIX—начало XX вв.)

Историческая память как неперенный элемент самосознания народа представляет прежде всего символическую репрезентацию прошлого. Люди обращаются к истории, оценивают ее героев, так или иначе переосмысливая услышанное, увиденное и пережитое. На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные, в том числе книжные, знания, воздействуют господствующая идеология, политическая конъюнктура, массовые стереотипы и т.д.

Обращение к историческим воззрениям русских крестьян позволяет приблизиться к пониманию особенностей народной версии отечественного прошлого, выявить соотношение в народной памяти между достоверными историческими фактами и их толкованием, подчас мифологическим.

Механизм формирования исторических представлений в XIX в. значительно усложнился. Устная традиция перестала быть единственным источником исторической информации. В деревню стали проникать книги, журналы, газеты. Поступление книжного знания небольшим процентом грамотных не исчерпывалось; в крестьянской среде широко бытовало чтение вслух. Обучение чтению, растущая грамотность изменяли образ мысли крестьянина. Границы между автаркической деревней и образованным обществом размывались. Подъем национального чувства в результате победы в Отечественной войне 1812 г., расширение социального кругозора крестьянства формировали понимание прав и свобод, выходящее за рамки привычных представлений. Прямым следствием этих факторов стал более критический подход к событиям и лицам отечественной истории. Современные крестьянам цари, полководцы, другие выдающиеся личности стали восприниматься более реалистично, проигрывая в сравнении с героями «славного прошлого». Безусловно, сказалась здесь и характерная в целом для народного сознания склонность «при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам»¹.

В течение многих веков русские цари являлись для своих подданных символом государственности, воплощением вероисповедной и этнической идентичности. Практически все монархи представляли в устной традиции как божи помазанники, православные властелины огромной страны. Апологетика и идеализация государей, являясь мировоззренческой установкой большинства населения империи, прочно вошли в устную традицию. Отрицательные оценки их образов были редки, но к ним тем более

интересно обратиться при выявлении сущностных характеристик исторической памяти.

Отрицательной трактовкой образа Ивана Грозного отличались новгородские и псковские песни и сказания. В них преобладали сюжеты, связанные с погромом Новгорода Великого в 1570 г. В царе подчеркивались прежде всего недостатки — жестокость и подозрительность. Тем не менее в этих преданиях часто присутствовали мотивы осознания Иваном Грозным своего греха или вразумления царя каким-либо святым угодником, посредством божьего чуда и т.п. В них повествовалось о царе, который был обманут злым доносчиком, учинил расправы над невинными людьми, но затем, вразумленный Господом, раскаялся и построил Хутынский монастырь. На самом деле Хутынский монастырь был основан Варлаамием Хутынским в конце XII в., а при Иване Грозном в нем была построена трапезная с церковью). Так даже в критических, наименее склонных к идеализации исторических воспоминаниях о царе присутствовал религиозный мотив.

В начале XVII в. в народном сознании возникла идеализация Ивана Грозного. Бедствия Смутного времени заслонили произвол и беззакония опричнины, все более привлекательной становилась мысль о сильной власти. Время Ивана Грозного рисовалось теперь как благополучное, а сам он представлялся искоренителем неправды. Будучи в представлениях крестьян справедливым государем, Иван Грозный в ряде преданий был выбран в цари из бедняков, по указанию свыше. Подобная трактовка справедливой царской власти, связанная с демократическим происхождением ее носителя, выражала мечту крестьян о понимающем мужицкие нужды монархе. Это предание было довольно широко распространено и в XIX в. Его варианты записали известные собиратели фольклора Д.Н. Садовников (в Самарской губернии), Н.Я. Аристов (в Симбирской губернии), А.И. Зачиняев (в Воронежской губернии)².

Вера в монарха как защитника народных интересов распространялась и на других представителей династии, прежде всего цариц³. Глубокий след в сердцах современников оставила первая жена Ивана Грозного, царица Анастасия. Возникли предания о ее необыкновенной кротости и добротели, с помощью которых она укрощала буйный нрав своего супруга. Считали, что после ее ранней смерти все отрицательные качества Ивана Грозного выплеснулись наружу⁴.

В конце XIX в. А. Кушнерев, один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, точно подметил определяющую роль сакрального восприятия личности верховного правителя. «Причиной всякого несчастья и гонения народ считает грех перед Богом. Исходя из этого убеждения, народ признает Иоанна Грозного карателем, послан-

ным от Бога. На этом основании крестьяне не винят этого царя за его неистовство.»⁵

Если негативные оценки Ивана Грозного были связаны с особенностями исторического развития отдельных регионов, то неприятие частью населения Петра I объяснялось нарушением конфессиональной однородности русского общества. В раскольничьих толках, особенно на Севере, объявили Петра не «природным», а подмененным царем, противопоставили ему «истинного царевича» Алексея и даже считали первого российского императора антихристом. И все же даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. Напротив, всячески подчеркивали свою лояльность «истинному» монарху.

Среди большинства русских гораздо активнее жили воспоминания, идеализировавшие личность Петра I. Преобладало и упрочивалось с течением времени историческое понимание его деятельности. Воспоминания о нем, о его свершениях бытовали в XVIII–XIX вв. повсеместно. В историческом фольклоре признавалось его величие как полководца и царя, лишённого сословных предрассудков. Солдаты воспевали победоносного «первого императора». Крестьянам Петр больше запомнился как царь-труженик, который «решительно все умел сработать».

Несмотря на «крестьянивание» образа Петра I в народной среде, с его именем никогда не связывались надежды на освобождение от «крепости». Об этом говорит и отсутствие Петра I в числе царей-избавителей в легендах социально-утопического характера XVIII–XIX вв.

Чем дальше уходили в прошлое времена Ивана Грозного и Петра I, тем больше эти правители почитались в народе. В народных песнях подмечались черты сходства между ними — «до единства образов... до тождества выражений». Почти одинаково описывались в фольклоре взятие Казани и Азова, сцены смерти обоих царей, сходны плачи над гробом Ивана Грозного и гробом Петра I. Но если Иван IV для крестьянина XVIII в. был «преимущественно абстрактным образом сурового государя», то Петр I «наделался живыми человеческими чертами»⁶.

Народная трактовка истории не только определялась религиозным характером мышления, но приводилась в соответствие с социальными ожиданиями и запросами. С точки зрения постоянно волновавшего народ вопроса о воле, воспринимали в деревнях многие события общественной и политической жизни, оценивали исторических деятелей.

Сразу после закрепощения крестьянства начали возникать и затем неустанно воспроизводились мечты и слухи об освобождении от неволи. Публицист И. Т. Посошков, выходец из простонародья, в своей знаменитой «Книге о скудости и богатстве» (1724 г.) утверждал: «Крестьянам помещи-

ки не вековые владельцы ... а прямой их владелец Всероссийский Самодержец, а они владеют временно»⁷.

Весьма устойчивы были надежды на то, что освобождение от крепостничества станет долгожданной наградой за верную службу Отечеству. Так было в 1812 г., когда взбунтовались 7 200 ратников пензенского ополчения. Среди ополченцев распространился слух о том, что существует за золотой печатью царский указ, объявлявший волю всем участникам войны, но дворяне указ скрывают. Восставшие требовали привести их к присяге и отправить в действующую армию, что, по их мнению, давало им право на освобождение от крепостной зависимости после войны.

В крестьянской среде перед войной и в самом начале ее бытовали различные настроения. Некоторые надеялись: «Придет Наполеон, нам волю даст». Возникновению подобных настроений способствовало намеренное распространение французами слухов о даровании крестьянам личной свободы в случае, если они не будут оказывать сопротивления войскам Наполеона. Последний, правда, довольно быстро отказался от своего первоначального плана «поднять против России большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов». Говоря словами Е. В. Тарле, император французов не захотел разнуздать стихию народного бунта, после чего «заклучить мирный договор было бы не с кем»⁸. (Видимо, в памяти еще свежи были воспоминания о пугачевском движении.)

В начале войны имели место случаи совместных действий русских крестьян и французских солдат против русских помещиков. «В Полоцком уезде Витебской губернии, в Ельнинском, Сычевском, Поречском и Юхновском уездах Смоленщины, в ряде подмосковных селений... местные крестьяне громили барские усадьбы с помощью французов или делали это сами, избивали своих хозяев и везли их связанными на суд и расправу к французам, как было в Поречском и Велижском уездах Смоленской губернии.»⁹

Однако по мере продвижения Наполеона иллюзии немногих быстро рассеивались: враг грабил Москву и ее окрестности, «разбивал иконы», «церквей не щадил», а крестьянам воли не объявляли. Теперь надежды на волю стали связываться с освобождением Отечества от иноземцев.

Слухи о воле стимулировали активные крестьянские выступления. Одним из самых длительных в течение всего 1812 г. было сопротивление вологодских и новгородских крестьян, принадлежавших помещику А. И. Яковлеву, переселению на уральские заводы, в Вятскую губернию. В своем прошении от 2 сентября крестьяне писали: «Мы все, которые в силах, желаем к самому государю идти в воинскую службу за Отечество православной христианской веры с усердием нашим, с тем только, хотя бы

наше селение не нужно было, а остались наследники наши на старине, старики и малые дети наши были в казенном ведомстве». На приказ смириться вологодские крестьяне единогласно отвечали, что они не только за Яковлевым, но ни за кем во владении быть не хотят¹⁰.

Разговоры о смерти (или уходе из «света») Александра I, о междоусобице и восстании декабристов привели к возникновению последней из крупных социально-утопических легенд об избавителях — легенды о Константине, брате Александра I. Верили, что именно Константин был законным наследником и хотел дать крестьянам свободу, за что дворяне сместили его с престола. Восстание понималось как тайный заговор, а к декабристам преобладало отрицательное отношение.

В 1855 г. во время Крымской войны Священный синод по случаю создания государственного ополчения призвал все население России подняться против «нечестивых полчищ... за землю Русскую». Воззвание это породило интенсивные слухи о том, что крепостные могут поступать на военную службу без разрешения помещиков, а по окончании службы вместе со своими семьями получают вольность. Начались крестьянские волнения в Воронежской, Саратовской, Самарской, Казанской, Симбирской, Рязанской, Черниговской, Пермской губерниях. В народной памяти возникла прямая связь между падением Севастополя и освобождением крестьян: если крестьян не освободят, то «вовсе матушка Россия пропадет и всякий будет иметь над ней одоление»¹¹.

После войны прошел слух, что Наполеон III при заключении мира потребовал от Александра II дать волю. Даже накануне освобождения сомневались в обретении долгожданной воли без давления извне. «Если Гарибалда (Гарибальди. — А.Б.) не придет, ничего не будет», — говорил как-то в Петербурге один крестьянин своему собеседнику, который втолковывал ему, что скоро народ освободят¹².

Наряду со слухами об освобождении, предшествовавшими реформе 1861 г. и распространившимися по всей России, в последние годы перед реформой появились сочинения самих крестьян о воле. Крепостной Михаил Михайлов в 1858 г. писал о равенстве людей перед Богом, о тяготах зависимости и грядущем избавлении. Свою «Записку» он читал в трактирах С.-Петербурга и повсюду встречал сочувствие. Сильно возрос интерес к газетам и журналам, на страницах которых обсуждался крестьянский вопрос. Побывавшие в деревне в конце 50–начале 60-х гг. отмечали усилившуюся тягу крестьян к чтению: неграмотные толпами обступали людей, читавших газеты и рассуждавших потом о прочитанном.

Реформа 1861 г. породила новую волну слухов. Их темой иногда становилась «подложность» самого манифеста об отмене крепостного права, подлинный текст которого якобы утаили помещики и местная администрация.

Затем появились слухи о скором наступлении «слушного часа» — полной воли.

Порой высказывались опасения, будто бы помещики подали просьбу царю о том, чтобы тот восстановил крепостное право. Царь будто бы согласился уважить эту просьбу, но с тем условием, чтобы в течение трех лет до введения крепостного права на мужика не было никакого суда, чтобы он ни не сделал. Подумали помещики, не приняли это условие и перестали просить о восстановлении крепостного права¹³.

В пореформенное время, примерно с середины 70-х гг., возникли и «благоприятные» слухи о «предстоящем изъятии правительством у помещиков земли и уравнительном распределении ее между крестьянами, а также о прекращении взимания за землю выкупных платежей»¹⁴. Слухи эти наиболее активно циркулировали на рубеже 70–80-х гг., но продолжались и в самом конце столетия. В Вытегорском уезде Олонецкой губернии «слухи о переделе земли поровну между всеми почти постоянно вращаются между исаевцами [крестьянами исаевского сельского общества. — А.Б.]; земли будто дадут из казны, а то отнимут от купцов да промышленников»¹⁵. В Юхновском уезде Смоленской губернии много говорили о передаче земли, отобрании ее у господ и передаче мужикам¹⁶.

Народное мнение подчас даже напрямую связывало освобождение крестьян и убийство Александра II: «За нас покойничка убили, што ен нам волю дал, царство ему небесное». Покушавшиеся на Александра II воспринимались в народе как злодеи–царевубийцы, антихристы. По сведениям из Дорогобужского уезда Смоленской губернии, «многие внесли в свои поминания имя незабвенного батюшки–царя Освободителя»¹⁷.

В последней четверти XIX в. наряду со стихийными в крестьянской среде стали появляться слухи, специально распространявшиеся народническими агитаторами, о переделе земли. Сведения о деятельности народо-вольцев сообщали односельчанам крестьяне-отходники. Те из них, кто были высланы в деревню по месту жительства за активное участие в стачках петербургских рабочих, нередко становились пропагандистами.

Увеличение объема поступающей информации постепенно размывало традиционные представления крестьян об общественном устройстве. Под влиянием проникавших в деревню либеральных и революционно-демократических идей менялось отношение части крестьянства к монархии. В рапорте от 17 сентября 1878 г. кирсановский уездный исправник докладывал тамбовскому губернатору, что на сельском сходе крестьянин Вязьминской волости Михаил Ширшов стал порицать существовавший в России порядок: «Отчего у нас не так, как во Франции, надо, чтобы и у нас была республика, там, то есть во Франции, управляет государством избранный обществом человек, а у нас — кто ни попало — по очереди из царского рода,

да при том и семья царская большая, поглощает громадные суммы на свои расходы, а с мужиков дерут шкуры...». Далее сообщал о том, что в 1875 г. Ширшов навещал его дальний родственник А. Гавриловский, который и «внушил Ширшову либеральные идеи, так как с того только времени Ширшов изменил образ своих мыслей»¹⁸.

Наряду со вновь поступающими знаниями в крестьянской среде продолжали бытовать сюжеты, в которых мифологически (и идеологически) переосмысливались исторические факты. В воспоминаниях о борьбе различных кандидатов на русский престол в начале XVII в. князь Д.М. Пожарский предстал не только как спаситель Отечества (трактовка традиционная и для популярной официозной литературы XIX в., и для крестьянского фольклора), но и как избранник простого люда: «удалого молодца воеводушку» Пожарского «выбрали себе солдатушки, молодые ратнички».

В одной из песен Пожарский, вопреки историческим фактам, был избран в цари¹⁹. На состоявшемся в январе–феврале 1613 г. Земском соборе Пожарский назывался в числе возможных претендентов на престол. Выборы закончились, как известно, воцарением Михаила Романова, но в песне Пожарский отказывается от престола в его пользу²⁰. В подобной версии событий отразились народное отношение к князю Пожарскому, а также идеальные представления о том, каков должен быть православный царь.

Русский народ, как и любой другой, всегда заботился о создании позитивного самообраза, позитивной идентичности. Никакая нация не может жить без собственных героических мифов: ими поддерживается ее жизнестойкость и конкурентоспособность. В желании иметь позитивный самообраз позиции власти, элиты и обычных граждан едины, что, безусловно, способствует устойчивости памяти о героях, пусть даже и не во всем исторически достоверной. С этой точки зрения особенно показательна, например, трактовка воинских подвигов А.В. Суворова, практически все свои кампании прошедшего за пределами России. Войны с Турцией, хотя и диктовались всецело необходимостью выйти к Черному морю, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за православную Россию, носили явный религиозный отпечаток. Неслучайно в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, а в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца, его деятельность в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов.

В дальнейшем победная традиция российского воинства опиралась на имена М.И. Кутузова, М.И. Платова, М.Д. Скобелева, которым, по мнению народа, была известна «планида небесная». Атаман Платов, повторяя фольклорный подвиг атамана И.М. Краснощекова, который в ходе прусской войны, переодевшись купцом, посетил прусского короля в его соб-

ственной резиденции, отправляется в Париж, к «самому французу». Кроме того, в некоторых преданиях Платов предстает преемником великого Суворова. В ответ на просьбу Александра I «послужить повернее и не дать державу в обиду» Суворов сказал императору: «Постараюсь, только мои прежние времена ушли, есть у нас Платов-казак». Позвали Платова, Александр подарил ему и Суворову по кресту». Далее в тексте предания имена Суворова и Платова все время упоминаются рядом: они приказали мужикам готовиться к борьбе, а при отступлении французов «в затылок давай их клевать»²¹.

Так в народной памяти образы полководцев, народных героев крестьянских вождей часто жили рядом.

Ермак стал первым героем казачьей вольницы, народным вожаком, первооткрывателем Сибири. Многие десятилетия спустя миф о нем двигал переселенцев в эти суровые края. Именно Ермак, а не предводитель крестьянского движения Иван Болотников, расположился в народном сознании в одном ряду с вождями двух последующих движений – Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым. Причина, по-видимому, заключается в том, что к началу крестьянской войны под предводительством Болотникова, в обстановке локальных бунтов и возраставшего протеста, в народном представлении уже сложился песенный образ вождя – Ермака Тимофеевича. Возможно, сохранялась и память о сотрудничестве Болотникова с поляками. Кроме того, события первой крестьянской войны были вытеснены впоследствии из народной памяти перекрывшим их разинским фольклором.

Дела и поступки Степана Разина сравнивались с деятельностью Ермака, «самого старшего из станичников». Во второй половине XIX в. известный собиратель фольклора П.Н. Рыбников записал произведения, в которых судьба Разина во многом напоминала фольклорную судьбу Ермака: у Степана бедные родители, ребенком он попадает в шайку разбойников и мужает.

Песни о Степане Разине наиболее активно жили в народной памяти. Их тексты с течением времени изменялись (в отличие, например, от песен об Иване Грозном, сохранившихся в первоначальном виде). Воспоминания о Разине переносились на сходные исторические ситуации более поздних времен. Н.И. Костомаров в конце 50-х гг. указывал на известность имени Степана Разина «и старому, и малому в том краю, где совершались его похождения». «На север и на юг от городов Камышина и Царицына, по нагорному берегу Волги... существует ряд бугров, которые называются буграми Стеньки Разина... Все эти бугры – экземпляры одного идеального бугра, существующего в народном воображении.»²²

Из предводителей крестьянских войн лишь Степан Разин фигурировал в социально-утопических представлениях крестьян. Уже в ходе движения ходили слухи о его неуязвимости и чародействе, ему приписывались необычайная сила и сверхъестественные возможности. Отголоски их проникли в исторические документы (например, в донесения воеводы Дашкова), в записки иностранцев, наполнили многие песни и предания. В Самарской губернии рассказывали, что «злодей крайне был смышлен, его не брали ни пуля, ни острая сабля». По одному из поверий, бытовавших в Астраханской губернии, «Стенька Разин был колдун, пускал корабли по суку, а средь моря расстелит на воде ковер да и сядет играть в кости с товарищами» (запись 1853 г.)²³.

Степан Разин не только оставался в народной памяти непобедимым атаманом. Был распространен мотив о его неизбежном возвращении. Скоро, говорили старики, «час его настанет, он взмахнет кистенем — и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа». Верили, что Разин жив, бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорили, что он «сидит где-то в горе и мучается».

В отличие от почти сказочного разинского фольклора, сохранившиеся рассказы и предания о пугачевщине вполне устойчивы, похожи один на другой и лишены фантастического элемента. Основной их темой была расправа пугачевцев с помещиками. Немногие сохранившиеся песни о Пугачеве возникали преимущественно на основе разинского репертуара. В песне «Пугачев в Астрахани» ее создатели использовали идею и композиционное построение песни о «сынке» Разина. Пугачев упоминался в качестве помощника Разина и в некоторых преданиях. В середине XIX в. отмечалось, что в селе Покрова Сергачского уезда Нижегородской губернии «одни говорят, что тут Разин с кем-то сражался, другие что-то толкуют о Пугачеве. И много слухов... носится об этом в народе»²⁴. Н.И. Костомаров приводит записанный им в степной деревне за Царицыном рассказ 110-летнего старика, который собственными глазами видел Пугачева: «Тогда иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, и он вышел из своей горы»²⁵.

Нарушения хронологической последовательности, фактологические неточности характерны для исторической памяти народа. Но случались они в основном в пределах одной исторической эпохи, касались идеологически и типологически близких фигур. Народ, наделяя, любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, порой приписывал им не совершенные ими деяния. Для религиозного типа сознания большинства русских мифологизация исторического процесса была совершенно естественна. Разумеется, сказывались влияние фольклорной традиции и недостаточная осведомленность крестьян, а также их заинтересованность в

решении тех или иных общественных вопросов. Народ, как правило, воспринимал и принимал лишь то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями.

Примечания

¹ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 10.

² Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 60.

³ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 127.

⁴ Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 19.

⁵ Архив Русского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д.1558. Л. 3.

⁶ Громыко М.М. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 4. М., 1990. С. 323.

⁷ Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие сочинения. М., 1911. С. 78—79.

⁸ Троицкий Н. А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 216, 221, 220.

⁹ Там же. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 285.

¹¹ Станюкович К.М. Кириллыч // Русский военный рассказ XIX—начала XX вв. М., 1988. С. 296.

¹² Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1960. С. 149.

¹³ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы // Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб., 2006. С. 322.

¹⁴ Федоров В. А. Идея «черного передела» в крестьянском движении в России на рубеже 70–80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8 «История». 1982. № 6. С. 24.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 882. Л. 13.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1694. Л. 6.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д.1569. Л.1.

¹⁸ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп.1. Д. 2792. Л. 41об.

¹⁹ Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т.1. Боровск. 1913. С. 78.

²⁰ Там же. С.77.

²¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. Д.1378. Л.13–14.

²² Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859.С. 231.

²³ Архив Географического общества (АГО). Разр. XXXIV. Д. 16. Л. 15об.; Михайлов И. Поверья и предрассудки в Астраханской губернии // Астраханские губернские ведомости. 1853. № 14. С. 64.

²⁴ АГО. Разр. XXIII. Д. 23. Л. 4.

²⁵ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 237.

ТАТАРСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ (2-я половина XIX–начало XX вв.)

Царское правительство не выделяло денег на открытие, функционирование религиозных учебных заведений, все расходы несли представители татарского народа. Различные слои татарского общества выделяли на эти цели свои средства, которые, как правило, были весьма ограничены. И конечно, этот источник финансирования татарских учебных заведений не решал всех проблем школьного образования. Чиновники ведомства народного просвещения в Поволжье и Приуралье отмечали, что татарские школы не удовлетворяют самым элементарным не только педагогическим, но и санитарным требованиям.

В ситуации, когда материальное положение школ было крайне тяжелым, на помощь своему народу приходили состоятельные люди, в первую очередь предприниматели. Обладая значительными состояниями, татарские купцы и промышленники жертвовали немалые средства на просвещение татарского, а также других народов Поволжья и Приуралья, в первую очередь тюрко-мусульманских.

Содержание средних и высших религиозных учебных заведений для подготовки мусульманского духовенства (медресе) и начальных мусульманских школ для обучения основам арабской письменности, вероучения и нормам шариата (мектебе) в разных уездах, отдельных населенных пунктах по сути легло на плечи предпринимателей. Вместе с прихожанами они несли немалые расходы по содержанию медресе и мектебе: на строительство и содержание помещений, отопление, освещение, на выплату зарплаты и многое другое. Эти учебные заведения, как правило, охватывали практически всех детей школьного возраста. В одном из отчетов чиновников народного образования Симбирской губернии 1890-х гг. указывалось: «Магометанские духовные школы... существуют почти при всех мечетях, а мечетей у татар гораздо больше, чем храмов у русских. В этих школах обыкновенно обучаются почти все мальчики прихода. Обучением и воспитанием девочек занимается в доме муллы его жена, пользующаяся среди женской половины татарского населения очень большим уважением, ничуть не меньшим того, какое в наших селах приобретают себе лучшие жены священников»¹. Ведущую роль в просвещении своего народа играли наиболее крупные предпринимательские семьи татарского общества: Хусаиновы, Рамиевы, Акчурины, Дебердиевы, Яушевы, Юнусовы, Апанаевы и многие другие.

Медресе и мектебе были ведущими и преобладающими учебными заведениями в системе образования у татар. Татарские купцы и промышленники открывали немало мектебов, медресе и иных учебных заведений в

самых разных регионах Российской империи, в первую очередь в Поволжье и Приуралье, а затем помогали содержать их. Промышленники открывали и содержали учебные заведения в первую очередь для обучения детей рабочих и служащих своих промышленных предприятий и торговых заведений. Среди таких предпринимателей были Акчурины, Дебердиевы, Рамиевы, Хусаиновы. При всех своих фабриках «суконные короли» Акчурины открыли мектебе и медресе, а затем финансировали их. Полностью на деньги этих фабрикантов содержалось Гурьевское фабричное училище Карсунского уезда Симбирской губернии. На рубеже XIX–XX вв. на содержание учебного заведения один из самых известных в России фабрикантов-татар, Тимербулат Акчурин, расходовал 500 руб. в год.

Значительную финансовую помощь медресе и мектебе оказывали татарские купцы. Некоторые из этих учебных заведений стали известными по всей стране и за ее пределами. Братья Гани, Ахмед и Махмуд Хусаиновы открыли и содержали одно из самых известных учебных заведений татар страны – медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Братья были весьма щедрыми благотворителями: помогали деньгами и другим медресе, ставшим своеобразными визитными карточками татарского просвещения до 1917 г.

В источниках данные о материальной поддержке татарских учебных заведений иногда разнятся. Так, после смерти Г. Хусаинова (в 1902 г.) сообщалось, что им было устроено более ста мектебе. Позднее появилась информация о без малого 200 мектебе, на содержание которых благотворитель тратил по 30 000 руб. ежегодно². А. Хусаинов в конце 1890-х гг. выделил для одного из казанских медресе 200 р. и кормил за свой счет 30 беднейших шакирдов³. Примерно в это же время в деревне Керекес, недалеко от Заинска, на деньги Ахмед бая Хусаинова было выстроено большое здание медресе. Поддержка учебных заведений со стороны купцов и фабрикантов носила постоянный характер. Например, братья Дебердиевы ежегодно перечисляли 3 % со своего чистого дохода на содержание мусульманского учебного заведения в деревне Пендельки Кузнецкого уезда Саратовской губернии⁴.

На средства татарских фабрикантов и купцов успешно функционировали такие известные медресе, как «Мухаммадия» (Казань), «Усмания» (Уфа), «Расулия» (Троицк Оренбургской губернии), «Касимия» (Казань), «Галия» (Уфа), Иж-Бобинское медресе (Вятская губерния). При открытии медресе «Галия» внесли деньги известные уфимские купцы С. Назиров (300 руб.), А. Хакимов (100 руб.). На само же строительство здания медресе «Галия» было выделено С. Назировым 10 000 руб. Первоначально С. Назиров официально считался хозяином учебного заведения и управлял им. Только позднее оно было зарегистрировано как учреждение, принадлежащее мусульманскому приходу⁵. Материальная поддержка медресе была оказана и другими состоятельными людьми из татар. Купец Абдуллатиф Хакимов подарил 100 арш. черного сукна, используемого в качестве подстилки в помещении для совершения молитвы, его сын Наджиб – 41 лампу,

Сабирзян Каримов – 60 аршин пленки и письменные принадлежности. Мариям Султанова, невестка муфтия Мухаммедьяра Султанова и дочь известного фабриканта Тимербулата Акчурина, преподнесла 900 арш. желтого и 100 арш. зеленого сукна. Современники подметили при этом: несмотря на то что благотворительность этой незаурядной женщины была направлена прежде всего на женское образование и воспитание, она решила поддерживать и мужское учебное заведение⁶.

В конце 1890-х гг. известный купец Мухамед Зариф Хальфин построил хорошее здание мектебе с помещением для кухни в д. Тлянче-Тамак Мензелинского уезда Уфимской губернии. Усилиями Бадамшина, Ибатуллина и других предпринимателей в середине 1890-х гг. в Перми появилось второе медресе⁷.

Яркая особенность, характерная для меценатства татарских купцов и фабрикантов, – тесное сотрудничество в развитии школьного образования. Особенно это проявилось в делах братьев Хусаиновых, особенно Гани. Акчурины, Хусаиновы, Дебердиевы и другие предприниматели, материально содействуя развитию школьного образования, постоянно общались друг с другом. Они знакомились с состоянием учебных заведений и организацией учебного процесса в «чужих» школах, приглашали друг друга на экзамены. Так, в первых числах января 1898 г. Г. Хусаинов пригласил в гости представителей рода Акчуриных и Дебердиевых не для изучения производства или торгового дела, а для знакомства с постановкой учебного процесса в своих учебных заведениях. Среди принявших приглашение были Х. Акчурин и М.-Ю. Дебердиев, которые лично делали весьма много для развития школьного образования⁸.

Бывало, что на экзамены в мусульманские учебные заведения приезжали представители татарского купечества из других регионов страны. Так, весной 1898 г. Оренбург и Каргалы посетили представители известного крупного купца из Сибири Н. Сейдукова. Они же по пути в Оренбург присутствовали на экзаменах в медресе Х. Усманова в Уфе. А Г. Хусаинов 14 апреля 1898 г. был на экзаменах в медресе ахуна Шихабутдина Минушева в Самаре. С учебными заведениями татарских купцов и промышленников очень часто знакомились и известные религиозные, общественные деятели. Так, у Акчуриных, Хусаиновых побывали Зайнулла Расулев и Ризаэтдин Фахретдинов. Летом 1891 г. в мектебе д. Миннибаева Самарской губернии на экзаменах вместе с купцами присутствовали известные религиозные деятели. Весной 1897 г. на экзаменах в одном из уфимских медресе присутствовал один из братьев Хусаиновых.

На деньги татарского купечества открывались и содержались медресе и мектебе также в центрах оптовой торговли страны. Медресе функционировало и в г. Ирбите, где проводилась ежегодно одна из крупнейших ярмарок России. Там проживало немало мусульман, главным образом татар, для детей которых и было создано учебное заведение. Оно финансировалось татарским купечеством, которое принимало самое активное уча-

стие в работе ярмарки. Добровольные пожертвования собирались усилиями активистов во главе с татарским купцом из Екатеринбургa Зайнетдином Агафуровым. Среди жертвователей были братья Агафуровы из Екатеринбургa, братья Яушевы из Троицка, Апанаевы, Мусины, Каримовы, Галеевы и многие другие из Казани⁹. Размеры пожертвований во многом зависели от богатства купцов, размаха их торговли или уровня развития производства. Так, в 1915 г. известный купец, постоянный участник ярмарки З. Агафуров внес 100 руб. для нужд и потребностей мектебе.

Поддержка мектебе и медресе предпринимателями-татарами с годами принимала новые формы и направления. Так, в поддержке школьного дела все активнее участвовали представители женской половины семей купцов и фабрикантов. Это, помимо прочего, говорит о повышении общеобразовательного и культурного уровня жен богатых людей, их дочерей и невесток. Проблемами получения образования девочек занимались многие женщины рода Акчуриных. Так, дочь Т. Акчурина Махруй содержала за свой счет и на деньги отца два женских мектебе в Гурьевке, принимала участие в финансировании мектебе в д. Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Она была попечительницей гурьевских учебных заведений, в которых в начале XX в. по новому методу обучалось около ста детей рабочих и служащих. В них, как и в других учебных заведениях Акчуриных, бедные дети получали одежду, обувь, питание, учебники и школьные принадлежности. После двух-трех лет обучения в этих учебных заведениях девочки могли хорошо читать и писать на родном языке, знали Коран.

Немало полезного сделали и жены братьев Дебердиевых, известных фабрикантов сукна из Саратовской губернии. В начале XX в. в д. Пендельки Кузнецкого уезда Фатима Дебердиева содержала на свои средства две школы, а в д. Верхозим Марьям Дебердиева – одну школу. В них обучалось около 120 девочек, дочерей рабочих и служащих фабрик, крестьян соседних деревень¹⁰.

Значителен вклад в дело школьного образования женской части рода известных золотопромышленников братьев Рамиевых. Ими содержались женские учебные заведения в Оренбургской губернии, особенно в тех местах, где находились их прииски. Так, в 1906 г. супругой Шакира Рамиева Гаухар-ханум была открыта школа для девочек рабочих и служащих одного из приисков.

Педагогической деятельностью занимались и представительницы нового поколения татарских купцов и промышленников. Особенно заметна деятельность жены Абдуллы Тимербулатовича Акчурина – Гульсум Мухамедзакировны Камаловой-Акчуриной. Дочери Акчуриных продолжали свою педагогическую деятельность в населенных пунктах Поволжья и Приуралья, а также далеко за их пределами. Велика заслуга Зухры Асфандиаровны Акчуриной (жены Исмаила Гаспринского), особенно в распространении звукового метода обучения. В 1894 г., в дни празднования 10-летия со-

дня выхода газеты «Тарджеман («Переводчик»), она открыла бесплатную школу рукоделия для мусульманок и стала заведовать этой школой в далеком Бахчисарае.

Первая в Симбирске школа для мусульманских девочек была открыта в конце 1907 г. усилиями Хасана Тимербулатовича и Ибрагима Курамшевича. В первые годы она содержалась Акчуриными. В последующие годы ее финансировало мусульманское общество Симбирска. Основную долю вносили известные предприниматели города К. Ш. Абушаев, З.С. Бахтеев и другие. Первым заведующим школы был Ибрагим Акчурин. В 1914 г. в ней обучалось 160 девочек. К этому времени в учебном заведении появился и своеобразный совет, выбранный мусульманским обществом. В числе членов совета были Хамидуллин, Абсалямов, К. Абушаев и Сагдеев. Председателем совета был гласный Симбирской городской думы З. Бахтеев¹¹.

Активность татарских деловых людей вышла за пределы Поволжья и Приуралья. Регионом, который пользовался особым вниманием татарских купцов и фабрикантов, была Средняя Азия. В 1897 г. по совету Г. Хусаинова новый метод обучения был введен в мектебе Сырдарьинской области. Другой из братьев Хусаиновых, Ахмед, оказал материальную помощь во внедрении этого метода в мектебе Тамбовской губернии в конце 1900 г.

Татарские предприниматели, как правило, относились весьма доброжелательно и уважительно к педагогам и шакирдам учебных заведений, финансируемых ими. Так, в самом начале XX в. владелец золотого прииска Балканского М.-З. Рамиев присутствовал на экзамене в школе. Так же поступали представители рода Акчуриных. Кыяметдин Кадыри, учитель Гурьевской школы Акчуриных, в воспоминаниях о пребывании поэта Габдуллы Тукая у Акчуриных в 1909 г. пишет, что на вечера, организованные фабрикантами Акчуриными в честь великого поэта, наряду с родными и близкими фабрикантов приглашались ученики и учителя местной школы¹².

В первые годы XX в. татарские фабриканты и торговцы проявили высокую активность при сборе средств на строительство мектебе и дома для имама в Нижнем Новгороде. Вначале списка жертвователей были фамилии купцов и промышленников, выделивших по 1 000 руб.: Тимербулат Акчурин (Симбирская губерния), Ахмед и Махмуд Хусаиновы (Оренбургская губерния), Ахмед Кастров (Касимов), братья Яушевы (Троицк Оренбургской губернии). За ними шли Зайнетдин Агафуров, Юсуф Акчурин, Мухамед-Ганий Девишев, Латиф Хакимов, братья Шафигуллины, Матди Девишев,

В конце XIX–начале XX вв. в России широко распространялись новометодные татарские учебные заведения, связанные в первую очередь с именем известного просветителя Исмаила Гаспринского. Многие татарские предприниматели активно поддерживали их, среди них были Акчурины,

Хусаиновы, Рамиевы и многие другие. Они содействовали открытию заведений, финансировали их. Самую большую активность в этом проявили братья Хусаиновы. Так, один из братьев Хусаиновых, Гани, направил несколько молодых людей в Бахчисарай к Исмаилу Гаспринскому для всестороннего изучения и освоения нового метода обучения. В 1890-е гг. им были направлены в Бузулук юноши, которые преподавали там по звуковому методу. В обоих случаях все расходы брал на себя Г. Хусаинов. И потому закономерно, что в сообщении о кончине Г. Хусаинова было особо отмечено финансирование им учебных заведений «нового порядка».

Фабриканты Акчурины в октябре 1893 г. пригласили из Уфы в свои учебные заведения, расположенные в д. Старое Тимошкино и в Гурьевке, талантливого педагога Мухаммеда Богаутдина. Вскоре Акчуриными и Дебердиевыми была выписана из Уфы для своих шакирдов звуковая азбука, подготовленная и изданная известным учителем-новатором Мухаммед-Закиром Ишмухамедовым. К концу 1894 г. успехи шакирдов были очевидны. Особенно ощутимыми были результаты обучения в Гурьевке и Самайкине, а также в учебных заведениях Дебердиевых. Во второй половине 1890-х гг. в Верхнеуральске, несмотря на сопротивление противников нового метода, успешно функционировало новометодное медресе, финансируемое золотопромышленником Мухаммед-Шакир Рамиевым. В 1890-х гг. первые новометодные учебные заведения Симбирской губернии финансировались Акчуриными и Хусаиновыми¹³.

Татарские купцы и промышленники занимались и подбором учительских кадров для своих учебных заведений. Эта работа шла в нескольких направлениях. Во-первых, учителями мектебе, медресе и иных учебных заведений очень часто становились домашние педагоги. Так, Акчурины пригласили из Казани Кыяметдина Имангулова для обучения детей и внуков. Впоследствии он стал учителем Гурьевской школы.

Во-вторых, предприниматели приглашали в свои школы учителей других учебных заведений, как правило, самых талантливых и перспективных. Именно таким образом дети Сулеймана Акчурина пригласили к себе учителя из соседней д. Калда, выпускника Казанской татарской учительской школы Мухамедшу Мулюкова. Среди них были и представители известной учительской династии Алимбековых¹⁴. В конце 1900 г. учитель Каравансарайского медресе Молла Тыб был приглашен братьями Хусаиновыми для работы в мектебе д. Муса Оренбургской губернии и наладил его работу введением нового метода обучения. В конце 1890-х гг. Хусаиновы пригласили на учительскую работу поэтессу Ханифу Гийсмагуллину, которая до этого преподавала в учебных заведениях Акчуриных.

Одновременно Рамиевы, Акчурины, Хусаиновы и другие предприниматели самым серьезным образом занимались подготовкой учительских кадров. В своих медресе и мектебе они выявляли способных учеников, имеющих склонности и способности к преподавательской работе, и направляли в педагогические учебные заведения Казани, Оренбурга, Уфы,

Троицка и других городов. Естественно, все финансовые расходы несли предприниматели.

Таким образом, татарские фабриканты и торговцы внесли огромный вклад в просвещение татарского народа. Акчурины, Рамиевы, Хусаиновы, Яушевы, Назировы строили и содержали мектебы, медресе и другие учебные заведения не только в Поволжье и Приуралье, но и в других регионах, где компактно проживало татарско-мусульманское население. Среди учеников этих заведений были дети и внуки рабочих и служащих торгово-промышленных предприятий, принадлежавших предпринимателям. Эти учебные заведения стали стартовой площадкой в большую жизнь для детей рабочих от станка, мастеров, приказчиков. Выпускники этих школ сыграли немалую роль в социально-экономическом и духовном развитии разных регионов России.

Передовая часть татарского купечества и промышленников являлись последовательными и убежденными сторонниками прогрессивного звукового метода обучения, у истоков которого стоял известный просветитель тюркских народов, зять фабрикантов Акчуриных И. Гаспринский. Татарские предприниматели не только щедро финансировали прогрессивные учебные заведения, но и сами становились активными пропагандистами нового метода обучения. Члены семей купцов и промышленников влились в отряд педагогов новометодной ориентации, возглавляли педагогические коллективы и попечительские советы. Они использовали разные пути распространения передового метода обучения в школах Поволжья и Приуралья, других губерниях России. В результате таких усилий и стараний Акчуриных, Хусаиновых, Рамиевых, Дебердиевых, Яушевых и многих других деловых людей татары к 1917 г. оказались в числе наиболее грамотных народов многонационального Российского государства.

Примечания

¹ Анастасиев А.И. Магометанские духовные школы (мектебе и медресе) в Симбирском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии. Симбирск, 1893. С. 7.

² Тарджеман (Переводчик). 1902. 11 и 18 нояб.

³ Тарджеман. 1899. 21 февр.

⁴ РГИА Ф. 22. Оп. 4. Д. 103. Л. 10.

⁵ Мир ислама. 1913. Т. II. Вып. VII. С. 438–441, 445.

⁶ Там же. С. 443–444.

⁷ Тарджеман 1895. 23 июля.

⁸ Гани бай. Гани байга 160 яшь тулу монэсэбэте белэн (1839–1902). (Гани-бай. В связи с 160-летием со дня рождения (1839–1902). Оренбург, 1998. С. 21.

⁹ Ирбитский ярмарочный листок. 1913. 15 февр.

¹⁰ Тарджеман, 1902, 17 ноября.

¹¹ Журнал Симбирской городской думы. 1914. № 1. С. 9–11.

¹² Хранилище отдела текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 9. Оп. 4. Д. 64. Л. 5–7.

¹³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 649. Л. 60.

¹⁴ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 649. Л. 4.

КРЕСТЬЯНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

В современной историографии бытует точка зрения, согласно которой «основой всех других социальных и политических революций того времени» была «крестьянская революция в России (1902 – 1922 гг.)»¹. Сторонники этой позиции рассматривают крестьянский вопрос в культурно-историческом и цивилизационном контекстах. Для них он является вопросом о власти в России, о «социокультурной разорванности власти и народа, городских «верхов» и «деревни», «об особой... ментальности русского народа и его исторической предрасположенности к активным действиям в условиях смутного времени, к «бунту» как главной форме народного протеста», своеобразной социокультурной основой, «гордиевым узлом» русской революции².

Для крестьянства Среднего Поволжья в начале XX в. было характерно негативное отношение к партийному делению общества. В воспоминаниях участника революционного кружка села Царевщина Самарской губернии Г. Солдатова говорится о том, что участники кружка всячески подчеркивали «свою беспартийность и отрицательное отношение к борьбе друг с другом революционных партий, представлявшей крестьянам весьма нежелательной с точки зрения интересов революционного движения»³. Крестьяне не желали разбираться в тонкостях и хитросплетениях непонятных для них партийных программ. Тот же Солдатов писал: «Были случаи, что эсеры и с.-д. делали собрания вместе, и когда обосновывали философский вопрос по программам, масса не могла разобраться и такими собраниями была недовольна»⁴.

В годы первой русской революции все ведущие политические партии страны по сути разделились на два лагеря: прокрестьянские и антикрестьянские. К первому относились черносотенцы, большевики и эсеры. Второй составляли меньшевики, кадеты и октябристы.

Меньшевики были самой антикрестьянской партией. Находясь под влиянием ортодоксального марксизма, Г.В. Плеханов и его соратники по группе «Освобождение труда» считали: крестьянство – «главнейшая опора абсолютизма»⁵, «тупой, консервативный, приверженный царизму класс»⁶, в котором «русское революционное движение не встречает... ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания»⁷. В конце XIX–начале XX вв. подобные взгляды имели широкое распространение среди социалистов. Не были исключением ни В.И. Ленин, ни будущие эсеры⁸. «Антикрестьянство» проявилось и на II съезде РСДРП. Один из делегатов заявил на съезде: «Един-

ственный революционный класс – пролетариат, остальные – так себе: с боку припека... Я против того, чтобы их поддерживать»⁹. По мнению Т. Шанина, принятый на съезде вариант аграрной программы, предусматривавший возвращение крестьянам «отрезков», был направлен «скорее на то, чтобы нейтрализовать крестьян, чем на то, чтобы попытаться... вовлечь их в грядущую революцию»¹⁰.

Меньшевики оставались верными этим взглядам и в ходе революции 1905–1907 гг., и после нее. Предельно четко позицию своей фракции выразил Р. Абрамович: «Городская буржуазия ближе нам, чем стихийно-революционное темное крестьянство»¹¹. Меньшевики выдвинули проект «муниципализации», согласно которому помещичьи земли должны были перейти в распоряжение муниципалитетов, а крестьянам предоставлялось лишь право арендовать землю. Они выступили с критикой ленинских идей национализации земли, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и левого блока, которые называли «реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности»¹².

Весьма своеобразную по отношению к крестьянству позицию занимали кадеты и октябристы. В качестве варианта решения аграрного вопроса они предложили далекую от принципов классического либерализма теоретическую конструкцию, которая включала следующее: община как социальный институт является анахронизмом, тормозом прогрессивного развития страны; негативное отношение к идее передачи всей земли крестьянам и признание необходимости сохранения помещичьего землевладения; признание необходимости частичного наделения крестьян землей путем выкупа из земельного фонда, специально созданного для этих целей за счет отчуждения части государственных удельных, кабинетских, монастырских и частных земель.

Для крестьянства справедливым являлся только один вариант решения земельного вопроса – «черный передел». Вся русская деревня была твердо убеждена в том, что «земля – дар природы, а частная собственность на землю – безнравственна»¹³. В приговорах поволжских крестьян повторяется одна и та же мысль: «Отобрание всех частновладельческих, казенных, удельных, кабинетских, помещичьих и монастырских земель в неотъемлемое достояние государства и отдание в уравнительное землепользование всем тем, кто будет обрабатывать силами своей семьи»¹⁴. Крестьянское отношение к либеральным рецептам решения аграрного вопроса было однозначным: «О выкупе земли крестьянами не может быть и речи. Помещики владеют землей, много раз оплаченной народными трудами»¹⁵.

Ключевой для либерализма является идея свободы в рамках закона. Иное понимание свободы было характерно для деревенских жителей. Подтверждением этого является реакция крестьянства на Манифест 17 октября

1905 г., который наряду с проигранной Русско-японской войной (1904–1905 гг.) и слухами о погромах в городах в глазах крестьян стал проявлением слабости власти, а потому послужил катализатором крестьянского движения. Период октября–ноября 1905 г. стал одним из двух пиков «общинной революции» не только в Поволжье, но и в целом по стране¹⁶.

Своеобразным символом веры для русских либералов были конституция и установление конституционной формы правления в России. Для русского крестьянина не конституция, а царь олицетворял земной порядок. Крестьяне не допускали возможности существования в стране никакого другого политического строя, кроме самодержавия. О стойкости самодержавного идеала в крестьянском сознании говорит тот факт, что до сих пор не найдено ни одного документа, в котором содержались бы призывы крестьян свергнуть самодержавие. Напротив, источники содержат немало свидетельств негативного отношения к тем, кто выступал против самодержавия. Так, помощник начальника Самарского губернского жандармского управления по Бугурусланскому и Бугульминскому уездам в донесении своему начальнику от 16 марта 1905 г. писал: «Настроение крестьян нехорошее; среди них ходят разные толки... что скоро будут бить студентов и вообще всех образованных за то, чтобы они не бунтовали бы против веры христианской и не шли против царя»¹⁷. Либералы и крестьяне совершенно по-разному понимали роль Государственной думы. Представления крестьян были весьма далеки от западных теорий парламентаризма. Их очень точно охарактеризовал П.Н. Миллюков: «Несомненно, участвуя в выборах в Государственную думу, очень большое количество избирателей держались тех же старинных понятий и до сих пор еще видят в своем депутате ходока, который пойдет к самому царю и прямо от него принесет домой все, что нужно народу»¹⁸.

Думские иллюзии крестьянства следует рассматривать как одно из проявлений патриархально-самодержавного идеала. В приговоре схода села Лесное Матяшино Сенгилеевского уезда от 20 марта 1907 г. говорится: «Царь обещал дать землю и созвал себе на помощь Государственную думу»¹⁹. Крестьяне Ардатовского уезда в ноябре 1905 г. были убеждены в том, что «что все помещичьи земли и леса Государственная дума отдаст им даром»²⁰.

Разными были представления крестьян и либералов о моделях социального поведения в условиях Смуты. Именно бунт становился главной формой социального поведения крестьянства. В то же время либералы крайне негативно относились к бунту. По словам одного из видных деятелей Союза 17 октября, графа П.А. Гейдена, «аграрное движение вредно, как реакционное»²¹.

Иное отношение к крестьянству было характерно для большевиков, эсеров и черносотенцев. Большевики поддержали на III съезде РСДРП выд-

винутую Лениным идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в которой, по мнению Милокова, «была, в зародыше, вся ленинская программа 1917 года»²². Большевики и эсеры признавали главную роль аграрного вопроса в революции. По мнению Ленина, аграрный вопрос был «гвоздем русской революции»²³. Для черносотенцев крестьянство являлось фундаментом исторической России, хранителем православия и самодержавия.

РСДРП(б) и ПСР, убедившись на примере событий 1905 г. в том, что русская революция «победоносной... может быть только как крестьянская аграрная революция»²⁴, подвергли кардинальному пересмотру прежние взгляды и предложили такие варианты решения аграрного вопроса, которые находили отклик в крестьянском сознании. Аграрная программа эсеров, представлявшая собой «наиболее адекватное выражение... крестьянской утопии»²⁵, предусматривала отмену частной собственности на землю, превращение земли в общенародное достояние, изъятие земли из торгового оборота, запрещение ее купли-продажи, получение земли по потребительской или трудовой норме. Ленинский вариант включал создание крестьянских комитетов, конфискацию всех помещичьих, церковных, монастырских, удельных, государственных и других земель в пользу крестьян, в дальнейшем – национализацию всей земли. Ленин резко критиковал проект «муниципализации» и меньшевистско-либеральную идею о реакционности крестьянства и его борьбы. Различие в отношении к крестьянству и его роли в революции стало тем Рубиконом, который окончательно развел большевиков и меньшевиков.

Поволжские организации РСДРП далеко не сразу приняли ленинскую идею национализации. Участник событий тех лет в Саратове историк Н.М. Дружинин вспоминал: «В аграрном вопросе саратовцы оказались позади, продолжая отстаивать программу возвращения отрезков... Саратовские социал-демократы, привыкшие к формулам II съезда партии... не сумели сразу содвинуться с устаревшей позиции и пойти вперед, вслед за Лениным»²⁶. Симбирским социал-демократам «захват крестьянами помещичьих земель казался... в начале до некоторой степени возвращением к натуральному хозяйству»²⁷.

Деревенское Поволжье приняло и социализацию, и национализацию. Оба лозунга оказались созвучны крестьянским представлениям. Для сельчан они означали одно и то же – «черный передел». Об этом свидетельствуют решения сельских сходов. В одном из них говорилось: «Вся земля должна перейти в руки народа, чтобы получать ее мог только, кто на ней работает, и в количестве не меньшем того, какое нужно для необходимого существования по равномерному распределению между всеми на земле трудящимися»²⁸. Эсеровский журнал «Революционная Россия» еще в 1904 г.

с удовлетворением отмечал: «Мы с нашей социализацией земли угодили в самую точку, крестьяне без всякого труда усваивают себе эту идею»²⁹.

Непосредственное соприкосновение с крестьянством способствовало переходу симбирских социал-демократов на ленинские позиции в аграрном вопросе. В одной из листовок, выпущенных Симбирской группой РСДРП в 1905 г., говорилось: «Земли удельные, кабинетские, монастырские и дворянские должны перейти к крестьянам. Если нужно, государство пускай выкупает, а крестьяне уже довольно за землю платили... – теперь они решать будут, как с землей поступать»³⁰.

Созвучным политической и правовой культуре крестьянства было отношение правых и левых радикалов к Государственной думе. В 1905 г. эсеры выступали с идеей проведения Земского собора, а большевики призывали к созыву Учредительного собрания³¹. Революционные партии рассматривали созыв Думы как проявление слабости власти, а ее саму – как трибуну для ведения революционной пропаганды.

Большевики, эсеры, черносотенцы предлагали крестьянству такие модели социального поведения, которые совпадали с его психологической реакцией на ослабление власти и анархию в стране. Черносотенные погромы, эсеровский террор, большевистские призывы к вооруженному восстанию находили отклик у крестьян, совпадали со стихией крестьянского движения. В одной из листовок, написанных осенью 1905 г., Саратовский комитет РСДРП призывал крестьян:

- «1) Отказывайтесь платить подати.
- 2) Отказывайтесь идти на военную службу.
- 3) Отказывайтесь повиноваться начальству.
- 4) Закрепляйте приговорами эти отказы.
- 5) Устраивайте демонстрации на ярмарках и базарах.
- 6) Намечайте, какие земли вам нужно будет отбирать у казны, у удела и помещиков.
- 7) Вооружайтесь»³².

Марксистская идея классовой борьбы оказалась совместимой с характерным для крестьянского мировидения противопоставлением «своих» и «чужих», собственного локального «мира» другим «мирам» и большому обществу, с крестьянскими представлениями о бунте как о форме должного, необходимого социального поведения в условиях разрушения традиционного социального порядка. Ленин и его сторонники, придав бунту статус «крестьянской аграрной революции», стали рассматривать его как наиважнейшую часть социальной революции. Произошло соединение стихии русского бунта и марксистской идеи классовой борьбы, которая «как готовая теоретическая формула, облекла и оформила то чувство ненависти и возмездия, который воспитал в русском человеке старый порядок»³³.

Крестьянским представлениям соответствовала и апологетика сильной власти, характерная для правых и левых радикалов. У большевиков она была представлена в виде идей демократического централизма и революционно-демократической диктатуры. Черносотенные партии оставались верными триаде «православие – самодержавие – народность», были противниками любых ограничений самодержавия.

И все же именно большевики оказались наиболее адекватны массовому сознанию. Большевизм сумел облечь «прошлое» в одежды «будущего» и преподнести себя массам в роли прогрессивного продолжателя имперской традиции, механизма воспроизводства империи, что соответствовало самодержавно-общинным установкам крестьянского сознания. Уже в 1905–1907 гг. партия Ленина проявила себя как партия «нового типа», партия революционного дела, способная к «творческому» применению и переосмыслению теоретических положений, как сила, способная слиться с массами и использовать их энергию. В этом состояло важнейшее отличие РСДРП(б) от всех остальных политических сил страны.

Всем этим и были обусловлены результаты выборов в I и II Государственную думу. Выборы в I Думу завершились победой кадетов. Но эту победу нельзя рассматривать как торжество либеральных идей в России. Это понимал даже лидер кадетов, называвший победу своей партии на выборах «сомнительной»³⁴. Продолжавшаяся революция, стремление завоевать популярность в массах привели к тому, что кадеты взяли на вооружение антилиберальные идеи и лозунги. Но не этими теоретическими и тактическими метаморфозами объясняется победа кадетской партии. Главной ее причиной стал бойкот выборов со стороны большевиков и эсеров. Это обстоятельство автоматически делало партию народной свободы самой социалистической из принимавших участие в выборах.

Итоги выборов во II Государственную думу показали, что без создания особых условий для либеральных партий их победа просто невозможна. Депутаты-крестьяне распределились между фракциями трудовиков, эсеров и социал-демократов. Такой исход стал итогом участия в выборах социалистов: кадеты утратили монополию на использование социалистических идей и лозунгов. В результате изменений, происшедших по сравнению с первыми выборами, взаимодействие крестьянства и партий стало происходить в рамках алгоритма соответствия. При этом шансов на победу у либералов не было, что и подтвердили результаты голосования.

Примечания

¹ Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5.

² См. *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005. С. 155, 156.

³ *Сперанский Н.Н.* Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 444.

⁴ ГАСО. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 100. Л. 21–22.

⁵ Цит. по: *Алексеева Н.В.* Идея союза рабочего класса и крестьянства в ранних произведениях В.И. Ленина // Вопросы истории. 1959. № 2. С. 47–48.

⁶ Цит. по: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. СПб., 1990. С. 323.

⁷ Цит. по: *Алексеева Н.В.* Указ. соч. С. 47–48.

⁸ *Гинев В.Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902–1914 гг. Л., 1983. С. 18–19, 21, 27.

⁹ Цит. по: *Москалев М.* Развитие программы большевистской партии // Исторический журнал. 1939. № 11. С. 40.

¹⁰ *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг., 1917–1922 гг. М., 1997. С. 281.

¹¹ V съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 394.

¹² Цит. по: *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 519.

¹³ *Клейн Н.Д.* Экономические основания аграрных требований поволжских крестьян во время революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985. С. 30.

¹⁴ Цит. по: *Сперанский Н.Н.* Указ. соч. С. 60.

¹⁵ *Клейн Н.Д.* Указ. соч. С. 30.

¹⁶ *Сперанский Н.Н.* Указ. соч. С. 513, 404.

¹⁷ ГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 408. Л. 36.

¹⁸ П.Н. Милоков: Год борьбы. СПб., 1907. С. 137.

¹⁹ Цит. по: Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 гг. Ульяновск, 1955. С. 161.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 155.

²² *Милоков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1993. С. 339.

²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 178.

²⁴ Там же. С. 407.

²⁵ *Медушевский А.* Стратегии решения аграрного вопроса в России // Отечественные записки. 2004. № 1(16). С. 23.

²⁶ *Дружинин Н.М.* В Саратове в 1905 г. // Поволжский край. Вып. 5. Саратов, 1977. С. 71.

²⁷ 1905 г. в Симбирске. Симбирск, 1925. С. 32.

²⁸ Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905–1907 гг. С. 107.

²⁹ Цит. по: *Гинев В.Н.* Указ. соч. С. 46.

³⁰ Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905–1907 гг. С. 112.

³¹ Политические партии России в контексте ее истории. Ростов-н/Д., 1998. С. 93.

³² *Петрова З.П.* Большевики во главе всероссийской политической стачки в октябре 1905 года // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 147–148.

³³ Политические партии России в контексте ее истории. С. 48.

³⁴ *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 351.

МАССЫ И ПАРТИИ В 1917 г.: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДОМИНАНТА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение революционных событий 1917 г. остается исключительно значимым для понимания прошлого, настоящего и будущего России. Наибольший интерес вызывают вопросы, связанные с различными интерпретациями случившегося тогда судьбоносного выбора между конкретными политическими силами, боровшимися за право определять будущее страны. Ключевым для осмысления исторической логики этого выбора является исследование массового сознания революционной эпохи, в недрах которого и формировался ответ на вопрос об исторических альтернативах. В рамках настоящей статьи делается попытка кратко представить исследовательскую модель, позволяющую за противоречивым политическим процессом февраля–октября увидеть закономерности, определившие сравнительную последовательность и единство общероссийского сдвига: от бессилости оставшейся мифом демократии – к установлению ставшей реальностью диктатуры. В качестве источниковой базы исследования выбраны материалы, отражающие соперничество кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Именно «их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»¹. Социокультурное осмысление партийно-политических альтернатив либерализма, социал-демократии, неонародничества и большевизма позволяет приблизиться к целостному пониманию успеха большевиков и поражения первоначально более крупных и популярных партий.

При анализе взаимовлияния масс и партий в условиях смуты, потрясшей основы Российской империи, необходимо учитывать системообразующие идеологические и психологические параметры империи. Важно осознавать, что империя не есть просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства. В основе существования империи лежит идея служения императивам, объединяющим народы для достижения олицетворяемых императором высших целей, во имя реализации Добра и противостояния Злу. Государственное образование, претендующее на роль империи, исходит из монополии на подлинную идею (комплекс идей), предлагаемую массам в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе истории. Условием исторической стабильности империи является наличие укорененных в массовом сознании идеологем как смысловых,

нормативно-ценностных элементов идеологии (предписаний и символов, отсылающих к комплексу базовых принципов, которыми должно руководствоваться государство и общество). Жизнь империи, ее исторические циклы могут быть рассмотрены как поверхностное проявление скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще общественного сознания.

Смутные времена наступают, когда действия элит вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа. Когда под угрозой оказывается жизнь империи как особого субъекта истории, имеющего собственные запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности, на сцену истории вынужденно вступают народные массы, в «нормальное» историческое время относящиеся к политике индифферентно. Движущей ими силой выступает негативизм, являющийся проявлением иммунитета имперского организма. Ведущая роль в этом механизме принадлежит массовому сознанию, которое активизируется в кризисной ситуации как «наиболее реальная форма практического существования» общественного сознания². В нем главным образом и происходит борьба за империю. Нормой существования империи является наличие идеи, способной объединять и вести массы. Смысловым стержнем империи является ее идеократический компонент, а борьба за власть (равно как и борьба за массы) есть битва за идею (так же как борьба империй есть борьба идей), полем которой является массовое сознание. В его структуре принято выделять идеологический (рациональный) и психологический (эмоционально-действенный) уровни. С этой точки зрения, об историческом благополучии и перспективах империи в тот или иной конкретный период можно судить по реальному наличию идей, признаваемых обществом своими, и по психологической готовности эти идеи отстаивать, платить за них высокую (вплоть до самопожертвования) цену.

К весне 1917 г. российское общество оказалось перед фактом: в империи не стало императора. Самодержавие, выполнявшее системообразующую функцию в отечественной истории, капитулировало перед вызовами Новейшего времени. Революция поставила на повестку дня вопрос о возможности сохранения России в имперском формате. Официально-имперская русская идея в ее триединой формуле была девальвирована: крах самодержавия сопровождался кризисом православия и потерей народной «почвы». Восемь месяцев – от февраля к октябрю спрессовали целую эпоху: сразу несколько исторических альтернатив получили уникальный шанс доказать право на наследование за царизмом, при жизни ставшим трупом. В условиях беспрецедентного резонанса глобальных «социотрясений» (войн, модернизаций, революций) все участвующие в этом конкурсе наследников альтернативы можно назвать в той или иной степени утопическими. Это было своеобразное состязание утопий. Но есть и исторический факт:

на организованном самой историей аукционе утопий убедительную победу одержал большевизм, который конкуренты поначалу не принимали всерьез.

В.В. Розанов образно описал положение, сложившееся после краха самодержавия: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразиительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “великого переселения народов”... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего. Остался подлый народ»³. И этому выведенному из равновесия «подлому народу» предстояло сознательно выбирать, кто займет оказавшееся вакантным место имперской власти. Историю вершили массы, нуждавшиеся в организующей силе, способной внятно сформулировать их политически смутные требования и надежды. Массовое сознание, в котором аккумулировались и резонировали взрывоопасные противоречия революционной эпохи, по мнению многих очевидцев и исследователей, оказалось решающим фактором истории революции. Некоторые из них высказывают мысль, что в результате «победы массового сознания» к власти пришла «сама масса, душа которой всегда полнилась анархическими инстинктами»⁴. «В условиях русской жизни 1917 г., при отсутствии вполне четко сложившейся и организованно построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только “массы”, сознательно сплоченные демагогическими лозунгами: не определенный класс, а именно “массы”»⁵.

Партии, желающей победить, необходимо было твердо обозначить ожидаемую массами позицию по наиболее острым вопросам революции – о земле (ибо «земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное – широких народных масс»⁶) и о мире (ибо вопрос о мире – «как лампа Алладина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки»⁷). Чтобы не «повиснуть в воздухе», необходимо было озаботиться внедрением в массовое сознание идеологием, способных обеспечить преемственность исторической традиции. Так, обратясь к «почве», партии могли обрести «почву под ногами». Но ни земли, ни мира, ни доступной массам идеи, могущей консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не сумели. Элиты недооценили массы, и это стало роковой ошибкой новой власти и ее крупнейших партий.

Основополагающий вопрос смутных времен – о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решался именно в массовом сознании, в системе архаических координат «свой–чужой». Ключ к

социокультурным кодам Российской империи следует искать в общине, истоки особенностей проявления массового сознания в России – в общинном сознании⁸. Крестьянский бунт в имперской истории – это не просто «форма самозащиты крестьянской общины»⁹. В значительной мере это форма самозащиты всего имперского тела. В 1917 г основой политико-правовой культуры народа, несмотря на «демократические» декорации, продолжали служить вековые традиции общинности, с ее авторитарным коллективизмом, категорическим неприятием частной собственности на землю, отрицанием позитивного права, не соответствующего правде и не обеспеченного эффективным репрессивно-властным механизмом. Осознав, что «одному – бублик, другому – дырка от бублика. Это и есть демократическая республика» (В.В. Маяковский), массы приступили к активным самочинным действиям по реализации своих чаяний традиционными методами. И они показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Воздействие масс на жизнь страны проявлялось во всех значимых событиях, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций. К осени движение масс, по оценкам аналитиков МВД Временного правительства, приняло «антигосударственный характер»¹⁰. Введенные свободы, оказавшись в противоречии с народными представлениями о «правильном порядке», не были подкреплены ни обращением к традиционным имперским символам, ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни деятельностью силовых структур – и были сметены стихией массового бунта.

В историографии революций насчитывается множество исследований, посвященных борьбе партий за массы, методологической основой которых является миф о наличии прямой взаимосвязи между текстами партийных программ и подлинным успехом конкретных партий в массах. В русле такого подхода тема ментального соответствия властных элит России пресловутым «народным массам» и, соответственно, вопросы органической совместимости российских политиков и россиян, долгое время находились за обочиной актуального интереса отечественных историков. Почему именно большевики сумели в итоге стать партией победителей, а их оппоненты превратились во «врагов народа» и на многие десятилетия сгинули из российской истории? Пожалуй, это самый важный и дискуссионный вопрос для всех историков революции. Занимаясь изучением программ партий вне преломления партийных идеологием в массовом сознании, вряд ли возможно дать на него ответ. Представляется очевидным, что ответа на поставленный вопрос в принципе невозможно найти на страницах программ. Хотя бы потому, что абсолютное большинство населения их не читали (как не читают их и теперь).

Это относится не только к широким массам, но и к интеллигенции. Один из умнейших людей России, Розанов, так описывал причины и степень осознанности личного выбора между различными партиями: «— Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, — кричал Боря, попыхивая трубочкой. — Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей уди-ви-тельные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них... так как квартиры д-ра Соколова (старшина эсдеков... где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерял в тот же день, как получил»¹¹. Заметим, что речь идет о выборе, сделанном еще в относительно спокойное дореволюционное время. Понятно, что в революционной многоголосице партийных речей определить с политическими симпатиями путем сравнения партийных документов и прессы неискушенному российскому избирателю было очень непросто. Знаменитый своей мистической пронизательностью поэт М.А. Волошин, искренне пытавшийся осмысленно сделать партийный выбор, в мае 1917 г. жаловался, что не в состоянии сам для себя определить, в какой партии «выражалось бы то, чего можно было бы пожелать России», и признавался: «Читая газеты, я по очереди соглашаюсь с самыми противоположными мнениями»¹².

Такие попытки представляли исключение, а не правило. Даже партийные деятели часто не интересовались партийными программами. Так, А.Ф. Керенский вспоминал: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал... В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»¹³. А популярный адвокат Ф.Н. Плевако еще в мирное время, «сознательно» вступая в партию, в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой откровенно отвечал: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?»¹⁴.

Если программами не интересовались люди блестяще образованные и партийные, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц), впервые призванных к участию в политике в условиях, когда, по наблюдению кадетского публициста А.С. Изгоева, «каждая партия своих соседей

ругает буржуями»? Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики — мелкобуржуазная партия»¹⁵. Даже спустя несколько месяцев «демократической многопартийности» «в провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня — социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами»¹⁶. Политически не подготовленным людям предлагалось выбрать «свою» партию в ситуации, когда, по их недоуменному свидетельству, «все эти партии на разные лады хвалили свои программы и, ратуя за свободу, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам свое руководство, а на словах давали обещание устроить всем хорошую жизнь и полное довольство»¹⁷.

По программам партий затруднительно судить не только об отношении к ним избирателей, но и о самих партиях. М. Дюверже так описывает специфику жизни партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят»¹⁸. Заметим, что речь идет о партиях сравнительно благополучного Запада, имеющего длительную историю развития многопартийности и устоявшиеся традиции. А «партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотворения или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов», «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным

целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»¹⁹.

Партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»²⁰. Поэтому «нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам... В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти... Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения»²¹.

Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом»²². А по свидетельству В.А. Маклакова, «политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. обывательской, массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии обыватель. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»²³.

Следовательно, если мы хотим разгадать секрет популярности и непопулярности тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки партий как средство борьбы за массы, сколько «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» масс. Предметом изучения становится не степень соответствия партийных проектов «объективным» интересам электората, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в массовом сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. Конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько совпадали либо вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик народа. Поведение партии, желающей вести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Эффективность партийной пропаганды зависела не столько от качества выражения группового сознания, сколько от способности «цеплять» коллективное бессознательное. Успех партии

определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги партии были понятны «русскому мужику» и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе.

В условиях «пустоцвета» постфевральской многопартийности на поражение была обречена любая партия, неспособная позиционировать себя адекватно массам. Наибольшие шансы на успех получала партия, максимально использующая ресурсы народной психологии. Приведем характерный пример. «Саратовский вестник» воссоздает аутентичную картину «состязания с.д. миннезингеров», типичную для любой российской губернии. Описывается спор двух местных деятелей – меньшевика (Майзеля) и большевика (Мгеладзе):

«– Чем вы объясните наш успех в массах? – победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет. – Разве мы так талантливы или умны? – О, нет, – гремел меньшевистский бас, – вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности – вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. – 40 за фунт вишни: «Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить!», то в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг»²⁴.

Но даже неплохое знание психологии толпы и умение пользоваться ситуацией с помощью адресно выверенных лозунгов не могло гарантировать долговременного эффекта гипнотического воздействия агитации на массы, если агитатор не имел постоянной обратной связи с аудиторией и его лозунги не питались непрерывно энергией масс. В прессе 1917 г. можно встретить такие, например, описания воздействия пропаганды в деревне: «Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина, берущую свою силу из кошмара, фантастического и грубо реального мира, если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочно-дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо – ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить. Провинция полна подозрительности и недоверия. И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня, – случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и

скажут, почесывая затылок: “Одурачил”. Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает: “Здорово, куманек, оболванил”...»²⁵.

Итак, лишь учитывая реалии массового сознания, можно осмыслить парадоксальность несоответствия программ и реальных плодов партийной деятельности.

Можно уверенно констатировать, что Конституционно-демократическая партия, в 1917 г. именующая себя не иначе как «партия народной свободы», не имела шансов на победу в борьбе за массы, так как не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием свободы. Как признавал ее лидер П.Н. Милюков, «никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»²⁶, «без опоры на массы мы не сила, на нас поэтому рассчитывать нельзя...»²⁷. Не желая идти на уступки даже по самым большим вопросам массового сознания – о мире и земле, кадеты непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Требуя от народа «жертвы и подвига», они ничего не предложили взамен, кроме «сладкого слова “свобода”». Обнаружив свою несостоятельность в деле претворения в жизнь либеральных рецептов переустройства России, либералы, долго домогавшиеся возможности «осчастливить» многострадальный русский народ, стали упрекать этот народ в том, что он недостаточно хорош для их идей. Они «вдруг» обнаружили, что эффективные для западного общества идеи не эффективны в «темной» отечественной среде. Так, Милюков главным фактором неудачи демократии в России объявил «бессознательность и темноту русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне своевременными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности»²⁸.

Выступления кадетов и предлагаемые ими проекты были неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Даже внешний вид представителей этой партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе: кто чуть получше одет – тот и буржуй, и доверять ему нельзя»²⁹. В условиях, когда, по свидетельству современников, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом... стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзнуть отмежеваться от социализма»³⁰, кадет в массовом сознании стал зримым воплощением врага. Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные, с точки зрения масс, выступления (будто для полноты абсурда, часто еще и начинавшиеся с одиозного «Господа!»), что незамедлительно и предсказуемо провоцировало буйную агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы – буржуй»³¹. В атмосфере «митинговой демократии» кадеты не имели шансов на понимание толпы. «Ты не виляй, как собака, хвостом, говори

прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие в вашем списке? Нет у них, братцы, трудовых людей, все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их, – кричат солдаты-большевики с разных сторон». Так передает в своих воспоминаниях картину типичного митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад, и чтобы летел с трибуны головой вниз!»³² Один из кадетских активистов так вспоминал о соперничестве с большевиками на митинге в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка: «Увы! Зиновьев “побил” и старого Дейча, и А.И. Шингарева, отважившегося выступить со своими кадетскими тезисами в этом осином гнезде. Наши крики, наши аплодисменты и свистки не могли ничего изменить в “соотношении сил”, а солдаты обложили нас нецензурной бранью, из которой мы должны были понять, что буржуазные сынки последний раз уносят ноги целыми с митинга “сознательных” гренадер. Уходя (надо сказать, очень поспешно) с этого ристалища, мы уносили все то же чувство злобы и бессилия и желание от слов перейти к действиям»³³.

Кадеты, однако, не только не сумели перейти от слов к действиям, но и слов, доступных массе, не нашли. Да и не хотели самозванные «борцы за народную свободу» разговаривать с народом на понятном ему языке. «Демократы без демократии», они и не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата. Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что весеннее, бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадой расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали либералов везде, где встречали. Характерно, что массовые акты насилия по отношению к членам партии кадетов зачастую происходили как раз в ходе «реализации демократических процедур». Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам партии обещали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами³⁴.

Не удивительно, что кадеты, эти «слепые поводыри» русской революции, были «назначены» остальными партиями на роль козла отпущения. Члены партии, от которой зависела судьба либеральной альтернативы в России, продемонстрировали, что могут разрушать, но не править. На словах выступая за правовое государство, на деле они показали себя неспособными применить право, оказавшись в глазах народа временщиками, политическими шарлатанами, узурпировавшими место «царя-батюшки», и, наконец, «повинными в смуте оборотнями».

Поучительной оказалась и судьба меньшевиков, которые, подобно кадетам, и в вопросе о земле, и в вопросе о мире демонстрировали, как «страшно далеки они от народа». Не имея собственной политической воли,

меньшевики призывали все «демократические силы» к единству, а между собой были согласны, по выражению Г.В. Плеханова, разве только в том, что «меньшевизм лучше большевизма»³⁵. Эта партия принципиально отказалась от использования стихии масс в целях прихода к власти (для которого, по их мнению, не созрели исторические условия) и категорически не желала обрести опору в сознании многомиллионного крестьянства (ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним»³⁶).

По признанию Ю.О. Мартова, они не хотели ослабить «пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями»³⁷. Партия, считавшаяся мозгом революционной демократии (в связи с чем трудно удержаться от соблазна вспомнить известные слова В.И. Ленина, что в России интеллигенция является вовсе не мозгом нации), продолжала громогласно объявлять русское крестьянство (более 3/4 населения России!) «аморальным классом»³⁸. Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в массовом сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила участь либералов и их место «у позорного столба истории»? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания уже в мае, «жизнь поставила социал-демократов, меньшевиков и кадетов, вплотную к друг другу: это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное – идеологии»³⁹. Осенью же большевики имели все основания подвести итоги «хождения во власть» партии меньшевиков и результаты их «сотрудничества» с либералами: «За 6 месяцев знамена у меньшевиков побелели, а вожаки их выветрились»⁴⁰.

Ортодоксальные марксисты меньшевистского толка забыли завет К. Маркса, что в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»⁴¹ (Его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. Ленин, по собственному признанию, совсем не желал уподобляться тем «горе-марксистам», о которых Маркс писал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»⁴²). Мартов так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»⁴³. Что же предлагал разбушевавшейся русской стихии меньшевизм? Подождать, пока «почва» из «азиатской» переродится в отвечающую «европейскому идеалу»? Перехватить в Европу?.. Откладывая на абстрактное будущее претворение в жизнь конкретных, востребованных массой преобразований, меньшевики в итоге закономерно остались в прошлом. Тактика, которую избрали российские

социал-демократы, стала политическим самоубийством. Декларируя, что их время не пришло, позиционируя свои идеалы как европейские, к которым Россия не готова, меньшевики сами выбросились на обочину исторического пути российской цивилизации.

Не менее самоубийственным характером отличилась и партия эсеров. Перейдя от погромной агитации «Земли и воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, неонародники утратили контроль над стихией, развязанной во многом именно их действиями. Одной рукой указывая на вождельную землю, эсеры раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой же пытались придерживать растущий радикализм разбуженных масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна – непреклонная, крикливая – для масс, налево, другая – уклончивая, оппортунистическая, соивчивая – для буржуазии, направо... Для широких масс – упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная»⁴⁴. А по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»⁴⁵.

По меткому наблюдению эсера Г.А. Ландау, в проповеди социализма и одновременных попытках удерживать массы от его осуществления была заключена «безысходная, самоубийственная противоречивость»⁴⁶. Взаимоисключающие усилия примирить вышедшую из берегов стихию масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев»⁴⁷, оказались безуспешны: крестьянские массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты немедленного решения наболевших проблем. Поняв, что проиграли даже свою исконную социальную базу, эсеры, по собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только – чуть поменьше»⁴⁸. Но, как говорили сами крестьяне, не удержавшись за гриву, за хвост не удержишься. Противоречивость политики ПСР, усугубленная отсутствием единства партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах привела к тому, что большевики, последовательно поощрявшие рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего союзника, почерпнув, по откровению Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»⁴⁹. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их мощи, Ленин обезоружил тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры поняли,

что их могущество призрачно, только тогда, когда поражение стало уже очевидно.

Огромную роль в отвоевании масс у эсеров сыграло использование большевиками, наряду с лозунгом немедленного захвата земли, лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания солдата Самарского гарнизона: «Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП(б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однополчан. Повстречались, они нас спрашивают: “Куда идете?” Отвечаем: “В город, оформляться в партию”. Они усмехнулись и говорят: “Эк, проспали, мы уже вступили!” Спрашиваем: “А в какую же партию вы вступили?” Отвечают: “В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров”. Наша группа прыснула смехом и добавила: “Значит вы за лозунг «Земля и воля, и война до могилы, то бишь до победы»”. Наши друзья были ошеломлены: “Как! – вскрикивают они, – разве так? А у большевиков какой лозунг?” – спрашивают. “А у большевиков, – отвечаем, – лозунг такой: «Долой войну!»” Наши однополчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков»⁵⁰.

Так большевики оказались единственной, безальтернативной, политической силой в России 1917 г., способной обратить массовое сознание в инструмент для достижения своих целей. Вместо обесцененной старой идеи большевики предложили приемлемую для масс идею «новую», не просто сменив идеократический комплекс «Православие, Самодержавие, Народность» на аналогичный «Коммунизм, Диктатура, Партийность», но и мобилизовав все основные формы народных утопий и мессианских ожиданий. Они лучше всех умели «работать с массой». Любопытно в этой связи признание, сделанное о своем «авторском методе» словесного гипноза массы, Л.Д. Троцкого. Он объяснял механизм внушения толпе «не просто, а очень просто»: с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности⁵¹. Еще более «чувство массы» было присуще Ленину, чье непревзойденное лидерство в искусстве выражения массы признавал даже Троцкий: «Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих исторических поворотах»⁵².

Оппоненты большевиков решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. До конца оставаясь партией радикальной оппозиции, не скомпрометировавшей себя участием в немогущей демократической коалиции, ленинцы безнаказанно обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, указывая не только «что делать», но и «кто виноват». Используя массовую веру в возможность мгновенного изменения общества, они без боя овладели психологической монополией на чудо, для значительной час-

ти населения превратившись в единственную надежду. Большевизм взял на себя функции центра, организующего хаос движения масс, аккумулирующего, генерирующего и трансформирующего взрывную силу бунта. Даже кадеты вынуждены были признать психологическую победу большевиков как доминантный фактор политической истории весны–осени 1917 г., подытожив: «Психология – анархическая психология большевизма – была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории»⁵³.

Психология большевизма не была анархической. Уже некоторым участникам тех событий стало ясно: «Бунт – не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново»⁵⁴. Лишенные комплекса «властобоязни» и обещавшие массам земной рай после установления диктатуры пролетариата, большевики более других подходили на роль восстановителя «твердой власти». И стихия масс, оказавшаяся неподвластной революционной демократии, была покорена диктаторской властью, не сразу, но все же признав «возвращение хозяина». На взгляд А.И. Деникина, не имевшего оснований попусту хвалить большевиков, взявшегося в 1920 г. подвести «некоторые итоги первой части революции», «мы слишком злоупотребляем элементом стихийности, как оправданием многих явлений революции. Ведь та “расплавленная стихия”, которая с легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина–Бронштейна и вот уже более трех лет не может вырваться из большевистского застенка»⁵⁵. Таким образом, большевики – сначала в массовом сознании, а затем и в политико-институциональном смысле – кристаллизовались в силу, способную остановить государственный распад и прекратить смуту.

Примечания

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 32.

² Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 261.

³ Розанов В. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 7.

⁴ См.: Германия и русская революция, 1917–1924. М., 2004. С. 87.

⁵ Лукьянов С.С. Революция и власть // В поисках пути. М., 1992. С. 279.

⁶ Канчер Е.С. Аграрный вопрос: политические партии в России. Пг., 1917. С. 28.

⁷ Верховский А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 67.

⁸ Цит. по: Марченя П.П. Крестьянское правосознание в русской революции // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2006. № 5.

⁹ Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 144.

¹⁰ ГАРФ. Ф.1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 152об.

¹¹ Розанов В.В. Уединенное. М., 1998. С. 422.

¹² Волошин М.А. Из литературного наследия. СПб., 1999. С. 160.

¹³ Керенский А.Ф. Русская революция, 1917. М., 2005. С. 37.

«ОСОБАЯ ПАПКА»:

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕКРЕТНОСТИ В ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ
(1918–1920-е гг.)

Острейшая борьба большевиков за удержание власти в России и строительство советской государственности в условиях ожесточенной Гражданской войны сделали задачу обеспечения секретности работы партийных учреждений одной из важнейших. Высшее руководство большевиков не раз обращало внимание на соблюдение режима секретности в партийном аппарате в связи со случаями утечки политической, военной, экономической и прочей информации за пределы ЦК. Вопросы разглашения секретных сведений были предметом обсуждений на заседаниях высших органов партии. Так, на заседании Политбюро 8 ноября 1919 г., на котором присутствовали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, рассматривалось заявление Сталина о том, что некоторые сведения о заседаниях ЦК, «хотя и в очень извращенном виде, доходили каким-то путем до врагов». Такая постановка вопроса была своевременной: на территории «Совдепии» действовало множество агентов разведывательных органов антибольшевистских правительств и белых армий. Один из них, А.А. Борман, работал в Москве, передавая ценные сведения командованию Добровольческой армии. Пользуясь старыми связями среди «спецов», он устроился на работу в центральный аппарат Наркомторгпрома. По долгу службы ему приходилось принимать участие даже в проводимых Лениным заседаниях Совнаркома в Кремле¹. Кроме того, активно действовали многочисленные подпольные антибольшевистские организации. Например, «Азбука», организованная В.В. Шульгиным, имела в 1918–1919 гг. 26 политических центров и разветвленную сеть осведомителей. Ее Киевский центр, «придерживаясь строгой конспирации, занимался разведывательной деятельностью», а его агенты «занимали ответственные посты в различных советских административных и военных учреждениях, имели доступ к строго секретным документам и умело саботировали политику советской власти»².

Противодействуя утечке информации, ЦК принимал меры организационного характера. 8 ноября 1918 г. Политбюро постановило:

«а) Поручить т. Крестинскому и Стасовой обследовать порядок размножения, хранения в Секретариате ЦК и рассылки членами ЦК протоколов заседаний, особенно Политбюро, и ввести такой порядок, чтобы с протоколами было знакомо минимальное количество товарищей. Поручить тов. Крес-

- ¹⁴ См.: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.
- ¹⁵ Изгоев А. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917. С. 5.
- ¹⁶ Волжский день (Самара). 1917. 26 июля.
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 116. Л. 5.
- ¹⁸ Дюверже М. Политические партии. М., 2002. С. 19.
- ¹⁹ См.: Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 40, 41, 203.
- ²⁰ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 33.
- ²¹ См.: Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. Дис...канд. истор. наук. М., 1993. С. 147–148.
- ²² Цит. по: Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 169.
- ²³ См.: Российские либералы. С. 253.
- ²⁴ Саратовский вестник. 1917. 18 июля.
- ²⁵ Волжский день (Самара). 1917. 26 июля.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.
- ²⁷ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 250.
- ²⁸ См.: Российские либералы. С. 275.
- ²⁹ Волжский день. 1917. 11 мая.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.
- ³² Государственный архив Самарской области (ГАСО). ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44об., 49.
- ³³ См.: Куторга И. Ораторы и массы // НГ. Фигуры и лица. 2000.30 марта. № 6.
- ³⁴ Речь. 1917. 28 сент.; ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 76.
- ³⁵ Цит. по: Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 539.
- ³⁶ Рабочая газета. 1917. 25 авг.
- ³⁷ Меньшевики в 1917 г. Т.1. М., 1994. С. 246–247.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
- ³⁹ Волжский день. 1917. 24 мая.
- ⁴⁰ Правда. 1917. 3 окт.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 607.
- ⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.
- ⁴³ Цит. по: Политические деятели России, 1917. М., 1993. С. 207.
- ⁴⁴ Пролетарий Поволжья (Саратов). 1917. 26 окт.
- ⁴⁵ Волжский день. 1917. 6 сент.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 98, 112.
- ⁴⁷ Ленин В.И. Полно собр. соч. Т. 38. С. 137.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.
- ⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.
- ⁵⁰ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 244. Л. 3–4.
- ⁵¹ См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 213.
- ⁵² Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 118.
- ⁵³ Набоков В. Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы (Петроград). 1917. № 19.
- ⁵⁴ Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. СПб., 1999. С. 16–17.
- ⁵⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2005. С. 577.

тинскому сделать в следующем заседании Политбюро доклад о принятых мерах.

б) Предложить всем членам ЦК осторожно хранить получаемые ими протоколы.

в) Излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче.

г) Решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и личного исполнения»³.

Как видно, в данном случае были приняты меры превентивного характера по ограничению числа пользователей и сокращению сведений, содержащих в протоколах.

К расследованию фактов утечки информации привлекалась ВЧК, затем ГПУ. Так, 29 марта 1921 г. на Политбюро слушалось заявление А.М. Лежавы о разглашении секретных сведений. В связи с этим было принято решение: «Сообщение т. Лежавы принять к сведению, предложив ему передать весь материал с устными добавлениями т. Дзержинскому, которому поручить строго расследовать это дело. Доклад представить в Политбюро»⁴. На заседании Политбюро 7 декабря 1922 г. Сталиным в очередной раз был поднят вопрос об опубликовании некоторых, не подлежащих оглашению сведений. Речь в данном случае шла об информации по Госплану, по халатности и из-за отсутствия конкретных регламентирующих документов опубликованных в печати⁵.

Большевистское руководство и центральный аппарат партии особое внимание уделяли защите информации исходящей прежде всего из высших органов партии – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Наиболее важными считались протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Поэтому к обеспечению их секретности относились наиболее серьезно. Одним из способов, который для этого использовался, состоял в том, что Секретариат ЦК старался оставлять как можно меньше письменных источников по тому или иному вопросу повестки дня заседаний. Ленин, к примеру, был противником занесения всех обсуждаемых вопросов в протокол заседания Политбюро. В январе 1922 г. он писал: «Ввиду того, что мы здесь в Москве окружены шпионами меньшевиками и полуменьшевиками, не вносить этого (и подобных) предложений в протокол Политбюро, а записывать их отдельно... нигде, ни в бумагах, ни в шифровках, не упоминать директив Политбюро»⁶.

В целях обеспечения секретности многие заседания Политбюро, особенно в начале 1920-х гг., вообще не оформлялись в виде протокола. Распространилась даже практика устного решения вопросов. В основе своей протоколы оформлялись в короткой нераспространенной форме. В 1923 г. было принято решение, что в протоколы Политбюро записывать только

решения. Даже обычные протоколы Политбюро имели гриф «совершенно секретно». В секретных пунктах обычных протоколов с 1924 г. вместо изложения сути принятого решения стали писать ссылку: «См. особая папка». Это формулировка означала высший гриф секретности партийных документов. Секретные протоколы закрытых заседаний также откладывались в «особой папке».

Чтобы избежать разного рода интриг, Ленин был против стенографирования заседаний Политбюро. Сталин позже часто использовал их в борьбе со своими соперниками. С 1923 г. началось стенографирование докладов и заключений. Прения по вопросам стенографировались только по решению Политбюро.

По постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1922 г., партийное делопроизводство было отделено от советского и профсоюзного. Их рекомендовалось не вести вместе, тем самым было положено начало системе отдельного ведения партийного делопроизводства, в том числе секретного. В том же году Оргбюро ЦК приняло постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП(б)» и утвердило Инструкцию о порядке пользования выписками из протоколов и отдельных распоряжений парткомов⁷. В дополнение к принятым нормативным документам, ЦК принял меры по усилению охраны помещений бюро Секретариата⁸.

Наиболее секретными документами ЦК считались и документы с грифами высшей степени партийной секретности: «Строго секретно», «Особая папка». Нормативно-правовые документы по соблюдению секретности и работе с секретными документами партии разрабатывались совместно Секретным отделом ЦК и Специальным отделом ОГПУ (СПЕКО), а затем утверждались на Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК.

Принимались меры по усилению ответственности за соблюдение секретности. К ее нарушителям применялись строгие меры, вплоть до исключения из партии, взыскания, гарантирующие, по мнению ЦК, секретность решений и исключаяющие утечку важной информации. В отношении преступлений по секретным делам все сотрудники учреждений и организаций, ведущих секретную работу, подлежали ответственности во внесудебном порядке. ЦКК рекомендовалось вести решительную борьбу с лицами, распространяющими секретные сведения и «всякого рода политические слухи и сплетни». Специальному отделу ОГПУ поручалось наблюдать за соблюдением учреждениями и должностными лицами правил секретности документооборота, на него также возлагался общий контроль за проведением в жизнь решений Политбюро по вопросам секретности⁹.

Принимая меры против несанкционированного распространения партийных документов и информации вообще, Политбюро и Оргбюро

устанавливали способы размножения и распространения документов. Так, предложенное В.В. Куйбышевым постановление Секретариата ЦК от 7 декабря 1922 г. определяло порядок утверждения и опубликования циркуляров ЦК. Циркулярные документы ЦК сначала должны были проходить обсуждение на специально созданной циркулярной комиссии, а лишь затем представляться на Оргбюро ЦК¹⁰.

Особое внимание ЦК также уделял работе с секретными документами на местах. В конце 1925 г. Секретным отделом ЦК был определен порядок пользования секретными документами губкомов РКП(б)¹¹. Лица, имеющие доступ и получающие секретные материалы губкомов, несли личную ответственность за их распространение и использование, если на это не было специального разрешения губкома. Таким образом, ответственность за разглашение секретных сведений нес не только партийный комитет в целом, но и – персонально – конкретный обладатель секретной информации.

В 1923 г. Управление делами ЦК поставило вопрос о хранении секретных документов в отделах ЦК. Была проведена работа по защите информации внутри собственного аппарата. Политбюро вынесло вопрос защиты информации на Пленум ЦК. В итоге 19 августа 1924 г. Пленум ЦК утвердил «Правила обращения с конспиративными документами» ЦК РКП(б)¹².

В связи с усилением международной напряженности и внутривнутриполитической обстановки в стране в 1926–1927 гг. в аппарате ЦК были усилены меры по охране помещений и входа в Секретный отдел ЦК. Из работников аппарата ЦК в отдел могли войти только сотрудники Секретного отдела, да и то не во все структурные подразделения. Во все помещения Секретного отдела имели право входа только заведующий и заместители заведующего Секретным отделом, секретарь отдела, помощники Секретарей ЦК, заведующий шифрбюро, секретари техсекретариата и Политбюро¹³.

В апреле 1927 г. Сталин инициировал вопрос о выработке самых радикальных мер по обеспечению максимальной конспиративности в работе и пользовании секретными материалами ЦК. На основе обмена мнений в Политбюро 7 апреля 1927 г. в срочном порядке была создана комиссия по подготовке проекта постановления по пользованию секретными материалами¹⁴. Итогом ее работы стало постановление Политбюро «О пользовании секретными материалами»¹⁵.

В 1927 г. был изменен порядок рассмотрения вопросов на заседаниях высших органов партии в плане большего засекречивания информации. Выполняя постановление Политбюро, все вопросы НКВД, ИККИ, военного ведомства и ОГПУ, проходившие через ЦК, слушались теперь, как правило, на закрытых заседаниях Политбюро. Оргбюро поручалось макси-

мально сократить количество присутствующих на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК.

Наконец, в 1927 г. ЦК принял решение об усилении режима секретности в местных партийных комитетах: необходимо было строго регламентировать деятельность партийных комитетов и секретных органов парткомов в обеспечении секретности. 21 ноября ЦК поручил Секретному отделу разработать и согласовать со Специальным отделом ОГПУ документ, определяющий порядок работы с «конспиративными» документами на местах. Эта работа продолжалась до марта 1928 г. Причем 23 марта С.В. Косиору было поручено предварительно просмотреть подготовленную инструкцию и доложить на заседании Секретариата ЦК. И в марте 1928 г. Оргбюро и Секретариатом были утверждены основополагающие для всех парткомов «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах»¹⁶.

Борьба с оппозиционерами всех мастей, прежде всего троцкистами, заставила сталинское Политбюро ужесточить режим секретности. На Политбюро, а затем на Пленуме ЦК и ЦКК, 23 апреля 1929 г. был рассмотрен вопрос, а затем принято постановление «О конспирации». В нем говорилось: «Установить специальные меры – вплоть до исключения из ЦК и из партии, могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК и исключать возможность информирования троцкистов о делах ЦК и Политбюро». В связи с этим членам ЦК и ЦКК было предложено «безусловно выполнять» постановление о том, что «секретарями членов ЦК и ЦКК, получающими секретные документы, могут быть лишь люди проверенные и обязательно коммунисты». Членам ЦК и ЦКК было предложено обязать всех своих секретарей «строжайше соблюдать правила секретности», а Сталину поручено «произвести тщательную проверку секретарей членов ЦК и ЦКК и других товарищей, получающих секретные материалы». Постановлением от 9 мая 1929 г. Политбюро обязало Секретариат принять меры к строжайшему исполнению постановления Пленума ЦК и ЦКК «О конспирации»¹⁷. Окончательно постановление «О конспирации» было утверждено 16 мая.

Постановление подтверждало 3-х дневный срок возврата протоколов Политбюро и рекомендовало в случае невозвращения протокола в указанный срок следующего протокола не высылать. Подтверждало еще раз к неуклонному исполнению постановление Политбюро от 5 мая 1927 г. «О пользовании секретными материалами».

Во исполнение постановления «О конспирации», в целях наибольшего обеспечения секретности документооборота ЦК были проведены серьезные организационно-технические мероприятия. В частности, был лик-

видирован институт «доверенных по 2-й категории», то есть получавших секретные документы ЦК без права вскрытия. Секретариат ЦК рекомендовал всем лицам, получавшим документы через доверенных, получать и хранить секретные документы лично и возвращать их либо лично, либо через специально выделенного сотрудника Секретного отдела ЦК. Секретному отделу ЦК в свою очередь предлагалось максимально упростить порядок возврата. Доверенных с правом вскрытия, хранения и возврата документов оставили только у членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Оргбюро и Секретариата ЦК, Президиума ЦКК, выделенных для присутствия на заседаниях Политбюро и Оргбюро.

Как и весь аппарат ЦК, секретные подразделения в определенной степени были вовлечены во внутрипартийную борьбу, причем разглашение секретных сведений в дальнейшем очень часто ставилось в вину оппозиционерам, предъявлялось в виде обвинений на судебных процессах.

Так была создана система защиты партийной тайны. При сложившемся партийно-государственном устройстве страны она стала единой партийно-государственной системой. Партийная тайна в широком смысле воспринималась руководством партии и партийным аппаратом как государственная тайна. Многие секретные вопросы сначала проходили обсуждение на самом высоком партийном уровне (но было и наоборот), воплощаясь затем в совместных партийно-государственных решениях. Но, исходя из специфики партийного устройства, отличающегося от государственного, в узком смысле можно говорить о самостоятельной партийной системе защиты информации со своими секретными органами, секретными функциями, распорядительной и нормативной базой, и раздельным, начиная с 1922 г., общим и секретным делопроизводством. Во многом эти системы дублировали друг друга.

Через высшие партийные органы проходило и утверждалось все более или менее значимое, что было связано с защитой партийной и государственной тайны в масштабах всей страны. Особое внимание уделялось фактам просачивания секретной информации из партийных и советских органов, а в военное время – сообщениям из фронтов о вскрытии информации военного, внешнеполитического и дипломатического характера. В парторганах принимались организационные и технические меры по укреплению режима секретности, ужесточению контроля и ограничению количества лиц, имеющих доступ к секретной информации. Для решения данной задачи использовались силы не только партийного аппарата, но и карательных органов, на которые был возложен общий контроль за соблюдением режима секретности и защиты партийной и государственной тайны.

К началу 1930-х гг. в партийных органах сложилась и в дальнейшем функционировала устойчивая система обеспечения секретности, которая формировалась и работала совместно с государственной системой защиты информации в целом.

Но несмотря на все принимаемые меры, происходила утечка информации, в основном, путем опубликования документов и разглашения секретных сведений. Не всегда соблюдались правила и инструкции по работе с секретными документами. Такие случаи особенно часто происходили в начале 1920-х гг., когда сказывался низкий уровень образования сотрудников партийного и государственного аппарата и отсутствие общей культуры работы с документами. Все это становилось предметом самого пристального обсуждения в высших партийных органах. Как ни странно, поначалу наказания за нарушение правил секретности и разглашения секретных сведений были довольно мягкие. Только в особых случаях виновные наказывались строго.

Примечания

¹ См.: *Борман А.А.* Москва–1918 г. (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 115–149.

² *Бортневский В. Г.* Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920) // Новый часовой. 1995. № 3. С. 51.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 37. Л.1–2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143. Л. 1.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 8.

⁶ Цит. по: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б): Цензура и историческая наука в 20-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 321.

⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 697. Л. 334.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 696. Л. 16–17.

⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 633. Л. 11–16.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 5.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 615. Л. 136об.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 540. Л. 172–174.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 29, 54.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 629. Л. 1.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 123.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 99–113.

¹⁷ Цит. по: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М., 1995. С. 77.

ООН, РОССИЯ И «ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ УГРОЗА»

В условиях глобализации суть научно-технического прогресса усложнилась, проблемы ядерной безопасности обострились. Возникли изощренные факторы напряженности, устранению которых должна способствовать ООН. Это накладывает и на Россию, как на ведущую ядерную державу, большую ответственность.

Распространение ядерного оружия создает двоякую угрозу. Во-первых, уже в ближайшей перспективе некоторые страны, несмотря на то что они в настоящее время формально являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), могут тайно и незаконно разрабатывать полномасштабные программы по созданию ядерного оружия или, придерживаясь лишь буквы, но не духа Договора, приобретать все материалы и знания, необходимые для осуществления военных программ. При этом они оставляют за собой возможность произвольного выхода из Договора и начала самостоятельного производства ядерных боеприпасов по собственному усмотрению. Во-вторых, в долгосрочной перспективе может произойти размывание или даже крах всего режима ДНЯО: в настоящее время около 60 государств эксплуатируют или строят ядерные реакторы для производства электроэнергии или проведения исследований в ядерной области и не менее 40 государств имеют промышленную и научную базу, которая дает им возможность произвести ядерное оружие довольно быстро в обход ДНЯО.

По состоянию на 2004 г. ядерные арсеналы официально были у восьми государств¹. Режим нераспространения – его олицетворяют МАГАТЭ и ДНЯО – помог резко замедлить темпы распространения ядерных вооружений. Он усилил нормативный запрет на обладание, применение и распространение этого вида оружия, создал гарантии того, что государства могут с пользой применять ядерные технологии, но под надзором, уменьшил обеспокоенность государств о потенциале соседей и возможных соперников, что позволило им избежать ненужной гонки вооружений. Однако дело не только в количестве ядерных государств, а в качественном усложнении самой проблемы ядерной безопасности.

Наибольшее беспокойство по соблюдению норм ядерной безопасности вызывают не «классические» ядерные державы, а новые государства, которые стремятся попасть в «ядерный клуб», но не считают нужным следовать положениям базовых документов ООН. Это прежде всего Иран. Он внешне открыт для международного сотрудничества, не препятствует международному контролю, но лишь формально. К тому же Иран относитель-

но неуязвим с точки зрения применения экономических санкций. Первоначально планировалось, что при поставках ядерных установок в Иран (включая реакторы и завод по химической переработке отходов ядерного топлива) в качестве обычной процедуры будут применяться гарантии МАГАТЭ. Иран в 1974 г. подписал с ним соответствующее соглашение и обязался «дать гарантии относительно всех расщепляющихся материалов во всей мирной ядерной деятельности на всей его территории»².

Ситуация изменилась после «мирного» ядерного испытания Индии в мае 1974 г., когда СССР и США начали переговоры о выработке единых условий ядерного экспорта, нацеленных на предотвращение распространения ядерного оружия. В результате последующих консультаций с участием основных ядерных поставщиков, включая Францию и ФРГ, было принято решение об учреждении Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и были выработаны Руководящие принципы ядерного экспорта. В рамках переговоров делегация СССР настаивала на том, чтобы поставщики договорились впредь не поставлять установки по переработке и обогащению урана. Это, однако, не встретило поддержки, как и советское предложение о введении всеобщего моратория на передачу ядерных технологий. Было согласовано лишь положение о том, что «поставщики должны проявлять сдержанность при передаче установок, оборудования, технологий и материалов, пригодных для производства ядерного оружия». При этом участники ГЯП договорились, что «в случае передачи установок, оборудования или технологий для обогащения или переработки ядерных материалов поставщики должны содействовать обеспечению многонационального контроля». Помимо этого руководящие принципы Группы признали «важность соглашения о строгом порядке переработки любого пригодного для производства оружия материала»³.

На практике это положение могло предусматривать требование поставщика возвращать отработанное ядерное топливо, чтобы исключить выделение плутония в стране-получателе. Данное положение неизменно включалось в соглашения СССР о поставках ядерного топлива за рубеж. Принятое ГЯП обязательство «о сдержанности» при передаче установок и технологий, пригодных для производства ядерного оружия, строго соблюдалось правительствами поставщиков и фактически превратилось в эмбарго на такие поставки. Ужесточение контроля над ядерным экспортом значительно усложнило для Ирана реализацию национальной программы по развитию атомной энергетики. При этом новые меры в области контроля рассматривались шахским режимом как дискриминационные, нарушающие суверенные права страны и выходящие за рамки положений ДНЯО. Согласно оценкам официальных французских экспертов (в середине 1970-х гг.) Иран находился в 15–20 годах от создания собственного ядерного оружия⁴. В то

же время шах Ирана десятью годами раньше заявлял о стремлении достичь к 1985 г. военной мощи, сравнимой с потенциалами Франции и Великобритании⁵.

Однако в связи со значительным дефицитом бюджета в Иране начался пересмотр программы диверсификации энергетической базы, был введен мораторий на заключение новых контрактов на строительство реакторов для АЭС в Ахвазе и Бушере. Иран стал активно искать контакты с менее развитыми в ядерной области странами, большинство которых не придерживалось жестких правил в области контроля над атомным экспортом и находилось вне режима нераспространения ядерного оружия, в первую очередь с Китаем, Индией и Пакистаном. С конца 1980-х гг. началось сотрудничество в ядерной сфере Ирана с СССР. В марте 1990 г. был подписан первый протокол о строительстве СССР ядерного реактора в Бушере.

Современная ядерная программа Ирана во многом основана на планах развития атомной энергетики и создания ядерных технических центров, принятых еще при шахе Ирана в 1974 г. Масштабное содействие США и других стран Запада шахскому Ирану – ключевому американскому геополитическому партнеру в регионе – в осуществлении ядерной программы (включая критические технологии, то есть те, что создают предпосылки для развития приоритетных направлений науки и техники) демонстрирует недальновидность политики, ставящей отношения с правящим там режимом выше соображений ядерного нераспространения. Режимы могут меняться, а ядерные технологии, материалы и амбиции сохраняются и способны обернуться против прежних партнеров и покровителей. Иран приобрел технологии не только в Пакистане, но и в европейских государствах в обход норм экспортного контроля. В середине 1970-х гг. СССР предлагал вообще запретить экспорт ядерных технологий, но США, исходя из геополитических и коммерческих соображений (в частности, в отношении поставок в Иран), отказались от такой меры⁶.

В 1990-е гг. Иран окончательно отошел от сотрудничества в ядерной области со своими прежними партнерами – США и странами Западной Европы, переключившись на менее развитые в этом отношении, но зато более сговорчивые Индию, Пакистан, а также Китай. Используя различные каналы, Иран активно пытался на постсоветском пространстве получить технологии, материалы и экспертизы в области ядерного топливного цикла, в том числе по обогащению урана, производству тяжелой воды и строительству тяжеловодных реакторов. С начала 2000-х гг. Иран заявил о планах создать замкнутый ядерный топливный цикл. Правительством страны планируется, что к 2020 г. доля атомной энергетики в Иране вырастет до 10 %⁷. Благодаря технологиям, полученным из Китая и Пакистана, Ирану удалось вплотную приблизиться к созданию серии предприятий, связанных с производством ядерного топлива.

Во многом интерес Ирана к исследованию возможности военного применения атомной энергии подстегивался ядерным испытанием Индии, а также той заметной ролью, которую придавали ядерному фактору в своих доктринах и стратегиях государства «ядерной пятерки».

Незаконное сотрудничество Ирана с Пакистаном в 1990-х гг., а также незадекларированные поставки из Китая длительное время оставались вне поля зрения МАГАТЭ. Лишь после повторных проверок МАГАТЭ подтвердило, что Иран продвинулся значительно дальше в развитии атомной энергетики, чем это считалось прежде. В специальном докладе, представленном генеральным директором МАГАТЭ совету управляющих в июне 2003 г., отмечалось, что Иран не выполнил обязательства перед Агентством в рамках соглашения о гарантиях⁸. В то же время, вопреки давлению со стороны США, МАГАТЭ приняло решение не информировать Совет Безопасности ООН о несоответствии действий Ирана взятым обязательствам и дать Ирану время исправить имевшие место ошибки. Проблемы возникли из-за разной трактовки сторонами того, какие процессы понимать под обогащением ядерных материалов. Представители МАГАТЭ исходили из того, что единственно возможной убедительной гарантией может быть отказ Ирана от обогащения урана, химической переработки отходов ядерного топлива и тяжеловодных реакторов, которые в потенциале позволяют получать ядерные материалы оружейного качества. Инспекции МАГАТЭ сыграли важную роль в восстановлении информации о ядерных исследованиях Ирана. Однако работа Агентства ограничивалась отказом иранского руководства допустить инспекторов на закрытые объекты и предприятия, а также предоставить исчерпывающую информацию о ядерных экспериментах, которые проводились ранее без декларирования в МАГАТЭ.

В августе 1992 г. было подписано российско-иранское соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях», которое сразу же подверглось резкой критике на Западе. Соглашение формально ставило под контроль вероятность использования отходов ядерного топлива в военных целях.

В настоящее время реализуются только те российско-иранские проекты, которые не относятся к категории «критичной» ядерной продукции. Ни технология обогащения урана, ни технология регенерации плутония, ни технология создания реакторов по выработке плутония иранской стороне не передаются. Сотрудничество формально осуществляется в строгом соответствии со всеми требованиями национального законодательства и международными обязательствами России по ДНЯО.

24 сентября 2005 г. совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, которая констатировала факт нарушения Ираном обязательств по соглашению о гарантиях от 15 мая 1974 г.⁹ В июле 2006 г. Совет Безопасности ООН

принял резолюцию № 1696, которая предусматривала готовность принять меры на основании ст. 41 главы VII Устава ООН («угроза международной безопасности»), если Иран продолжит уклоняться от ее выполнения, как и от выполнения требований МАГАТЭ, в первую очередь о приостановке обогащения урана¹⁰. В связи с фактическим отказом Ирана выполнить требования этой резолюции 23 декабря 2006 г. Совет Безопасности ООН принял решение о введении санкций в отношении Ирана¹¹. Согласно резолюции № 1737 запрещаются поставки в Иран оборудования и технологий, которые могут быть использованы для обогащения урана и химической переработки отходов ядерного топлива, а также замораживаются счета иранских компаний, замеченных в нелегальном приобретении ядерных технологий за рубежом.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 1737 стала вехой в истории «иранского ядерного вопроса». Иранский уровень развития ядерной области оценивается как относительно низкий, но потенциальные возможности Ирана довольно сильные; он может быстро достичь поставленных целей, включая выход из ДНЯО и создание собственного ядерного оружия. Власти Ирана, как и во времена шаха, рассматривают развитие атомных технологий не только как средство сдерживания, но и как элемент национального престижа и атрибут регионального гегемонизма на Ближнем Востоке, а в перспективе – лидерства в исламском мире. Научно-техническая база Ирана в ядерной области на сегодняшний день является самой мощной среди всех стран региона (исключая Израиль). Кроме того, деятельность в ядерной области может легально осуществляться на мирных объектах ядерной энергетики, в первую очередь – на АЭС в Бушере. И хотя после поставок российского топлива на АЭС в Бушере будут распространяться гарантии МАГАТЭ, наибольшие опасения международного сообщества связаны именно с потенциальными возможностями Ирана в области обогащения урана. Международные эксперты не сомневаются в намерении его обогащения с целью дальнейшего использования для выработки «оружейного» урана.

Иран заинтересован в достижении «латентного» ядерного статуса за счет приобретения полного набора научно-технических предпосылок создания ядерного оружия. Реализация официальной программы развития ядерной энергетики это позволяет. Иран целенаправленно стремится к обладанию ядерным оружием, нарушая свои обязательства. Формально и ДНЯО, и членство в МАГАТЭ не запрещают собственные разработки в области мирного использования ядерной энергии и создание промышленных объектов на их основе (в том числе полного ядерно-топливного цикла). Подозрения в адрес Ирана более всего связаны с его попытками скрыть от

МАГАТЭ создание ядерного потенциала, формально не запрещенного ДНЯО. Даже создав эти разрешенные комплексы и накопив запасы уранового материала для обогащения, а также плутония, можно выйти из гарантий МАГАТЭ и из ДНЯО, после чего быстро создать ядерное оружие. Этим и вызвана озабоченность США и европейских держав. Однако попытки разрешить кризис, связанный с проблемой «иранского ядерного дося», заметных успехов не достигли. Более того, в ответ на давление со стороны Запада новое руководство Ирана стало демонстрировать твердую поддержку реализации полномасштабной программы развития ядерной энергетики с созданием всех звеньев ядерных технических центров. Тегеран неоднократно подчеркивал свое неотъемлемое право на «мирный атом» и намерение осуществлять необходимые исследования в данной области.

Дело тут не столько в ядерных технологиях как таковых, сколько в политическом режиме, который не вызывает международного доверия, особенно со стороны США. Однако другие страны, в частности Россия, КНР и Индия, имеющие хорошие отношения с Ираном, не очень волнуются по поводу его программы при условии, что она будет оставаться под контролем МАГАТЭ. Правда, Россия декларировала, что Иран не должен стремиться к обладанию ядерным комплексом. Однако дипломатическая линия России явно неоднозначна: Иран не должен возобновлять обогащение до урегулирования всех вопросов с МАГАТЭ, а после этого он может воспользоваться своим законным правом на создание ядерных технологических центров под контролем МАГАТЭ. При этом даже при условии несговорчивости Ирана Россия не считала нужным передать «иранское ядерное дося» в Совет Безопасности ООН, принимать санкции и тем более применять военную силу.

Позиция России по отношению к Ирану определяется несколькими основными факторами.

Во-первых, Иран – крупное, быстро развивающееся исламское государство, региональный лидер, расположенный в непосредственной близости от российских границ. На протяжении последних десятилетий между двумя странами существуют тесные связи и добрососедские отношения в политической и экономической областях. Позиции двух стран по широкому кругу вопросов (по угрозе афганского «Талибана», разделу природных ресурсов Каспия, Чечне, росту исламского экстремизма в Средней Азии, расширению влияния Турции, военной кампании США против Ирака в 2003 г.) совпадают или близки. Иран является крупным торговым партнером России и крупнейшим импортером российских вооружений и военной техники, занимая чаще всего третье место (после КНР и Индии). Россия имеет в виду громадный потенциал возможного сложения своих энергетических ресурсов с иранскими.

Во-вторых, Россия не собирается уходить с иранского рынка вооружений. Москва имеет все основания полагать, что за непреклонной позицией Запада относительно введения жестких санкций против Ирана кроется стремление вытеснить Россию с выгодного рынка экономического сотрудничества.

В-третьих, Россия с пониманием относится к стремлению Ирана войти в число высокотехнологичных, индустриально развитых стран. В этой связи стремление Ирана добиться энергетической самообеспеченности на длительную перспективу за счет ядерной энергетики представляется вполне объяснимым. Однако Россия крайне негативно относится к возможности появления у Ирана ядерного оружия, рассматривая подобный сценарий в качестве непосредственной угрозы своей национальной безопасности.

Российско-иранское сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии играет важную роль в поддержании добрососедских отношений между двумя странами, предоставляет России рычаги политического воздействия на Иран. С экономической точки зрения, это сотрудничество не менее важно, поскольку стоимость строительства только первого ядерного энергоблока оценивается в 800 млн долл., а при поставке еще трех может достичь 3–3,5 млрд долл. По некоторым оценкам, в контракте на строительство АЭС в Бушере задействовано около 300 российских предприятий, он создал в России 20 тыс. рабочих мест. В преобладающем сырьевом или военном экспорте России эта статья имеет огромное коммерческое и политическое значение. При заключении соглашения Россия очень тщательно подошла к выполнению своих международных обязательств. По мнению экспертов, сотрудничество двух стран в ядерной области не нарушает ни положений ДНЯО, ни правил ГЯП ядерных поставщиков, ни требований МАГАТЭ. Россия декларирует, что не поставляет в Иран технологии, создающие научно-технические предпосылки появления иранского ядерного оружия (обогащение урана, регенерация плутония, производство тяжелой воды, тяжеловодные реакторы и т.д.). Россия полагает, что Иран будет выполнять свои международные обязательства в сфере ядерного нераспространения. До настоящего времени международному сообществу не представлено убедительных доказательств намерений иранского руководства нарушить свои обязательства и приобрести статус ядерной державы. Очевидно, что Россия и далее будет выполнять заявленные положения заключенного соглашения, поскольку оно отвечает ее долгосрочным интересам так же, как сотрудничество с шахским Ираном отвечало интересам США, причем предусматривало более масштабные и «двусмысленные» ядерные проекты. Прекращение Россией сотрудничества с Ираном под нажимом США не только означало бы добровольную сдачу позиций на иранском рынке, которые неизбежно заняли бы другие государства, но и

привело бы к ухудшению политических отношений между двумя странами. Это стало бы тяжелым ударом по престижу России как надежного научно-технического партнера любых стран в глобальном масштабе. Это тем более очевидно ввиду отсутствия формальных причин обвинять Иран в нарушении ДНЯО, хотя и имеется ряд подспудных сомнительных и неясных моментов в связи с его ядерной программой.

Россия исходит из того, что некоторые моменты могут быть сняты через МАГАТЭ, а другие (такие, как элементы «полного топливного цикла») решены путем переговоров. Ранее США несколько не смущала проводимая ими масштабная программа ядерного сотрудничества с шахским Ираном, так что суть дела в том, что именно нынешний политический режим этой страны не внушает доверия американской администрации. Нельзя также исключать намерений США получить контроль над иранскими нефтяными ресурсами в целях обладания рычагом давления на Китай, который во все большей степени зависит от поставок иранской нефти для своей быстро развивающейся экономики. Однако это не повод для применения силы под предлогом борьбы против ядерного распространения (как уже случилось с Ираком в 2003 г.), если МАГАТЭ не обнаружило явных нарушений ДНЯО и если санкции не получили одобрения Совета Безопасности ООН. Нанесение США превентивного удара по иранским ядерным объектам (или рейд Израиля, который уже имел подобный опыт в отношении Ирака в 1982 г.) привело бы к весьма пагубным политическим последствиям как для региона в целом, так и для российско-американских отношений. Без санкции Совета Безопасности ООН это явилось бы актом агрессии и погрузило бы весь огромный регион вокруг Ирака, Ирана и Афганистана в пучину войны и терроризма.

С другой стороны, если в отношениях между Ираном и США в результате тех или иных причин наступит потепление, это может побудить западных поставщиков ядерной продукции выступить в качестве конкурентов российских предприятий, осуществляющих строительство АЭС в Бушере. Перспектива западных инвестиций в иранскую газовую отрасль сделает Иран в будущем главным конкурентом России в экспорте природного газа, который со временем обгонит нефть в качестве мирового энергосырья (Иран стоит на втором месте в мире по его разведанным запасам).

Учитывая крайнюю сложность проблемы, России приходится искать «золотую середину»: оказывать Ирану помощь в развитии атомной энергетики и одновременно противостоять распространению ядерного оружия. Развитие ядерной программы Ирана напрямую затрагивает безопасность самой России и кардинально меняет геополитическую обстановку на Ближнем Востоке. Поскольку Иран является закрытым и непредсказуе-

мым государством, обсуждение его политики в области ядерного вооружения, дебаты по этим вопросам проходят преимущественно в стенах ООН. Россия, как одна из наиболее заинтересованных сторон, принимает активное участие в процессе обсуждения данной проблемы. Позиция России на протяжении многих лет принципиальна: проблему ядерного оружия Ирана можно решить исключительно переговорным путем. Россия выступает категорически против силового решения данных проблем. На протяжении 1990-х гг., когда внешнеполитические позиции России были значительно ослаблены, к ее голосу прислушивались немногие, да и сами официальные лица крайне сдержанно реагировали на международные действия в отношении «пороговых стран».

В начале XXI в. позиции России в мире заметно укрепились. Россия может ясно и требовательно отстаивать свою линию в отношении ядерной безопасности. При твердой позиции в области нераспространения ядерного оружия она активно сотрудничает по вопросам развития «мирного атома», помогая в создании АЭС многим государствам. Россия хочет сохранить ДНЯО для поддержания стабильности в мире. Санкции же Москва считает одним из средств влияния цен на нефть. Таким образом, она против полного эмбарго Ирана, против американских односторонних действий по предотвращению дестабилизации в регионе. Президент В.В. Путин неоднократно заявлял, что надо набраться терпения и последовательно искать решение иранской ядерной программы. В ходе своего визита в Тегеран он выступил за создание международной организации вокруг Каспия с целью ликвидации излишних торгово-экономических барьеров. В интервью РИА «Новости» 17 октября 2007 г. он заявил, что Россия построит на территории Ирана полный комплекс технических мощностей под свои собственные гарантии, но сохранит жесткий контроль над всеми движениями ядерного сырья, материалов и готовой продукции в виде тепловых элементов. Ядерное топливо, естественно, будет вывозиться в Россию.

Совет Безопасности ООН дважды принимал резолюции о санкциях по отношению к Ирану в связи с отказом Тегерана приостановить обогащение урана. Инициатором принятия резолюции выступили США, прямо обвинившие Иран в разработке ядерного оружия под прикрытием «мирного атома». После длительных и острых дебатов резолюция об ужесточении санкций была принята единогласно. Но Россия присоединилась к ней только после того, как президент М. Ахмадинежад фактически отказался от достигнутых прежде личных договоренностей с Путиным. И если ранее Путин выражал сомнение в военной направленности ядерной программы Ирана, то после обнаружения секретных военных объектов в Араке и Натанце Россия почувствовала себя обманутой, равно как, вероятно, и сам Путин. Прежде в Москве говорилось лишь о том, что Иран – «тяжелый

переговорщик», тем не менее его обещания принимались на веру. США избегали прямого дипломатического давления на Россию, учитывая возможность ее влияния на Иран, но одновременно подчеркивали противоречивость позиции Москвы. Похоже, началась некоторая трансформация позиции России в плане более ясного осознания того, что эффективность действий достигается только совместными усилиями постоянных членов Совета Безопасности ООН, путем разумного компромисса с США, а не предъявления взаимных обвинений.

По словам главы МАГАТЭ Мухаммеда эль-Барадея, в 2006 г. в мире работало 442 атомные электростанции. Все они сосредоточены в 30 странах мира. В настоящее время строится еще 28 реакторов, 16 из них – в развивающихся странах. Только Франция, второй (после США) крупнейший производитель атомной энергии, и Россия обладают самыми совершенными реакторами на быстрых нейтронах. На долю атомных станций сегодня приходится 16 % вырабатываемой электроэнергии. МАГАТЭ готово помочь тому, чтобы ядерные установки эксплуатировались безопасно, а ядерные материалы надежно охранялись. Мухаммед эль-Барадей справедливо подчеркнул, что рост глобальной энергетической зависимости порождает дополнительные риски, связанные с распространением чувствительных технологий и материалов, таких как обогащенный уран. В этой связи нужны новые многосторонние шаги, направленные на укрепление режима нераспространения¹².

Статья IV ДНЯО гарантирует право государств-участников развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях. Это право должно быть сохранено и соблюдаться строго в соответствии с основными положениями документа. В последние годы стало ясно, что угроза распространения за счет обогащения урана и переработки отработанного топлива увеличивается. Это тот «маршрут», по которому участники ДНЯО могут (и в некоторых случаях уже это делают) тайно заниматься незаконным созданием потенциала для производства ядерного оружия.

Идея обогащения урана в России (в частности иранского), не сможет решить проблему нераспространения ядерного оружия. Ситуация действительно тупиковая. Дело в том, что любая страна, которая заботится о своей энергетической безопасности, не просто имеет право, но и обязана развивать ядерную энергетику – с помощью России или без таковой – не имеет значения. Сейчас доля ядерной энергетики составляет 4–6 % от мирового производства энергии. Необходимо довести ее до 70–80 %, ибо существенно наращивать потребление нефти и газа невозможно, так как эти ресурсы исчерпаемы. Нужно использовать альтернативные источники энергии. Их поиск и разработка ведется медленно. Однако не всем ядерным странам в равной мере доступны альтернативные технологии. Лишь Рос-

сия, США, Великобритания и Франция предположительно обладают необходимым набором технологий для поддержания безопасности и надежности своего ядерного потенциала. А вот в отношении Китая, Индии, Пакистана и Израиля нельзя быть уверенным в достоверной надежности и качества технологий в силу общей технологической отсталости. У Китая относительно большой ядерный арсенал, ему доступны соответствующие технологии, но он испытывает трудности в обслуживании своего арсенала при отсутствии испытаний. По тем же причинам Израиль не может быть уверен в безопасности и надежности своего ядерного оружия. Вновь ворвавшиеся в «ядерный клуб» государства мало осознают свою ответственность перед миром, кичась собственной вседозволенностью и осуждая великие державы в эгоистичности и косности, в препятствовании им в свободном допуске к достижениям научно-технического прогресса и сознательном ослаблении их национальной безопасности.

Главное в том, что «иранская ядерная угроза» должна по справедливости рассматриваться не сама по себе, а только в связке с ядерной программой Израиля, так как предполагаемое создание Ираном ядерного оружия является ответом на возможную угрозу со стороны Израиля. На Западе известно о наличии ядерного оружия у Израиля. Но США традиционно используют принцип двойных стандартов, и против своего союзника Израиля не выступают. А одновременная ликвидация израильской и иранской ядерных программ нереальна.

Ясно одно, что «проблема ядерной программы Ирана не имеет военного решения. Не решить ее и санкционными средствами»¹³. С одной стороны, нельзя подобные страны изолировать, оставляя их без международного контроля, с другой – санкции являются очень противоречивым, двояким инструментом, не всегда достигающим предполагаемых целей. Зачастую они вызывают либо более изощренную, либо примитивно неадекватную ответную реакцию, усиливающую последующий риск. Конечно, надо совершенствовать контрольные функции международных специализированных учреждений системы ООН – это главное. В то же время разрешенный, но плохо развитый или основанный на устаревших технологиях ядерный потенциал, не слишком грамотно обслуживаемый, слабо модернизируемый, может привести к более губительным последствиям, чем тот, что эксплуатируется в цивилизованных формах. Резолюция № 1835 Совбеза ООН от 27 сентября 2008 г. подтвердила необходимость комбинированного решения иранской ядерной проблемы как путем продолжения переговоров, так и дипломатического давления¹⁴.

Примечания

¹ Доклад группы ООН высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 5.11.2006 // UN Publications/Documents. 2006. P. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 39.

⁴ *Clarity J.* Teheran Denies Plans to Use Atom Plant for Nuclear Arms // *New York Times*. 1976. May 29.

⁵ A Nuclear Iran? // *Washington Post*. 1975. March 10.

⁶ ООН. Резолюции Совета Безопасности от 22.02.2008 // UN Publications/Documents. 2003.

⁷ У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения. М., 2007. С. 46.

⁸ Осуществление соглашения о гарантиях в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в Исламской Республике Иран: Доклад Генерального директора МАГАТЭ Совету управляющих // UN Publications/Documents. 2003.

⁹ UN Publications/Documents. 2005.

¹⁰ UN Org./News/Press/Doc. 2006.

¹¹ UN Org./News Center. 2006.

¹² Выступление главы МАГАТЭ *М. эль-Барадея* на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 30.10. 2006 // UN Publications/Documents. 2006.

¹³ *Лавров С.В.* Внешнеполитические итоги 2005 г.: Размышления и выводы (www.mid.ru).

¹⁴ Резолюция 1835 СБ ООН от 27.09. 2008 // UN Publications/Documents. 2008.

ЗАМЕТКИ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

А.А. Сазонова

ПЕРВЫЙ АНГЛОСАКСОНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ АЛЬДХЕЛЬМ МАЛМСБЕРИЙСКИЙ

Христианизация англосаксонских королевств, начало которой положила деятельность римской «миссии Августина» в Кенте (597–604 гг.), способствовала формированию островной религиозной культуры как новой формы политической идеологии, став питательной духовной средой для трансляции позднеантичной интеллектуальной и образовательной традиции на Альбионе в VII в. Римские, галльские и ирландские учителя наставляли германскую молодежь в светских и церковных знаниях. Так, к числу первых представителей «национальной» генерации англосаксонского клира относится Альдхельм Малмсберийский (639/40–709 гг.), знатный западносакский настоятель и епископ, признанный после смерти местночтимым и всебританским святым.

Местное монастырское предание донесло множество слухов, фактов и описаний событий, которые (не только в устной, но и в письменной форме) в течение нескольких веков скрупулезно вплетались в биографическую ткань жития святого. Одним из первых пунктов житийной историографии стала верификация комплекса генеалогических вопросов (степень кровного родства с королевской династией Уэссекса). Сохранившийся исторический материал не позволяет однозначно и исчерпывающе решить эту проблему, но общее положение о знатном (королевской крови) происхождении Альдхельма не вызывает сомнения у авторов ранненорманнского периода Фариция Абингдонского и Вильгельма Малмсберийского¹.

Хронологическая канва биографии Альдхельма до прибытия в Британию римских посланцев Теодора и Адриана (669–670 гг.) содержит лишь два датированных по источникам события – поступление в школу Майлдуба (654/655 г.) и принятие монашеского пострига (661 г.)². Решение знатного западного сакса о поступлении в ирландский монастырь в Селвудском лесу позволяет интерпретировать избрание им новой церковной карьеры как отказ от традиционной жизни его германских предков (в качестве потенциального военачальника, королевского сотоварища, светского правителя местного уровня). В 650–660-х гг. Альдхельм пережил за стенами Малмсберийской обители нортумбрийскую оккупацию Мерсии, церковный конфликт между епископом Ангильбертом и королем Кенваллой (660 г.), унесшую многие жизни на Альбионе и в Ирландии чумную эпидемию (664 г.).

После приезда в Уэссекс нового епископа Леутерия (669/670 г.) молодой малмсберийский монах стал его придворным клириком и официальным легатом к кентерберийскому архиепископу. Началом 670-х гг. датируются два известных «образовательных» послания Альдхельма: к епископу Леутерию (с описанием школьных дисциплин Кентерберийской школы) и к наставнику Адриану (о невозможности приезда в Кент для продолжения обучения).

Созданный в 670-х гг. малмсберийским монахом поэтический цикл ста «Загадок» следует рассматривать как «квалификационное» произведение, замысел и художественное воплощение которого были осуществлены на особом, этапном рубеже образования Альдхельма – в момент окончания обучения у Майлдуба и переезда в Кентерберийскую римскую школу Адриана. Обращение Альдхельма к жанровому образцу позднеантичных ста «Загадок» североафриканца Симфония (IV–V вв.)³, энциклопедическому фактографическому материалу «Этимологий, или Начал» и натурфилософским представлениям трактата «О природе вещей» вестготского епископа Исидора Севильского знаменует его интеллектуальную и авторскую зрелость.

Энигматический цикл Альдхельма открывается предисловием, содержащим акростих и телестих («Aldhelmus cecinit millenis versibus odas») ⁴, в котором он противопоставляет свое творческое целенаправленное («*randere rerum versibus enigmata*») традиционным античным зачинам о языческом происхождении поэтического вдохновения от кастальских нимф – путем вкушения медового нектара поэзии во время посещения вершин делосского Кинфа и сакрального сна на Парнассе (Praef., 10–20). Через приведенный перечень этих «отрицательных» примеров он сопоставляет собственную фигуру с античными поэтами, но относит себя к кругу боговдохновенных творцов – псалмопевца Давида и алкающего разгадок Божьих тайн Иова, таких же «Христовых воинов», сражающихся с преступным религиозным нечестием (Praef., 21–34).

Структурно энигматический универсум Альдхельма (воспроизводящий номенклатуру творения всего сущего по библейскому «Шестодневу» и античный зодиакальный круг) четко делится на физический мир окружающей природы во всем его богатстве и многообразии и «культурную» сферу предметов и бытовых реалий человеческой цивилизации, составляющую ровно четверть от всего количества загадок). Иерархия природного мира спускается от космологических и небесных объектов (природа, творение, фатум, Луна и Солнце, Плиады, Арктур, Вечерняя звезда, Люцифер, круговорот неба) через четыре «творящих» элемента (земля, вода, огонь, ветер, искра, источник) к метеорологическим явлениям поднебесного круга (туча, радуга, ночь, дождевой пузырь на воде) и минералам (адамант, соль, магнит, змеиный драконит, хрусталь-крисмаль).

Наиболее полно у Альдхельма представлена дикая, экзотическая и одомашненная флора (пальма, жгучий перец, гелиотроп, тысячелистник,

крапива, чемерица, тис, смоковница, бузина, яблоня) и фауна (охотничий пес, кошка, лев, бобр, ласка, телец, овен, опоросная свинья) земного мира. Отдельно выделены группы чудовищ и «экзотов» (слон, единорог, верблюд, Сцилла, Колосс, Минотавр, аспид-Василиск, павлин, страус, мраволов, шелкопряд, багрянка-пурпурница), пресмыкающихся (дракон, саламандра, аспид), диких и домашних птиц (соловей, ласточка, петух, аист, ночная хищная птица, орел, голубь и ворон), насекомых (шелкопряд, пчелы, саранча, шершень, комар-пчелица, паук-водомерка), обитателей вод (обычная и летучая рыбы, моллюск-пурпурница, рак, пиявка). Потомки Адама и Евы представлены в энигматическом мире как аномальная пара – «Роженица двойни» и «Урожденный слепец», дополненные античными чудовищами (мифические полулюди Сцилла и Минотавр, псевдочеловек Колосс-Голем).

Технический и культурный универсум раннесредневекового человека структурирован у Альдхельма в четырех выделенных группах: ремесленные орудия и производные продукты (кузнечные меха, весы, напильник, оселок, веретено, жернова, сито, хлебец, сушеный перец, соль), предметы хозяйственного обихода и домашнего быта (котел, самовар, стеклянный кубок, винная бочка, подушка и «лира-орган»), инвентарь ученого (алфавит, записные книжки, свеча, писчее перо, книжный сундук) и военное снаряжение (броня, кинжал, щит, труба, осадное орудие и маяк). Отдельно от всех материальных артефактов стоит культовый предмет религиозного почитания «Хрусталь-хрисмаль» в виде ларца-реликвария, который в своих составных частях (драгоценные камни, украшения из золотых шариков и деревянные панели самого «домика» с глухими дверками) относится к сфере ювелирного дела и обработке природных материалов.

Семантико-текстологический анализ показывает: на «формальном» уровне мифологические образы античной культуры у германца Альдхельма преобладают над (частотно редко) прописанными библейскими отсылками (Фатум, Голубь, Ворон, Василиск, Яблоня, Слепец). Самыми явными (помимо отдельных мифологических загадок «Солнце и Луна», «Радуга», «Орел», «Минотавр», «Сцилла», «Колосс», «Плиады») примерами его активного использования и глубокого овладения литературно-мифологическим богатством античной эпохи являются каталоги художественных образов в предисловии сборника и в последней, сотой, загадке. Если христианский универсум в них представлен Богом-Вседержителем и его оппонентами Люцифером и Бегемотом, а также библейскими фигурами Иова и царя Давида, то античная мифология разворачивается перед читателем во всем своем богатстве и полноте: поэтическая область – Кастальские нимфы, Музы, Кинф и Парнасс; подземный мир – Тартар и Вулкан, Титаны и Циклопы; небесные силы – неназванный небесный громовержец Юпитер, Зефир и Феб.

Наиболее ярко принцип источниковой выборки (на материале Исидора) и этимологический метод Альдхельма иллюстрируются на примере мифологической загадки «Минотавр»:

Я двуобразен и несходен сам себе ликом и членами:
Вооруженный рогами – другие члены творят ужасного мужа.
По славе с Кносса полей знаменит я рождением
Внебрачным от неизвестного родителя с Крита,
От людей и скотов одновременно именем я прозываюсь.

Символы «грязного язычества» явлены у малмсберийца в образах красноглазого змеи-дракона (об адском змее с огненным гребнем у Пруденция в мантирии святой Агнии «О венцах»⁵) и, возможно, возгордившегося (черного снаружи, но пылающего внутри) перца, который добавлялся англосаксами в жареное мясо во время светских пиров. Животные личины Сатаны (к образу Люцифера) более многоплановы: караемый Богом бледно-желтый Бегемот с ужасно искривленными членами (низвергнутый с вершин в глубины Тартара), неназванный библейский Змей-искуситель («Яблоня») и Василиск, рассеивающий семена смерти по всему миру («Аспид-Василиск»). Образ падшего ангела (во всех его ипостасях – первоначального небесного соратника Бога, перерождение в завистника-гордеца, роль людского искусителя, его поражение от Вседержителя и вечное наказание, водительство над силами зла) является у Альдхельма наиболее проработанным из всех христианских образов.

Одной из главных характеристик физического универсума становится всепобеждающая сила порождающего начала (Природа, Земля, Туча, Роженица, Опоросная свинья, Ласка, Источник, Ночь) и вечная победа над смертью (искра огня, негниющая плоть павлина, возрождающийся к новой жизни в светносных лучах Феба орел), повторяющаяся гибель и преодоление произвола фортуны (огонь, слон, василиск-аспид, возвращение соловья после зимы, регулярное весеннее появление пурпурной чемерицы и гелиотропа). «Животворящий» божественный импульс природы дает окружающему миру его неиссякаемую и преизбыточную изобильность.

«Энигмы» Альдхельма можно охарактеризовать как содержательно и жанрово близкие многим позднеантичным и раннесредневековым сочинениям: анонимным «Бернским загадкам», «Эпиграммам» Евгения Толедского, библейским комментариям Ильдефонса Толедского из «Книги о пустынном пути», басням Авиана и стихотворным циклам Авсония (послания к Феону с загадкой о психических принадлежностях и «счетном» описании тридцати устриц, «Книга эклог» о разных предметах, «Гриф о числе три»), образам малых стихотворных форм Намациана (бык, железная руда, Форосский маяк, морские солеварни, замерзшая в лед вода, охота на вепря, звук охотничьего рожка, мифологические соотношения созвездий), эпиграммам Клавдиана (бык, Минотавр, магнит, горный хрусталь, феникс), описаниям природы в «Хвале Господу» Драконция. В целом естественнонаучный и парадоксографический, натурфилософский и мифологический материал источников Альдхельма восходит к «Естественной истории» Плиния и «Собранию достопамятных сведений» Солина, позднеантичным аст-

рономическим и мифологическим компендиумам. В загадках флоральной и энтомологической групп особенно заметно влияние природных описаний из памятников восточнохристианской патристики («Шестоднев» Василия Великого, труды Иеронима и Руфина). За использование столь значительного объема позднеантичного художественного наследия Альдхельм, разменявший в 670-х гг. четвертый десяток, по праву пользовался авторитетом наиученейшего западнолатинского клирика своего времени.

Многовековая слава Альдхельма, в глазах его средневековых почитателей, во многом основывалась на придании автору ста «Загадок» престижного статуса ученого клирика, сведущего и причастного к латинской традиции позднеантичного и раннесредневекового тайнознания. Монастырское малмсберийское историописание особым образом маркировало ряд римских и местных эпизодов из агиографического канона епископа Альдхельма, «чудесно» соотнося их с номинационным каталогом его «Энигм»: воскресший по молитве настоятеля верблюд, привезенный из Рима пурпурный плащ с вышитыми павлинами, реликварий в виде макета храма, прибрежный маяк, чудо прозрения на могиле святого, исполнение Альдхельмом религиозных песнопений на древнеанглийском языке под аккомпанемент лиры, обретение «по Божьей воле» роскошного экземпляра Библии, описание брони «Христовой война»⁶.

Уникальна практически полная сохранность разножанровых сочинений Альдхельма («Трактат о метрах, загадках и шагах правил», прозаический и поэтический варианты «Похвалы девственности», сборник «Церковных посвящений» и эпистолярника). Живость личного восприятия и дух времени перемен, высочайший уровень риторической техники и нюансы собственной оценки политической и интеллектуальной культуры современности Альдхельм представил в своих дружеских и пастырских посланиях.

Особый интерес вызывают два «гисперийских» письма малмсберийского настоятеля к своим англосакских знакомым. Один из которых, Эхфрид, возвращался из Ирландии на Альбион после шестилетнего обучения, а другой только направлялся туда.

В шуточной форме, используя художественные образы и лексику из арсенала «гисперийской» латыни, он описывает интеллектуальные достижения ирландского образования, остроумно высмеивая полученные Эхфридом у заморских учителей гуманитарные знания. Он эмоционально сформулировал положение о противопоставлении римской школы Теодора–Адриана в апогее ее славы и образовательной ситуации на Изумрудном острове. Риторически украшая и агонально заостряя сравнительную характеристику двух разных школ и образовательных систем, Альдхельм сравнивает архиепископа Теодора с диким вепрем, окруженным сворой ощерившихся охотничьих собак, которым он уподоблял толпу ирландских учеников ибернийских учителей-полузнаек⁷.

Вихтфрида, молодого адресата другого послания («Epistula ad Wihthfridum»), Альдхельм наставляет не соблазняться в Ирландии изучени-

ем «грязных» сюжетов античной мифологии и не увлекаться «скользкими увертками философов», а обратиться к «чистым водам прозрачных источников» Святого Писания⁸.

Обличение светских забав и излишней материальной роскоши в быту Альдхельм продолжил в более позднем послании к принцу Этельвальду, где он нелестно перечислил способы мирского времяпрепровождения молодого мерсийца, сожалея о «пустых увеселениях мира сего», в которые тот был погружен, – ежедневные попойки, многолюдные и преизобильные пиры, безудержные конные скачки и «осуждаемые наслаждения телесного увеселения»⁹. Приводя библейские цитаты, Альдхельм призывает будущего короля позаботиться о собственной душе, отринуть мирское тщеславие и обратиться к Слову Господа.

Политическая светская и церковная жизнь Альдхельма (аббатская и епископская деятельность, дипломатическая миссия в Рим, роль советника в светских делах) одновременно традиционна и эталонна в рамках политической культуры раннесредневековых германских королевств. Зрелый возраст ученого клирика из Малмсбери пришелся на годы кровопролитной междоусобицы и присоединения Сассэкса при Кентвине (676–685 гг.), кровавого покорения острова Уайт и энергичной завоевательной политики молодого короля Кэдваллы (685–688 гг.). Закончил он свой жизненный путь во времена расцвета и гегемонии родного Уэссекса при Инэ (688–726 гг.). Все средневековые биографы Альдхельма отмечают важную миротворческую роль и значительный пастырский авторитет его как аббата (с 675 г.), а затем и шерборнского епископа (705/6–709 гг.) в условиях установившегося территориального пограничья англосакского лимеса и последнего рубежа кельтской Британии на юго-западе острова.

Особый интерес представляет реконструкция по аутентичным ранним и поздним источникам двух спорных событий – поездки Альдхельма в Рим (в начале 690-х гг.) и обстоятельств его «двойного» погребения (709–711 гг.). Собранные доказательства исторического, эпистолярного, агиографического и материального (описание иконографических сюжетов ранней серебряной раки святого) характера позволили более точно определить хронологический промежуток дипломатической миссии Альдхельма (по утверждению папским Римом кандидатуры нового кентерберийского архиепископа) как относящийся к 690–693/695 гг. и связанный с важнейшими событиями церковной и светской политики на Альбионе после смерти архиепископа Теодора и установления военного контроля короля Инэ над Кентом.

Возвращение его из Рима подтверждается как аутентичным свидетельством из письма «кельтского ученика» и описанием материальных римских реликвий (плащ и алтарь), так и свидетельством о новозаложенной малой селвудской обители в честь римского мученика Лаврентия и о возможной перестройке церкви Девы Марии под модным римским влиянием.

При изложении последовательности двух погребений Альдхельма агиограф Вильгельм Малмсберийский продемонстрировал, с одной стороны, виртуозное владение историческим нарративом, а с другой – свой исследовательский принцип, не позволяющий ему игнорировать имеющиеся в его распоряжении «неудобные» исторические свидетельства¹⁰. Итальянец Фариций, первым создававший свою агиографическую версию жития, был более последовательным в умиротворении скандальных аспектов истории погребения, сводя двухлетний спор монашеских конгрегаций Гластонбери и Малмсбери к вопросу о том, кто из них станет «организатором» траурной процессии переноса тела святого в Малмсбери¹¹.

Средневековая агиографическая «память» по Альдхельму избирательно синтезировала целый комплекс представлений о малмсберийском святителе, куда вошло осознание современниками оригинального авторского первенства Альдхельма в латинской англосаксонской культуре, его важной роли в трансляции позднеантичного интеллектуального наследия в религиозно-духовный универсум западноевропейского Средневековья, значимости его фигуры и творчества для становления национального самосознания германцев Южной Британии вплоть до норманнского завоевания.

Примечания

¹ *Faricius. Vita S.Aldhelmi // Aldhelmus. S. Aldhelmi Operae. Paris, 1850. Col. 64–83; Willelmus Malmesburiensis. Vita Aldhelmi (De gestis pontificum Anglorum. Liber V) // Willelmus Malmesburiensis. Opera omnia (PL. CLXXIX). Paris, 1855. Col. 1619C (Далее – GPA).*

² *Duckett E.Sh. Anglo-Saxon Saints and Scholars. N.-Y., 1948. P. 40.*

³ *Симфосий. Загадки // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 415–431.*

⁴ *Aldhelmus. Enigmata. Praefatio, 1–10. Издания см.: Aldhelmus. Aldhelmi Operae / Ed. R. Ehwald (MGH. AA. XV. P. I–II). Berlin, 1913–1919; Поэтический перевод 12-ти загадок см.: Альдхельм. Загадки [№ 1–5, 7, 21, 22, 79, 90, 97, 99] // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 438–440.*

⁵ *Prudentius. Peristephanon (<http://www.thelatinlibrary.com>).*

⁶ *Faricius. Vita S.Aldhelmi. Caput II–III. Col. 70–86; GPA 1637–1648.*

⁷ *Aldhelmus. Ep. ad Eahfridum: Theodorus... regens Hibernensium globo discipulorum, seu aper truculentus molosorum catasta ringente vallatus, stipetur.*

⁸ *Aldhelmus. Ep. ad Wihthfridum: ...per lubrica dumosi ruris diverticula, immo per discolos philosophorum anfractus iter... aporriatis vitreorum fontium limpidis laticibus.*

⁹ *Aldhelmus. Ep. ad Aethilwaldum: ...sive in quotidianis potationibus et conviviis usu frequentiore ac prolixiore inhoneste superfluis sive in equitandi vagatione culpabili seu in quibuslibet corporeae delectationis voluptatibus execrandis [exercendis].*

¹⁰ GPA 1647.

¹¹ *Faricius. Vita S.Aldhelmi. Col. 75.*

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ РОССИИ УЧЕНЫХ-ФИЛОЛОГОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Ученые-филологи Московского университета первой половины XIX в. представляли собой новую социальную группу, образовавшуюся из представителей разных сословий. Профессия ученого объединила выходцев из среднего и небогатого дворянства, детей священников и разночинцев.

Сфера их общения представляла собой сеть кружков, причем одни и те же лица посещали разные дома, что было вызвано их стремлением к широкому общению. В этих кружках обсуждались сходные проблемы, что говорит об идейной общности этих ученых. Среди них были кружки С.П. Шевырева, В.И. Григоровича и Ф.И. Буслаева; М.Н. Каткова; Н.И. Крылова; М.П. Погодина и Н.И. Надеждина; П.М. Леонтьева; С.Т. Аксакова; князя Д.В. Голицына. Также ученые встречались в Английском клубе. Членов этих кружков скрепляли научные и личные отношения. Среди них были ученые Московского университета Н.В. Калачов, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, В.И. Григорович, И.М. Снегирев и И.И. Давыдов, О.М. Бодянский, Т.Н. Грановский, И.К. Бабст, П.Я. Петров, А.М. Кубарев, Р.Ф. Тимковский, М.Т. Каченовский, Д.М. Перевошиков, А.Ф. Мерзляков¹.

Стремясь к неформальному общению как возможности свободно выражать свои мысли, ученые обсуждали труды друг друга². Одним из главных направлений их научных интересов было развитие христианской идеи у древних славян. Из современных вопросов наиболее часто обсуждаемым были меры правительства по отношению к университетам. Мерами этими они были весьма недовольны³. Эти кружки посещали общественные деятели, литераторы, деятели культуры В.А. Жуковский, И.В. Киреевский, Н.М. Языков, М.Н. Загоскин, А.Ф. Вельтман, Н.И. Гнедич, А.А. Дельвиг, А.Д. Галахов, П.Я. Чаадаев и другие. Их объединил интерес к философии, к православию и на этой основе – к славянской культуре.

Помимо этого ученые объединялись вокруг журналов и альманахов: «Новые Аониды», «Московский вестник», «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Москвитянин», «Русский вестник», «Чтения Общества и древностей российских», «ПроPILEI». Среди их участников были П.Н. Кудрявцев, Надеждин, Погодин, Шевырев, Бодянский, Леонтьев, Соловьев, Петров и другие⁴. Одним из центральных журналов на протяжении долгого времени был «Москвитянин», главными редакторами которого были Шевырев и Погодин. Шевырев возлагал большие надежды на этот журнал в деле просвещения общества: «Мы завоеваем всю Европу – и все два десятилетия»

язык будут взяты в плен Москвитянином»⁵. Журнал носил религиозный и в то же время вполне светский, современный характер⁶. В 1850-е гг. журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости» под руководством Каткова стали приобретать все большую популярность тем, что на их страницах обсуждались проблемы реформ и общественного развития⁷. Все же ученые считали свою работу в периодических изданиях просветительской и старались отстраняться от «журнальной суеты».

Результаты своих исследований о механизмах мышления и познания, а также текстового и устного общения современных им людей И.И. Давыдов и А.Ф. Мерзляков представили соответственно в трудах «Начальные основания логики» (М., 1821) и «Краткая риторика» (4-е изд. – М., 1828). Вопросы основ знания П.В. Победоносцев исследовал в своей работе «Направление ума и сердца к истине и добродетели» (в 2 ч. М., 1830). В своих главных трудах по истории философии и искусства, опубликованных в 1829–1837 гг., Н.И. Надеждин рассматривал проблему происхождения человеческого знания: «О высоком», «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической», «Необходимость, значение и сила эстетического образования», «Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана», «Вкус» (1837), «Об исторической истине и достоверности»⁸. С.П. Шевырев рассматривал вопросы истории литературы как отдельных лиц, так и целых народов в своих трудах «История поэзии» (в 2 т. М.; СПб., 1835–1892), «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (2-е изд. СПб., 1887), «История русской словесности» (в 4 ч. М., 1858–1860). Ф.И. Буслаев в большом сборнике «Исторические очерки русской народной словесности», вышедшем в начале 1860-х гг., и О. Бодянский в докторской диссертации «О времени происхождения славянских письмен» рассматривали вопросы истории языка и литературы⁹. В целом научные интересы ученых-филологов Московского университета были сосредоточены на человеке, его мышлении, свободе его воли и его взаимоотношениях с Богом, соотношении веры и разума, взаимодействии власти и народа.

Все они сходились в одном: главная задача XIX в. – спасение православной веры. Надеждин считал: «Оживление веры есть первое необходимое условие нашего совершенствования»¹⁰. Буслаев относил XIX в. к эпохе «Возрождения... древностей христианских»¹¹. Авторитет православных авторов был для этих ученых велик. «Отцы Церкви – сии великие и богопросвещенные мудрецы – проникали мыслию к небесным тайнам и частию проразумевали: но им Бог открывал сии тайны во спасение чад церкви и в пристыжение врагов ее»¹², – писал Надеждин.

Они критиковали тенденцию современной эпохи, когда христианские авторы стали заменяться западноевропейскими просветителями Нового времени. Этот процесс они считали своеобразной потерей точки опоры в жизни России. Буслаев считал: «Вращаясь в водовороте современных вопросов, определяемых народностью, развлекая свое внимание иногда обы-

денной мелочью и, таким образом, теряя нить, ведущую к главной и единственной цели, едва ли кто может указать, какие результаты приносит и какие может со временем принести у нас на Руси это народное направление»¹³. Главной причиной этого ученые, в частности Давыдов, считали отделение разума от веры и, таким образом, человека от Бога. Это окончательно произошло в «век Петра Великого... в отношении религиозном, гражданском и ученом», когда «гордый разум человека, не руководимый светом Божественного Откровения... слепо очарованный собою, падал под бременем предрассудков, опутывал себя заблуждениями... в забвении высокого назначения своего, человек, омрачив свой образ и подобие Божества, воскурял жертвы чувственности, отказался от души своей, возносящей его над всем творением Божиим»¹⁴. В результате, как писал Буслаев, «русская народность стала не основой для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, в которую от времени до времени она направляла свои сатирически выстрелы, как в дикое невежество, которое надобно искоренить вконец». При этом Буслаев жаловался на поверхностность знания современных образованных людей: «Классицизм, сентиментальность, романтизм, гегелизм... Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь в глубину ее исторического и бытового брожения»¹⁵. Главным итогом этого процесса, начавшегося с потери веры отдельными людьми, стал раскол народности, которая, как полагали ученые, могла настоящему скрепляться только на основе веры.

Особую свою роль в спасении веры ученые обосновывали судьбой Москвы, которая берегла «останки Угодников Божиих и гробы Государей», распространяла «животворный дух русский на защиту Церкви и Престола» и утверждала «спасительное Самодержавие»¹⁶. Ученые видели в научной деятельности, как разумной, особую миссию просветительства. Роль ученого, по их мнению, состояла в том, чтобы «подвести к общим началам то, что живет в устах народа бессознательно и разрозненно»¹⁷. Давыдов указывал: в Московском университете, как «в средоточии народного самопознания, чужеземные приобретения превращаются в живительную кровь и изливаются из него в живом русском слове»¹⁸. В противовес народническому «хождению в народ», московские ученые считали, что «университет слушал споры о старом и новом слоге, не думая учить народ искусственному языку славяно-церковному и не допуская входа к себе оборотам иностранным: он воссоздавал язык из родных элементов; он очищал работу миллионов»¹⁹. Для них было важно «проследить те основные нити, на которые фантазия в течение столетий стройно нанизывает все эти противоречия и анахронизмы», что, по их мнению, «значило бы подслушать ту заветную тайну, которая теперь только по частям, время от времени, открывается нам с каждым вновь найденным эпизодом русского эпоса»²⁰. Так соблюдалась историческая преемственность, основанная на сохранении предания.

Основываясь на библейском понимании слова как духа человека, ученые-филологи в изучении языка как хранителя предания видели самый действенный способ возвращения образованного общества к своим истокам. Надеждин писал: «Для нас, русских, древний славянский язык есть богатая сокровищница высоких выражений, если только мы будем уметь благоразумно пользоваться ею»²¹. А Буслаев считал, что в современную эпоху издание «вековых песен» «внимательному, просвещенному слуху» может «так много внушить... пробудить в уме столько полезных идей, а в сердце столько любви к родной земле, и особенно в такую эпоху, когда коренное преобразование быта народного на наших глазах полагает новые основы для будущих успехов русской цивилизации!»²²

Поиск христианских основ в истории был главной целью всех историко-филологических исследований ученых-филологов Московского университета. Это было связано с вопросом о принадлежности России к всечеловеческой истории. Надеждин спрашивал: «Имеем ли мы прошедшее?... Жил ли подлинно народ русский в это длинное тысячелетие?»²³ Ученый отметил отставание Руси от Европы: «У нас не было еще истории, которая заселяла бы нас страстями, предрассудками и ложными взглядами», несмотря на укоренившиеся из-за отсутствия развития «затверделость и упорство... леность и беспечность»²⁴. А Шевырев пришел к выводу, что для восприятия христианства и противодействия язычеству нужно иметь сознание, не обремененное антихристианской традицией. Такой страной была, по его мнению, Россия. «Плоды европейского образования может соединить в себе разумным избранием только страна, которая мало участвовала в жизни европейской и, следовательно, не вынесла с собою никаких пристрастий, не приняла никакого одностороннего направления. Эта страна близка нам!»²⁵ – писал он. Буслаев, ученик Шевырева, путем сличения памятников народного творчества славян пришел к заключению, что «на славянском Востоке, в недрах простого народа менее помутился первобытный чистый поток древнего эпического творчества; между тем как славяне западные, открытые разнообразным влияниям исторической жизни, – очень рано, даже в эпоху незапамятную – уже значительно ушли вперед от эпической наивности своих предков», тогда как, в отличие от них, «представители славян западных, поляки и чехи, вместе с успехами европейской образованности более и более теряли древнее поэтическое наследие родственных славянских племен»²⁶.

В отношении проявления свободы воли в истории славянская мифология отражала мирный, без насилия над человеком образ богов, в отличие от немецких «военизированных» божеств. Буслаев считал, что действие Промысла состояло в том, чтобы сохранить предание, идущее от первого человека. «Развитие жизни общественной и государственной у западных славян рано отделило их от восточных»²⁷, что привело к тому, что «русская мифология так бедно была развита, что едва ли понимали ясно эти племена

значение веры и обрядов в смысле языческом»²⁸. Бодянский доказывал, что у древних славян понятие центрального божества было близко к монотеистическому взгляду, и именно к христианскому, и имело преемственность с древнейшим индоевропейским божеством: «Хорса и Дажьбога... считаю одним и тем же лицом»²⁹.

Относительно чистоты языка Буслаев подчеркивал роль Болгарии: «Болгария была источником, откуда шли церковно-славянские оригиналы для наших переписчиков раннего периода русской письменности»³⁰. Таким образом, классическое языческое влияние не передавалось непосредственно на Русь, а перерабатывалось славянским языком. Предание восточных славян, по мнению Буслаева, способствовало сохранению более простых форм быта и противостоянию гражданскому развитию германских племен. Так проблема призвания варягов решалась не в смысле доказательств их присутствия или отсутствия, а в смысле взаимоотношения народов при подчеркивании свободы славянского сознания. Буслаев через анализ языка выявлял христианские черты славянского предания, отражавшиеся в их образе жизни: «Язык наш свидетельствует, что славяне преимущественно перед всеми индоевропейскими народами в большей чистоте сохранили древнейшие названия семейных отношений и членов семейства». Он приходил к заключению, что «семейные понятия мало подверглись в славянском языке перевороту от внесения в него идей христианских»³¹.

Вопрос о свободе воли в истории был тесно связан с вопросом об образовании государства и восприятия власти. Надеждин высказывался так: «Влияние варяжских пришельцев на образование восточных славян в Руси было совершенно внешнее, механическое, а не органическое живое. Они не только не сообщили славянам своей национальности, но сами поглотились ими совершенно, не оставив даже никаких следов своего с ними соединения»³². Шевырев в связи с этим писал: «В нашу историю входят не шумные дела князей, дела войны и политики, но мирные подвиги их, на поприще духовного образования. Мы упоминаем только о двигателях последнего»³³. Бодянский подчеркивал важность того, что славянская письменность, основанная на христианском предании, свободно сочеталась с эпическим преданием славян и закреплялась в создании православного государства: «Царьград, столица греческого образования, от которого пошло нынешнее, столица Православия... был колыбелью и наших, истинно народных, письмен... а 862-й год – первым годом возвания славянского племени к новой во всех отношениях жизни, государственной, вероисповедной, духовной и самостоятельно народной»³⁴. Буслаев приводил данные языка в пользу точки зрения о различии в содержании славянского и немецкого языков: «Чувства, соединявшие властителя и подвластного, как ближайших родственников, были любовь, милость и ласка; потому-то поскн. властитель, царь называется... от милостивый, ласковый; этим объясняется у нас постоянный эпитет Владимиру ласковый»³⁵. Тем самым уче-

ный подчеркивал различие славянского и немецкого понимания власти. «Так выразилось в эпическом предании сознание народа о родстве власти политической с властью нравственной... так что в предании о героях народ выразил сознание о родстве человека с богами.»³⁶ При переходе к христианству церковь представлялась примером свободных взаимоотношений власти и народа. Киево-Печерский монастырь, писал Шевырев, «явился рассадником образования духовного, нравственного и словесного, на всю тогдашнюю Русь... Земная власть склонялась перед этим монастырем», «Антоний не имел ни злата, ни сребра, но стяжал слезами и постом»³⁷.

Как считал Буслаев, отход от предания и искажение внешних форм жизни проявлялись в виде раскола. XVII век был временем сомнения, расшатывавшего единую соборную жизнь православной Руси. Он писал: «В ереси раскольников нельзя не заметить влияния западного, которое в младенческих умах отразилось дерзким отвержением своих собственных, православных преданий в нем, как и во многих современных нам расколах господствовали некоторые начала мифологические»³⁸. Он приписывал сатирическое направление одностороннему взгляду раскольников, сравнивая их с современными критиками народности и православия: «В рукописи не однажды проглядывает раскольнический дух в сатирических выходках против православных; так что в дальнейшем развитии русской карикатуры необходимо проследить очень важное участие раскола»³⁹.

По мнению Буслаева, образование централизованного государства и способствовавшая этому процессу древнерусская литература в лице Четых-Миней были единственными путями сохранения предания. Он писал: «Взявши все существенное и полезное из древней Руси, Москва в половине XVI в., как бы вышедши из бессознательного оцепенения... доблестно создала все главные недостатки русской жизни и решила проложить новую дорогу для будущего просвещения, но на основах древнерусского православия»⁴⁰. «Домострой», содержащий в себе историческую память и предание, указывал ученый, «не дает... рассыпаться и потеряться в пошлых мелочах действительности: и чем наивнее он в них входит, тем в большем величии выступает на первом месте поставленная им – твердая вера, в которой благочестивые читатели той эпохи находили единственное и самое полное удовлетворение своим умственным интересам»⁴¹. Буслаев пришел к выводу, что древнерусская жизнь в большей степени обладала цельностью: «Одно из существенных преимуществ древней Руси перед новою, преобразованною, происходившее от свежести и искренности благочестивого религиозного настроения, состояло в нераздельной совокупности литературных и художественных интересов; потому что те и другие непосредственно восходили к одному общему им источнику – к религии»⁴². С другой стороны, считал он, «Домострой» и подобные ему памятники, будучи привержены к старине и букве, носили в себе залог будущего раскола. В XVII в., по его мнению, начался раскол народности, поскольку про-

стонародная и книжная культуры не выражали одного целого и не составляли народность.

Поэтому, как полагал Буслаев, просветительские меры Петра I и его сподвижников были полезны для противостояния расколу и возвращения к преданию. Петровские реформы коренились «на национальных основах, которые испокон веку заключали в себе залогом сближению Руси с европейскими народами – сначала в общих индо-европейских преданиях дохристианского верований и поэзии, потом в общих началах христианского просвещения, далее в исторических сближениях с Европою Новагорода, Пскова, Юго-западной Руси, наконец и самой Москвы с половины XVII в.»⁴³ Давыдов в связи с этим напоминал, что в реформаторском окружении Петра были люди, приверженные вере и церкви: «Сподвижники Петра на поприще просвещения, согревая народ теплотою Веры и преданности Престолу, главных стихий народного характера, славили спасительное действие преобразований Петровых»⁴⁴. В то же время, указывая на сильное действие предания в основной массе народа, Буслаев показывал, что «преобразования Петра Великого... были чисто практические и не касались религии, этого главного источника всякой теоретической деятельности, а следовательно и литературы»⁴⁵.

Таким образом, проблемы взаимодействия православного предания, сохранившегося в славянском языке, и европейского влияния решались учеными-филологами Московского университета как взаимодействие свободы воли и Промысла: в любом событии была или польза, или отход от веры. Отсюда противопоставление Древней Руси и петровской империи не имело смысла, так как история виделась как постепенное развитие, единство которого обеспечивается прочным православным преданием.

Примечания

¹ НИОР РГБ. Ф. 36. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 57; Ф. 42. К. 12. Ед. хр. 44. Л. 6, 7; Ф. 86. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 7об., 61об., 66об.; Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 15, 17, 78об.; РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 11–11 об., 17.

² РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 9.

³ НИОР РГБ. Ф. 36. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 36, 83–84.

⁴ НИОР РГБ. Разд. I. К. 44. Ед. хр. 43. Л. 8; К. 32. Ед. хр. 1. Л. 52, 78об., 82об.; Разд. II. К. 49. Ед. хр. 93. Л. 2; К. 47. Ед. хр. 106. Л. 8; К. 46. Ед. хр. 62. Л. 6об.; К. 36. Ед. хр. 28. Л. 1, 16, 23; Ед. хр. 43. Л. 48об.; Ф. 399. К.3. Ед. хр. 35. Л. 8; Ф. 36. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 71, 89, 96; Ф. 42. К. 13. Ед. хр. 15. Л. 2об.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 29. Л. 6 об.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 29. Л. 33; Ед. хр. 43. Л. 40–40об.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 512. К. 1. Ед. хр. 12. Л. 20, 27об.; Ф. 42. К. 12. Ед. хр. 8. Л. 1.

⁸ *Надеждин Н.И.* Соч.: в 2 т. СПб., 2000.

⁹ *Буслаев Ф.И.* Соч.: в 3 т. СПб.–Л., 1907–1930. *Бодянский О.М.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

¹⁰ *Надеждин Н.И.* В чем состоит народная гордость? // *Надеждин Н.И.* Соч. С. 800.

С.В. Карпенко

«РОССИЯ НА КАВКАЗЕ ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА»: ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ И НЕЗАВИСИМАЯ ГРУЗИЯ (1918–1919 гг.)*

В августе 1919 г., отвоювая Северный Кавказ как базу, Добровольческая армия очистила от красных западную часть Кубанского края и север Черноморской губернии. Взяв 13-го Новороссийск, части добровольцев двинулись к Туапсе. Там их неминуемо ждала встреча с войсками независимой Грузинской демократической республики.

На Грузию генералы М.В. Алексеев и А.И. Деникин возлагали особые надежды: на ее территории в ходе мировой войны были складированы огромные запасы Кавказского фронта. Их стоимость оценивалась в миллиарды рублей, и за их счет Добровольческая армия многие месяцы могла бы снабжаться оружием, боеприпасами, обмундированием, снаряжением, инженерным и прочим военным имуществом.

Надеясь получить все это безвозмездно, они допускали и возможность товарообмена. Было хорошо известно: Грузия остро нуждается в муке и продовольствии, которые до войны завозились с Кубани. Сама она добывает уголь в районе Поти и располагает нефтепродуктами, которые прежде доставлялись по трубопроводу и железной дороге из Баку в Батум, а оттуда пароходами – в южные российские губернии. Торговые порты Новороссийск, Таганрог, Батум и Поти, прекрасно оборудованные, разделяют малые расстояния. Наконец, в Грузии и на юге России – множество старых торговых фирм, имеющих большой опыт экспортно-импортных операций в этом районе, а также пароходных компаний и их судов, много лет совершавших рейсы между портами Черного и Азовского морей.

Все это позволяло генералам надеяться на быструю организацию обмена – кубанского зерна и продовольствия на военные материалы, нефтепродукты и уголь.

Настораживала, правда, социалистическая физиономия правительства, возглавляемого Н. Жордания, лидером грузинских меньшевиков. Да и некоторые его министры входили в правительство «истерички и болтуна» Керенского. Но враждебность грузинских последователей Керенского к Ленину и Троцкому была столь же очевидна, сколь и нужда грузинского населения в кубанском хлебе. Поэтому Грузия изначально считалась «ес-

* Настоящий очерк – отрывок из книги С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута», опубликованной издательством «Вече» в 2008 г.

¹¹ Буслаев Ф.И. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии // Буслаев Ф.И. Соч. Т. 3. Л., 1930. С. 144.

¹² Надеждин Н.И. Рассуждение об опасности излишнего доверия разуму при изъяснении Священного Писания // Надеждин Н.И. Соч. С. 858.

¹³ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве М., 2006. С. 159.

¹⁴ Давыдов И.И. О содействии Московского университета успехам отечественной словесности. М., 1836. С. 9–10.

¹⁵ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. С. 157–158.

¹⁶ Давыдов И.И. Указ. соч. С. 13.

¹⁷ Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. С. 43.

¹⁸ Давыдов И.И. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. С. 241.

²¹ Надеждин Н.И. О высоком // Надеждин Н.И. Соч. С. 91.

²² Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. С. 162.

²³ Надеждин Н.И. Летописи отечественной словесности // Надеждин Н.И. Соч. С. 753.

²⁴ Надеждин Н.И. В чем состоит народная гордость? // Надеждин Н.И. Соч. С. 798–799.

²⁵ Шевырев С.П. История поэзии. Т. 1. М., 1835. С. 35.

²⁶ Буслаев Ф.И. Древнейшие эпические предания славянских племен // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. С. 209.

²⁷ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 1. М., 1904. С. 34.

²⁸ Буслаев Ф.И. Областные видоизменения русской народности // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. С. 171.

²⁹ Бодянский М.О. Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств, Хорса и Дажьбога. М., 1846. С. 10.

³⁰ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 1. С. 219.

³¹ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. С. 131.

³² Надеждин Н.И. История русского народа... С. 720.

³³ Шевырев С.П. История русской словесности. Ч. 2. М., 1860. С. 10.

³⁴ Бодянский М.О. О времени происхождения славянских письмен. С. 381.

³⁵ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 155.

³⁶ Там же. С. 171.

³⁷ Шевырев С.П. История русской словесности. Ч. 2. С. 16, 17.

³⁸ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 3. М., 1907. С. 31.

³⁹ Буслаев Ф.И. Повесть о Горе Злосчастии // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. С. 247.

⁴⁰ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 3. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 194.

⁴³ Там же. С. 237–238.

⁴⁴ Давыдов И.И. Указ. соч. С. 11.

⁴⁵ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 3. С. 238.

тественным союзником» в борьбе с «Совдепией», выгодным торговым партнером.

* * *

Отпад от России, Грузия попала в полную зависимость от Германии. В конце мая–начале июня, признав правительство Грузии и высадив десант в Поты, немцы навязали ему кабальные договоры, ввели войска в Тифлис, разместили по городам гарнизоны (всего – до 30 тыс.) и «арендовали» Батум. Оккупанты торопились прибрать к рукам добычу угля и марганца, поступающие из Баку нефть и нефтепродукты. Они взялись помогать формированию молодой грузинской армии, с их дозволения она снабжалась со складов бывшего Кавказского фронта.

Правительство, возглавляемое в то время Н. Рамишвили, тоже торопилось: опираясь на поддержку немцев – «прирезать» к «Великой Грузии» часть Черноморской губернии и обзавестись общей границей с Кубанской областью, откуда наладить получение хлеба в обмен на нефтепродукты. Черноморская губерния входила в состав Кубано-Черноморской советской республики. Воспользовавшись отвлечением ее сил на борьбу с Добровольческой армией, за июнь–июль грузинские войска, рассеяв слабые красновардейские отряды, заняли Сухумский округ (Абхазию), Сочинский округ и побережье до Туапсе включительно, населенные в основном русскими.

Оккупационные власти сразу приступили к демонтажу железной дороги и промышленных предприятий, вывозу в Грузию и распродаже железнодорожного оборудования, двигателей, станков, сельхозмашин, племенного скота.

И теперь грузинское правительство боялось, как бы Добровольческая армия не вторглась «нечаянно» в Грузию и не захватила бы ее¹. На войне глаза у страха велики как нигде и никогда: у Деникина не было для этого ни лишних штыков, ни боеприпасов.

* * *

Для русских – и на занятой грузинами части Черноморской губернии, и в самой Грузии – настали черные дни. Провозгласив лозунг «Грузия для грузин», правительство развязало кампанию по притеснению русских, вытравливанию русской культуры, школы, языка. Многочисленные российские учреждения ликвидировались, десятки тысяч русских чиновников и офицеров выбрасывались на улицу и оказывались без куска хлеба. В местных учреждениях и общественных организациях, на железной дороге и почте русских заменяли грузинами. Русских выдавливали из мест проживания, реквизировали их имущество. Грузинские социалистические газеты

презрительно именовали русских «великодержавниками», поливали грязью все русское.

Разом лишенные прежнего благополучия русские в долгу не остались, окрестив новорожденное государство «Кукурузной республикой». Зло насмеялись и над правительством – «говорильней» сродни керенской, над его пресмыканием перед немцами, над казнокрадством и разворовыванием всего и вся, бурно расцветшими в Грузии.

Правительство начало выпускать временные бумажные рубли (боны), но разрешило хождение рублей всех прежних выпусков, ибо казна пополнилась большими суммами, захваченными в бывших российских учреждениях, да к тому же у населения было много рублей. Курс бонов падал быстрее курса «романовских», «думских» и «керенок» из-за их массового производства фальшивомонетчиками. Печатались фальшивые боны (и об этом знал весь Тифлис), в одной из лучших типолитографий на Головинском проспекте и появлялись на рынке на сутки раньше правительственных.

Очень скоро русские, особенно прибывавшие с Кавказского фронта офицеры, оказались на грани голода и нищеты: запасы зерна, скупаемого немцами и отправляемого морем в Германию, истощались, стремительно росли цены. На тифлиских улицах появлялось все больше нищих в оборванном обмундировании с офицерскими погонами. Однако выехать в Россию они не могли: на Военно-Грузинской дороге хозяйничали разбойники-горцы, пароходство по Черному морю замерло еще в начале мировой войны, железные дороги во многих местах были разрушены².

* * *

Сразу после взятия Новороссийска штаб Добровольческой армии получил сведения, что в районе Туапсе находится передовая грузинская часть: она ведет боевые действия против красных в районе железной дороги Туапсе–Армавир и помогает восставшим кубанским станицам оружием и боеприпасами. Установив связь с Туапсе, разведка действительно обнаружила небольшой грузинский отряд под началом генерала Г. Мазниева (Мазниашвили). При нем состояли 6 сотен кубанских казаков, бежавших из Майкопского отдела.

Алексеев распорядился отправить отряду продовольствие, а Мазниеву 16 августа послал письмо. Выразив радость по поводу того, что «судьба сделала нас союзниками», он предложил начать взаимовыгодный товарообмен: «...Широко пойду навстречу грузинскому правительству в удовлетворении его продовольственных нужд, ожидая, что и оно поделится своими запасами и прежде всего винтовками и патронами». Для обсуждения условий товарообмена он просил командировать в Екатеринодар представителей правительства.

Между добровольцами и отрядом Мазниева уже налаживалось взаимодействие, но отступающая из-под Новороссийска советская Таманская

армия под командованием матроса-черноморца И.И. Матвеева выбила грузин из района Туапсе к Сочи. Когда же преследующий таманцев добровольческий конный полк занял 26 августа Туапсе, обнаружилось неожиданное: к юго-востоку от него грузины сосредоточили до 5 тыс. пехоты, спешно сооружают у Сочи и Адлера оборонительную линию фронтом на север – против Добровольческой армии, а генерал Мазниев заменен генералом Кониевым.

Приняв представителей добровольцев, Кониев без обиняков заявил, что столь резкая перемена в отношении к ним – результат указаний германского командования. Его словам тут же нашлось веское подтверждение: на усиление грузинских войск у Дагомыса и Адлера высадились две десантные группы немцев.

Штаб Добровольческой армии расценил это как угрозу Новороссийску.

Если прежде штаб допускал, что немцы намерены использовать грузинские части против английских войск на азиатском театре, то теперь пришлось считаться и с другим предположением: возможно, и против добровольцев на Северном Кавказе. Выходило что-то чудовищное: огромные российские военные запасы, на которые рассчитывает командование, могут быть использованы не для снабжения Добровольческой армии, а для войны против нее.

Одновременно первыми пароходами, прибывающими из Поти, Сочи и Сухума, в Новороссийск хлынули русские беженцы. Они сообщали будоражащие подробности о беспощадных гонениях против русских, умоляли избавить Сочинский и Сухумский округа от грузин. Привезенные ими грузинские газеты были полны обвинений Добровольческой армии в «старорежимности», ее начальники именовались «черносотенцами».

Напрашивался вывод: относительное экономическое благополучие Грузии зиждется исключительно на присвоении российского казенного имущества (прежде всего военного) и на грабеже русского населения. Все это вкупе с социалистической физиономией правительства, немецким присутствием и газетными нападками на армию не настраивало добровольческих генералов на доброе отношение к Тифлису.

Однако потребность в военных материалах была столь велика, столь сильно было желание избавиться от унижительной зависимости от Украины и Дона в военном снабжении, что они решили пригласить представителей грузинского правительства в Екатеринодар на переговоры с целью, прежде всего установить с ним «сносные отношения» и тем обезопасить тыл, избежать посылки к границе с Грузией войск, которые крайне необходимы на фронте, а главное – убедить грузинские власти безвозмездно передать армии хотя бы часть оружия, боеприпасов, обмундирования и прочего имущества со складов бывшего Кавказского фронта как «принадлежащего русскому государству». Если же не удастся – заинтересовать обменом на кубанский хлеб.

* * *

Получив приглашение, правительство Жордания командировало в Екатеринодар делегацию во главе с министром иностранных дел меньшевиком Е. Гегечкори. Сразу же по приезде, 12 сентября, он заявил, что делегация прибыла для переговоров о товарообмене и установления «дружеских отношений» между Грузией и Добровольческой армией, а также, как особо отметил он, Кубанью.

Переговоры начались без промедления – вечером того же дня. Добровольческую армию представляли Алексеев, Деникин, А.М. Драгомиров, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, В.А. Степанов и известный публицист В.В. Шульгин, приступивший в Екатеринодаре к изданию газеты «Великая Россия»; Кубанское войско – атаман А.П. Филимонов, глава правительства Л.Л. Быч и Н.И. Воробьев, член правительства по делам здравоохранения.

Алексеева покидали последние силы – он едва поднимался с постели и никого уже не принимал, но, собрав волю в кулак, приводил себя в порядок, облачался в мундир... Он готов был пойти на «все возможные уступки, лишь бы установить сносные отношения». Его авторитет и умение находить компромиссы как ничто другое могли помочь получить из Грузии столь вожаделенные военные материалы.

Открывая заседание, Алексеев приветствовал «представителей дружественной и самостоятельной Грузии». Пожелав переговорам «удовлетворительных результатов», он заверил грузинскую делегацию: «С нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет – в этом отношении Грузия может считать себя обеспеченной». «Но дав такое обеспечение... – перешел он к главному, – мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам». И затем с горечью стал перечислять факты притеснения русского населения и расхищения казенного имущества, пенять грузинам за оккупацию Черноморской губернии при помощи немцев. Особо дипломатичать и подбирать выражения старый генерал почел излишним.

Обменявшись после его короткой речи мнениями, три делегации договорились о вопросах, подлежащих обсуждению. И сразу обнаружилась неуступчивость грузин в вопросе, названном Алексеевым «камнем преткновения», – о Сочинском округе. 37-летний грузинский министр твердо отстаивал позицию своего правительства: округ должен входить в состав Грузии.

Переговоры продолжились 13 сентября.

Первым обсудили отношение грузинского правительства к Добровольческой армии и ее врагам – большевикам и немцам. С привычным митинговым пафосом Гегечкори заявил: «Борьба с большевиками – это вопрос нашей жизни и смерти». Но тут же деловито уточнил: бороться с

ними Грузия будет лишь «на Черноморском побережье» и в союз с Добровольческой армией для борьбы с большевиками в масштабах всей России не вступит, как, впрочем, и в союз с Германией – для борьбы против Добровольческой армии. Генералам пришлось принять «печальную» истину: в войне против «Совдепии» на Грузию рассчитывать не приходится.

Все сведения о притеснении русских Гегечкори отвергал решительно, назвав их слухами. Его поддержал Быч: мол, кубанцы, что возвращаются из Грузии, «не жаловались на скверные к себе отношения».

Запасы бывшего Кавказского фронта, заявил Гегечкори, правительство рассматривает как принадлежащие ныне Грузинской республике. Отдать часть их Добровольческой армии оно может, но лишь в обмен на хлеб и другие продукты, нужные Грузии. Быч и тут поддержал его. Добровольцам стало очевидно: грузины с многомиллиардным военным имуществом, перепавшим им «по случаю», добром не расстанутся. А Быч, заподозрили они, принял сторону Тифлиса не иначе как в расчете получить потом все необходимое для самостоятельной Кубанской армии.

Тем важнее стали для них гарантии, что при восстановлении торговли русский хлеб пойдет действительно грузинскому населению, а не в Германию. Гегечкори признал очевидные факты: немцы закупают в Грузии продовольственное зерно и вывозят на своих судах в Констанцу – для снабжения войск на Западном фронте и уже голодающего населения в самой Германии. Но тут же стал заверять, что кубанский и ставропольский хлеб будет поступать в распоряжение правительства это даст гарантию, что его не постигнет та же участь. Такая гарантия, посчитали добровольцы, мало что стоит: скорее всего русский хлеб пойдет грузинам взамен их собственного, который скупают и вывезут немцы.

По всем этим вопросам компромисс так или иначе мог быть найден. Но «камень преткновения» никак не удавалось убрать с пути, который вел к договоренности о товарообмене.

Алексеев заявил решительно: командование не может согласиться с «расчленением чисто русской Черноморской губернии». Требуя вернуть Сочинский округ, добровольческая делегация исходила из очевидного: из его 50 селений 36 русских, 13 – со смешанным населением и только 1 – грузинское, доля грузин едва превышает 10 %, весь округ «миллионами русских народных денег обращен был из дикого пустыря в цветущую, культурную здравницу».

Спор разгорелся горячий, острый – он занял большую часть двухдневных переговоров.

Гегечкори загадя приготовил свои подсчеты: 22 % – доля грузин в населении округа. И им, заявил он, угрожает насилие со стороны большевиков из России. Главный же его аргумент состоял в ином: «На каком основании Добровольческая армия выступает защитником этого населения?.. Вы представляете не Российское государство, каковое только и мог-

ло бы претендовать на это... Ведь Добровольческая армия – организация частная».

Раз Грузия считает себя независимой республикой, возразили генералы социалисту, то пусть она «не вмешивается в чужие, русские дела» и предоставит русским судить, Добровольческая армия – «частная» организация или государственная. А заодно «пусть предоставит и Абхазии иметь суждение о своей судьбе».

Подняв вопрос об Абхазии, насильственно присоединенной грузинами к своей «демократической республике», но не предъявив в отношении нее никаких требований, добровольцы по сути предложили компромисс: признание включения Абхазии в состав Грузии в обмен на возвращение Сочинского округа. Но Гегечкори упорно повторял: «Мы настаиваем на временном оставлении Сочинского округа в пределах Грузинской республики».

Эта неуступчивость оказалась «непонятной» для генералов, не укладывалась в их головы: ведь поражение их армии приведет большевиков к границам Грузии. Алексеев пытался образумить грузинскую делегацию: если Добровольческая армия не выйдет победительницей из борьбы с «Совдепией», то «рано или поздно Грузия будет большевиками раздавлена», а потому-де она должна быть заинтересована в союзнических отношениях с армией, должна оказать ей помощь снабжением.

Не помог и это аргумент.

Естественно, возникло подозрение, не стоят ли за этой неуступчивостью немцы. Гегечкори задали вопрос, сформулированный весьма прозрачно: «Не связаны ли вы в вашем решении кем-либо?» Тот не без гордости отвечивал: «Мы связаны только своим собственным решением».

Переговоры зашли в тупик. Нетерпимость грузин ввергла Алексеева в самые мрачные предчувствия относительно будущих отношений между армией и грузинским правительством, возможных следующих переговоров, участником которых ему уже не быть... Закрывая заседание, он с горечью обронил: «Должно же быть чувство справедливости, чувство меры...»

* * *

Генералы объяснили себе неожиданную враждебность грузинского правительства по-военному рационально: оно, конечно, «действует по указке немцев», как бы Гегечкори ни отрицал это, а Сочинский округ нужен Грузии как буферная зона, отделяющая Сухумский округ, населенный абхазами, от территории, занимаемой армией. Для них было очевидно: «свободолюбивый и воинственный абхазский народ, не желающий подчиниться Грузии», едва Сочинский округ войдет в состав русской Черноморской губернии, неминуемо воспользуется таким соседством и поднимется на борьбу; тогда Грузия потеряет Абхазию, а с ней и порты в Черном море.

После отъезда грузинской делегации Деникин, посоветовавшись с Романовским, решил занять выжидательную позицию, ибо немедленная опе-

рация по занятию Сочинского округа грозила столкновением с немцами и непосильной войной на два фронта. А близкая победа союзников над немцами и турками обещала благоприятное разрешение «грузинского вопроса».

Он ограничился тем, что приказал Приморскому отряду занять Лазаревское и закрыть сухопутную границу с Грузией для перевозки товаров, что и было тут же исполнено³, по сути ввел экономическую блокаду Грузии и всего Закавказья.

* * *

Только два месяца спустя вскрылась главная причина неуступчивости Гегечкори: о ней во всеуслышание поведал Быч.

Из его выступлений на заседании Краевой рады Деникин, как и весь добровольческий штаб, узнали: за их спиной глава кубанского правительства и Гегечкори вели переговоры «по поводу товарообмена». И видимо, посланец Тифлиса, послушав Быча, заключил, что положение Добровольческой армии на Кубани непрочно и договариваться по всем вопросам скоро придется не с Алексеевым и Деникиным, а с Бычом. И в порыве союзнической признательности обещал Бычу, что Сочинский округ будет передан не Добровольческой армии, а Кубани⁴.

Не все сказал Быч с трибуны Рады. Но то самое сокровенное, что было у него на уме, уже срывалось с языков наиболее горячих и говорливых «черноморских» политиков и журналистов. А именно: если «Совнаркомия» утвердится в «русских» губерниях надолго, то «незалежная» Кубань сумеет экономически «благоустроиться» только при беспрепятственном вывозе сельскохозяйственного сырья и продовольствия, при ввозе топлива и промтоваров. Но чтобы получить выход на мировой рынок – «дуже треба» заполучить порт Новороссийск и общую границу с Грузией⁵.

Потому-то Быч и не поддержал требование добровольческих генералов вернуть Сочинский округ: он лелеял надежду, что скоро удастся «союзнически» разделить Черноморскую губернию между Кубанью и Грузией. И Гегечкори прекрасно его понял. Дело оставалось за малым: удалить Добровольческую армию с Черноморского побережья Кавказа подальше куда-нибудь, к Ставрополю.

* * *

После победы Антанты в мировой войне Деникин и его штаб ожидали высадки англичан в Новороссийске, но те спешили оккупировать Закавказье – территорию для Добровольческой армии в стратегическом отношении второстепенную. 4 (17) ноября они заняли Баку, 10 (23) декабря – Батум. Командующий британскими войсками в Закавказье генерал Дж. Форестьер-Уокер разместил свой штаб в Тифлисе.

Оккупационные власти поддержали претензии закавказских «новообразований» на отделение от России, установили полный контроль над бакинскими нефтепромыслами и судоходством по Каспийскому морю. Штаб заключил: за поддержкой Грузии, Азербайджана и Армении кроется намерение англичан как можно дольше сохранять под своим контролем районы добычи и вывоза нефти.

Деникин посылал Форестьер-Уокеру протесты против расхищения грузинскими властями российского имущества и притеснений русского населения в Сочинском округе, однако тот хранил молчание. В начале декабря, не поставив в известность Деникина, британский генерал потребовал от грузинского правительства вывести войска из Сочинского округа. Провозгласив округ нейтральным, он явно хотел превратить его в подконтрольную Великобритании буферную зону между «добровольческой» Россией и независимой Грузией.

9 декабря совершенно неожиданно для штаба Добровольческой армии грузинские части начали эвакуацию из Сочинского округа. Деникин тут же приказал генералу А.П. Колосовскому, начальнику Приморского отряда, не вступая в бой с грузинами, продвигаться вперед и занять округ. 16 декабря грузинские части закрепились на речке Лоо, которая стала новой «границей».

9 января через британскую миссию штаб главнокомандующего Вооруженными силами на юге России (ВСЮР) получил извещение от Форестьер-Уокера: ему поручено британским правительством «поддерживать грузин», а потому дальнейшее продвижение добровольческих частей в Сочинском округе «не должно иметь место».

Но когда в округе началось восстание армянского населения против грузинских властей, те ответили разгромом армянских сел. И Деникин под предлогом защиты армян приказал Колосовскому занять Сочинский округ. 24 января Приморский отряд вступил в Сочи, а затем за четыре дня очистил от грузинских войск территорию всего округа и остановился на речке Бзыбь.

Британский полковник Уайт, срочно присланный Форестьер-Уокером из Тифлиса в Сочи, потребовал немедленно вывести части из города. Ответ последовал ясный и категоричный: «Сочинский округ очищен не будет».

Генерал Ф. Пул, начальник британской военной миссии на юге России, был вызван генералом Дж. Милном, главнокомандующим британской армией на Балканах, в Константинополь для «получения указаний». В Екатеринодар он больше не вернулся. Деникин истолковал причину его отъезда просто: не сумел-де предотвратить занятия добровольцами Сочи.

В конце января на смену Пулу на юг России прибыл генерал Ч. Бригз. Когда Деникин вернулся в Екатеринодар, Бригз передал ему изрядно запоздавшее письмо Милна, написанное в день взятия добровольцами Сочи: «Я получил указание Военного министерства предложить вам немедленно

прекратить операции против Сочи». Впервые требование британского правительства носило ультимативный характер: «если генерал Деникин не согласится ожидать» решения Парижской мирной конференции о границах Грузии, оно «может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

* * *

Англичане между тем закреплялись на Кавказе.

В феврале они захватили стоящие в Баку суда Каспийской флотилии, передали правительству Азербайджана русские заводы и железные дороги. Деникин направил в Лондон протест против раздачи российского казенного имущества «мелким случайным правительствам», что «равносильно расчленению России».

В ответ в британскую военную миссию пришла телеграмма из Военного министерства. Бригзу приказывалось «разъяснить» Деникину, что ему следует, во-первых, принять как должное временное присутствие британских войск в Закавказье и отдать в их руки Каспийское море, поскольку они «обеспечивают его от нападения с тыла». Во-вторых, не осложнять отношений с «грузинами и другими кавказцами», для сохранения нейтралитета которых британские представители «приложат все усилия». В-третьих, сосредоточить все усилия на том, чтобы «нанести совместно с адмиралом Колчаком решительный удар большевизму».

Эти требования вторично были подкреплены угрозой, в случае их невыполнения, прекратить военные поставки.

Деникин считал, что англичане поддерживают грузин, а правительство Жордания, со своей стороны, неустанно предъявляло английским военачальникам претензии по поводу недооценки ими опасности, которую представляет для Закавказья армия Деникина, обвиняло их в потворстве «русской реакции». И англичане оказались между двух огней. Причем грузинские социалисты критиковали их гораздо резче, чем русские генералы.

В конце марта разведка ВСЮР установила: грузинские войска завершили подготовку к наступлению. 3 апреля Деникин получил телеграмму Милна с предупреждением: грузины намерены атаковать, хотя и поставлены в известность, что эти действия будут рассматриваться как враждебные Великобритании. А Бригз посоветовал не вступать в бой с грузинами и «отвести войска к северу как можно дальше».

4 апреля, беспрепятственно перейдя линию английских постов и реку Бзыбь, поддержанные «зелеными» – крестьянами-повстанцами, действующими в белом тылу, грузинские части атаковали передовой полк, вынудили его к отходу и взяли Адлер. Три дня спустя подтянутые из Сочи резервы нанесли контрудар, рассеяли «зеленых», отбили Адлер, но грузины сумели

закрепиться на реке Мехадырь, сохранив за собой часть Сочинского округа.

Деникин приказал перейти в наступление и выбить грузинские части из Сочинского округа, а заодно из Сухумского. Но Милн, поспешно прибывший 9 апреля в Екатеринодар, заверил его, что грузины по его требованию отойдут за Бзыбь, и убедил отложить наступление. Бригза он отправил в Батум и Тифлис – урегулировать отношения между ВСЮР и Грузией.

Бригз встретился с Жордания, дважды вел переговоры с представителями его правительства. Он предупреждал их: нельзя игнорировать интересы России на Кавказе, ибо «англичане уйдут, а Россия останется навсегда». Однако те, проявив крайнюю неуступчивость, отказались отводить войска за Бзыбь: столь незыблема была вера в то, что границы Грузии будут установлены Парижской мирной конференцией⁶. Бригз, по его собственным словам, «напрасно потеряв время», 12 мая вернулся в Екатеринодар.

В итоге возможность получения оружия и боеприпасов со складов бывшего Кавказского фронта была для ВСЮР потеряна, а «граница» между «добровольческой» Россией и независимой Грузией превратилась в законсервированную линию фронта. Так Грузия стала одной из сил, поспособствовавших большевикам в разгроме Белого движения на юге России, за что и расплатилась в 1921 г. своей мнимой независимостью.

Примечания

¹ *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Париж, 1924. С. 191, 196–197.

² *Калинин И.* Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 5–7, 10.

³ *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 112–116; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 241–244.

⁴ Кубанская чрезвычайная краевая рада созыва 28-го октября 1918 года: Стенографический отчет пленарных заседаний. Вып. I. Екатеринодар, 1918. С. 159; Вып. III. Екатеринодар, 1918. С. 373.

⁵ *Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. Т. 2. Париж, 1963. С. 82; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 54–55; *Кин Д.* Деникинщина. Л., 1927. С. 230, 236.

⁶ *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917–1921. Notre Dame (Ind.), 1966. P. 158–163.

ТАЙНА РАССТРЕЛА ДУМЕНКО: ПРИЗНАНИЯ БЕЖАВШЕГО ИЗ МОГИЛЫ

Эта история случилась в самом начале 20-х гг. и выглядит невероятной даже в ряду многих неординарных событий русской революции. По-мнению, держал в руках «дело № 80081» – и все равно не верил, что оно найдено... Но обо всем по порядку.

23 февраля 1920 г. в донской станице Багаевской был арестован командир Конно-сводного корпуса Борис Макеевич Думенко. Вместе с ним арестовали и ответственных работников его штаба.

Думенко к тому времени, благодаря хвалебным статьям в печати, стал личностью, известной всей Советской республике, а на родном Дону – легендарной. Иногородний крестьянин хутора Казачий Хомутец, фронтовик, вахмистр, в начале 1918 г. он создал первый конный краснопартизанский отряд на Дону, начал борьбу с отрядами белой Донской армии, затем – первый кавалерийский полк, первую кавалерийскую дивизию регулярной Красной армии на Южном фронте. Отличился в кровавых боях за Царицын и Великокняжескую. Сформировал два конных корпуса. Один из них впоследствии был развернут в 1-ю конную армию, другой – во 2-ю конную. У него в подчинении перебували многие знаменитые кавалерийские командиры, включая С.М. Буденного.

Арестовали Думенко по обвинению в убийстве политкомиссара корпуса В.Н. Микеладзе, заодно приписав грабежи, насилия и антисемитизм. История эта многим казалась тогда «темной». Сегодня мы знаем: причины расправы крылись совсем в ином.

В конце 1919 – начале 1920 гг. армии Кавказского фронта освободили Дон от войск генерала А.И. Деникина. Главную роль в разгроме белых сыграла конница: Конно-сводный корпус Думенко взял Новочеркасск, 1-я конная армия Буденного – Ростов-на-Дону. Но среди победителей – донских крестьян и казаков, из которых в основном состояли части красной конницы, уже быстро зрело недовольство кровавыми итогами «расказачивания» и беспощадной продразверсткой, грозящей разорением и голодом. И тогда главный лозунг революции «Грабь награбленное!» загремел над «освобожденной» землей. Красные конники, прежде всего из 1-й конной, настолько активно принялись за дело, что уже сразу же после взятия Ростова в городе стали создаваться рабочие отряды самообороны от «освободителей», а к Ленину и во ВЦИК полетели телеграммы с просьбой защитить население от грабителей.

Большевистская власть избрала, со своей точки зрения, наиболее «целесообразный» путь «решения вопроса». Прежде всего надо отвести части от «лакомых мест» – богатых городов, а затем беспощадными репрессивными мерами навести порядок.

Штаб Конно-сводного корпуса 9-й армии
(январь 1920 г., Новочеркасск). Сидят (слева направо):
военком корпуса В.Н. Микеладзе, комкор Б.М. Думенко,
начальник штаба М.Н. Абрамов.
Стоят (слева направо): комендант штаба Д.Г. Носов,
начальник оперативного отдела И.Ф. Блехерт

Но какими именно?

Был изобретен поистине иезуитский ход: арестовать наиболее популярного на Дону командира-конника и организовать показательный революционный суд с карательным исходом. Насколько эта цель была не прикрыта, можно узнать из стенограммы суда, которая сохранилась в судебном деле № 326» по обвинению Думенко и его боевых товарищей. Наиболее активную роль на суде сыграл член РВС 9-й армии А.Г. Белобородов, уже «прославившийся» тем, что в июле 1918 г., будучи председателем Уральского областного совета, подписал решение совета о расстреле императора Николая II и его семьи. Теперь же он, выступая в роли обвинителя, решительно добивался – и добился – смертного приговора Думенко и работникам его штаба. 6 мая 1920 г. в Ростове выездная сессия Реввоентрибунала Республики приговорила их к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 11 мая после отклонения ВЦИКом ходатайства о помиловании.

Из дела известны ход следствия, так и не установившего подлинного убийцу, и заседаний трибунала, вынесшего приговор, предрешированный Троц-

С.А. Кравченко

сты, снимавшие документальную трилогию о трагедии донского казачества в 1917–1920 гг., ни многочисленные ветераны-думенковцы – никто достоверно не знал, где и как были расстреляны Думенко и его боевые товарищи. Их было четверо: 26-летний начальник штаба Михаил Николаевич Абрамов, бывший штабс-капитан, 26-летний начальник оперативного отдела Иван Францевич Блехерт, бывший штабс-ротмистр, 23-летний начальник корпусной разведки Марк Григорьевич Колпаков и 29-летний начальник снабжения 2-й бригады Сергей Антонович Кравченко. И не надеялись когда-нибудь узнать: уж очень глубоко были спрятаны следы той расправы. Разные ходили слухи, разные места называли: и двор ростовской тюрьмы «Богатынки», где содержались арестованные, и печально знаменитую Балабановскую рошу, и городское кладбище, и даже Москву...

В конце 50-х гг., после XX съезда КПСС, некоторые ветераны-конники стали посылать письма «наверх» – К.Е. Ворошилову, тогдашнему председателю Верховного Совета СССР, и Н.С. Хрущеву, Первому секретарю ЦК КПСС, с требованием восстановить справедливость в отношении Думенко. Их многолетние усилия привели к тому, что Военная прокуратура провела тщательную проверку «дела № 326» и в августе 1964 г., незадолго до смеще-

ким. Военно-политическую обстановку, атмосферу зависти, недоверия и клеветы, сгустившуюся вокруг опального комкора, достоверно рисуют многочисленные документы Российского государственного военного архива (бывшего ЦГАСА). Даже чудом сохранились и находятся теперь в Ростовском краеведческом музее письма Думенко жене Анастасии из тюрьмы... Жизнь Бориса Думенко, по сути создателя советской кавалерии, талантливо описана в неоднократно переизданной дилогии донского писателя Владимира Карпенко – «Комкор Думенко».

Но ни писатель, ни историки Гражданской войны, ни мы, кинематографы-

ния Хрущева, Военная коллегия Верховного суда отменила приговор 1920 г., реабилитировала Думенко и всех приговоренных «за отсутствием состава преступления». Вроде бы справедливость восторжествовала. Но даже в 80-х гг. над всей этой историей витал невидимый запрет. Яркое свидетельство тому – многолетняя затяжка издания дилогии «Комкор Думенко». Почему?

Дело в том, что реабилитация Думенко раскрыла неблагоприятную роль в его судьбе двух главных «первоконников» – Буденного и Ворошилова. К тому же надо было пересматривать историю Гражданской войны, восстанавливать истину, «возвращать» Думенко одержанные им победы, в 30-е и последующие годы приписанные Буденному.

Так или иначе тема была «открыта», за нее активно взялись историки и краеведы, но ни они, ни еще раньше следователи Военной прокуратуры не установили, когда и как были расстреляны Думенко, Абрамов, Блехерт, Колпаков и Кравченко. Документы хранили на этот счет молчание. Место расстрела оставалось тайной...

Годы спустя какими-то уже неведомыми путями к писателю Владимиру Кар-

М.Н. Абрамов – поручик 404-го пехотного Камышинского полка
(лето 1916 г., Юго-Западный фронт)

Корнет И.Ф. Блехерт со своим денщиком
(лето 1917 г.)

лом, по требованию ВЦИКа отправлены в Москву).

Тучин кратко ответил: “Расстреляли здесь. В Кизитеринской балке”. Не верить Тучину оснований у меня не было.

Позже, в апреле 1923 г., когда я производил ревизию Новочеркасской тюрьмы, совершенно неожиданно нач. тюрьмы Александров устроил мне свидание с Сергеем Кравченко, который, как известно, был расстрелян вместе с Думенко и другими и... остался жив. Вот этот-то С. Кравченко, привезенный ко мне на квартиру Александровым и его замом Харченко, самым подробным образом рассказал мне и о том, как они сидели в ростовской тюрьме, о чем говорили в камере смертников, и в какой последовательности вывозил их Тучин на расстрел (первыми Думенко и Блехерт, затем Абрамов и Колпаков и последним С. Кравченко), и указал точное место, где были вырыты могилы, у которых все они и были расстреляны (С. Крав-

ченко попал любопытное письмо, написанное в сентябре 1962 г. Проживавший в Новочеркасске Д. Карагодин, участник Гражданской войны, взявшийся за изучение боевого пути Думенко еще до его реабилитации, сообщал своему московскому другу П.П. Боброву:

«В своем письме от 11/X Вы написали: “Расстреляли Думенко, со слов М.М. Зотова, во дворе тюрьмы”.

Это неверно. Еще в мае 1920 г., при проезде на врангелевский фронт через Ростов, я виделся с комендантом Реввоентрибунала Кавфронта Василием Тучиным (производившем с командой расстрел). Я его спросил: “Где же расстреляли Бориса, в Ростове или в Москве?” (Ходила официальная версия, что все осужденные к смерти вместе с делом,

ченко попал в могилу, где уже лежали Думенко и Блехерт). Место это находилось в глиняном карьере кирпичного з-да № 3, в Кизитеринской балке.

Если когда-либо будете ехать поездом из Новочеркасска в Ростов, то на перегоне Кизитеринка – Сельмаш, когда на траверзе поезда появится слева Кизитеринская балка, а в ней кирпичный з-д, то мысленно возьмите азимут от дымовой трубы з-да в северо-северо-западном направлении. Здесь, в ста метрах от заводской трубы, и будет точка последнего расставания Б.М. Думенко с жизнью.

И еще один довод.

Если бы расстрел Думенко и его соратников происходил во дворе ростовской тюрьмы, то этот факт уже исключал бы возможность побега из могилы С. Кравченко».

Все, казалось бы, указывает на достоверность этих сведений: и обстоятельства их получения, и точность деталей. Владимир Карпенко доверился им и внес соответствующие уточнения в текст романа «Красный генерал», вторую книгу дилогии, переизданную издательством «Советская Россия» в 1991 г.

Но сохранилось другое письмо, и копия его в те же годы попала мне в руки. Написал его бывший боец 1-й конной армии Максим Васильевич Дятлук и послал Ворошилову. Среди фактов, впервые для того времени раскрывающих роль Думенко в создании красной кавалерии, он сообщил:

«11 мая с наступлением темноты Думенко Б.М. с другими осужденными к высшей мере наказания были расстреляны на северной стороне Братского кладбища города Ростова-на-Дону. Трупы их были брошены в глубокую могилу. Кравченко был ранен в шею и руку и потерял сознание. В могиле он очнулся; сложив трупы товарищей друг на друга, он вылез из могилы и бежал.»

М.Г. Колпаков

Анастасия Александровна Думенко
(июнь 1919 г.)

Собственные мои поиски сведений о Кравченко ни к чему не привели. Правда, были не очень убедительные свидетельства, что вроде бы он в 30-е гг. работал на «Ростсельмаше», что где-то должны быть его родственники.

В 90-е гг., получив доступ к архиву ФСБ по Ростовской области, я решил сделать попытку найти его следы. Ключ к поискам дало то же письмо Дятлука: «Постановлением распорядительного заседания военной коллегии Верховного суда Республики от 19 сентября 1923 г. высшая мера наказания

Кравченко заменена десятью годами лишения свободы». Значит, если довериться Дятлуку, Кравченко через три года после расстрела судили, а значит, должно существовать следственное дело. Точность же формулировки, приводимой в письме и будто бы списанной с приговора, вызывала доверие.

Обратился к работникам архива с просьбой о розыске дела, зная только фамилию Кравченко, инициалы и приблизительно год рождения. Поиск был, ввиду распространенности этой фамилии, долог и труден, но в конце концов увенчался успехом. Я и теперь изумляюсь удаче, потому что Кравченко, и этого можно было ожидать, поменял не только фамилию (на Кравцов), но и отчество (на Иванович). К тому же большая часть показаний оказалась посвящена другим событиям.

В марте 1923 г. Дагестанским ГПУ был арестован некто Кравцов Сергей Иванович по обвинению в участии в бандах на Северном Кавказе. На первых допросах выяснялось его участие в действиях банд, но когда вопросы стали касаться его более отдаленного прошлого, открылись фантастические вещи.

11 апреля 1923 г. на допросе он показал (сохраняю стиль и пунктуацию протокола):

«24 февраля 1920 года я был арестован по делу командира корпуса Думенко, как соучастник заговора штаба Думенко.

Верховным трибуналом Республики нас пять человек, то есть меня, Думенко, Блейхерта, Абрамова и Колпакова были приговорены к расстре-

лу. Арестованными сидели в г. Ростове, в ночь на 13 мая 1920 года меня с Блейхертом на автомобиле повезли на кладбище расстреливать. Прежде всего расстреляли Думенко. Потом расстреляли и меня, за мной Блейхерта. Стреляли меня в затылок, получив три пули, я свалился в яму».

В этом рассказе есть некоторые несуразности, например, слова о том, как после Кравченко расстреливали Блейхерта. Откуда он мог это знать, если в него уже всадили три пули и он должен был потерять сознание?

Протокол крайне скуп на подробности. И все-таки многое стало известно: и как их везли, и как их расстреливали, и место расстрела. Кроме того, появилась новая дата гибели – 13 мая, которая прежде нигде не фигурировала. Во всех научных публикациях и в диалогии Владимира Карпенко дата определена по материалам дела и по последней записке Думенко, написанной жене из тюрьмы, где он сообщил, что «сегодня 11 мая 1920 года нас расстреляют». Может быть, дата, названная Кравченко, более достоверна?

Обратимся теперь к судьбе «беглеца из могилы». Вот подлинный рассказ самого Кравченко, как он записан в протоколе допроса.

«После того, как нас зарыли, оказавшись раздетым, я как-то опомнился, стал кричать, чтоб меня добили, но исполнители разбежались. Оставшись до половины зарытым землей, после того как на мои просьбы не получил ответа, то из могилы стал вылезать в одной рубашке и брюках, пошел в балку, где в сарае пролежал до 4-х часов следующего дня. Набравшись новыми силами, я пошел в городской распределительный пункт. Будучи весь в крови, я заявил, что якобы ранен грабителями на станции-вокзале. При записи я указал, что являюсь красноармейцем 1-го кавалерийского полка Кравцов Сергей Иванович. Из распределителя я был направлен в госпиталь. С этого момента я стал носить фамилию Кравцов».

Этот рассказ ярко передает атмосферу тех лет, когда случалось всякое, и когда изменить фамилию и скрыться было не очень сложно.

Однако в этих показаниях Кравченко есть моменты, которые требуют выяснения. Он говорит, что просил его добить, а исполнители разбежались. Но такого просто не могло быть. Расстрел был приведением в исполнение приговора реввоен трибунала, был составлен обязательный акт о приведении приговора в исполнение, и если бы комендантская команда услышала голос, без всякого сомнения, они добились бы приговоренного.

Скорее всего произошло следующее. Расстрел осуществлялся в темноте. Убедившись, что все приговоренные бездыханны, их засыпали землей и уехали. А далее, как это часто бывало в те годы, появились мародеры, но услышав голос очнувшегося Кравченко, испугались и убежали.

Казалось бы, теперь, восстав из могилы и став другим человеком, Кравченко сумеет жить более или менее спокойно. Тем более что судьба забросила его подальше от места расстрела, в Кизляр, на тихую должность в местном военкомате – сначала письмоводителем, затем делопроизводителем и заведующим пересыльным пунктом. Здесь бы ему и дожить до

конца Гражданской войны, а дальше затаиться где-нибудь в глуши. Да и кому он теперь нужен – опаленный мотылек революции?..

Но недаром говорится, что если судьба кого метит, то навсегда.

Через год и два месяца после описанных событий в Кизляре, где тогда работал Кравченко, оказался его знакомый, которому было известно, что тот был расстрелян. Этот человек сообщил чекистам, и Кравченко ничего не осталось, как бежать в банду. Два года его носило по Кавказу и калмыцким степям. Несколько раз он пытался сдатьсь красным, вроде бы даже приходил с повинной, но как-то не складывалось.

В конце концов его поймали, он оказался в руках ОГПУ, его прошлое раскрылось. Что с ним делать, если по всем документам его уже нет на свете?

Сначала судьбу Кравченко попытались решить просто.

«Почтотелеграмма

...Принимая во внимание заинтересованность местной прокуратуры по делу Кравцова-Кравченко, прошу разрешить переслать такого местного судвластям обещанием расстрелять, что и будет иметь громадное моральное значение в борьбе с бандитским миром на месте и санкционировать расстрел нам.

8 мая 1923 года.

Начальник отдела ГПУ»

Но потом, видимо, решили не связываться с этим делом и передали Кравченко по месту жительства (а родом он был из слободы Мартыновка) в Северо-Кавказский военный округ. Теперь он добавил головной боли тем, кто избавился от него два года назад.

«Совершенно секретно

Военному прокурору СКВО (лично)

КРО ПП ГПУ на Юго-Востоке России сообщает, что в ПП ГПУ содержится под стражей некто Кравченко-Кравцов Сергей Антипович (Иванович), опросом которого установлено, что в 1920-м году Кравченко состоял начснабом одной из бригад Думенко Бориса Мокеевича. В том же году Кравченко вместе с другими был приговорен Верхтрибом к расстрелу. При приведении приговора в исполнение Кравченко, будучи только раненым, бежал, спасшись от расстрела...

Сообщая вышеизложенное, прошу запросить высшие инстанции, как поступить с Кравченко-Кравцовым. Со своей стороны добавляем, что Кравченко-Кравцов мог бы быть использован по линии б/б (Борьбы с бандитизмом. – Ю.К.)».

Идея использовать в своих целях Кравченко привела одного из уполномоченных отдела ГПУ по Юго-Востоку России, некоего Ананьина, к вынесению 17 июня 1923 г. неожиданного постановления: «Дело производством прекратить и сдать в архив по совершении причины преступления». За корявостью формулировки скрывается, казалось бы, признание того факта, что Кравченко уже был расстрелян и можно больше к этому не

возвращаться. Но действительный смысл такого решения был совсем в другом, о чем и сказано в постановлении дальше:

«Кравченко-Кравцова из-под стражи освободить, обязав такового подпиской о том, что если таковой совершит какие-либо преступления против Соввласти, то будут в силе все ранее совершенные преступления, а также Кравченко-Кравцова согласно личного желания использовать в деле борьбы с бандитизмом».

С точки зрения ОГПУ, идея держать человека на поводке довольно перспективная и проверенная. Но, видно, кто-то подсказал товарищу Ананьину, что он слишком много на себя берет, и уже через месяц в докладной записке на имя полномочного представителя ПП ОГПУ по Юго-Востоку товарища Евдокимова Ананьин писал прямо противоположное:

«На основании постановления ВЦИК от 14/3-23 г. Кравченко-Кравцов Сергей Иванович за пребывание в бандах подлежит полному помилованию, но ни в коем случае таковой не может быть помилован как Кравченко Сергей Антипович (Следователь окончательно запутался в отчествах Кравченко. – Ю.К.) за совершенные преступления по делу командира краснопартизанского отряда Думенко в контрреволюционном заговоре, ибо таковой числится до настоящего времени как расстрелянный по приговору Верхтриба, а также не может быть помилован за преступления, совершенные после добрести, и мои личные мнения в деле борьбы с бандитизмом такового использовать ни в коме случае не возможно... и таковой должен быть расстрелян также как проходящий по делу Думенко.

Уполномоченный ПП КРО Ананьин

Июля 19 дня 1923 года

г. Ростов/Дон»

Воистину по известному выражению «казнить нельзя помиловать»! Только Советской властью запятая намертво впечатана после первого слова.

Товарища Евдокимова полученная записка явно не обрадовала, и он решил посоветоваться. Ну, а где в советское время давали наиболее полезные советы, больше похожие на указания, обязательные к исполнению? В партийных инстанциях. Евдокимов сразу же обратился туда и уже через два дня получил нужные инструкции.

«Российская коммунистическая партия большевиков.

Секретарь Юго-Восточного Бюро ЦК.

Уважаемый товарищ Евдокимов!

Действительно, казус. Такого никто не мог предвидеть. Полагаю, что вы правы.

1) Использовать по возможности до решения Центра, который надо запросить о дальнейшей судьбе Кравченко.

2) Приговор не приводить в исполнение до разрешения вопроса Центром. С приветом!

П.С. Если считаете возможным решить вопрос на месте в Ростове, договорившись с Бюро и прокуратурой, то выносите этот вопрос на обсуждение членов Бюро».

Н. ГОЦИНСКИЙ И ПОВСТАНЧЕСКАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНЕ И ЧЕЧНЕ (1922–1925 гг.)

Евдокимову вроде бы предлагалась альтернатива, но он все же правильно понял вышестоящего партийного товарища. Поэтому решил не искушать судьбу и дело Кравченко от греха подальше отправил в Москву.

И вот, наконец, в трагической «одиссее» чудом «бежавшего из могилы» человека была поставлена точка.

«Выписка из протокола Распорядительного заседания Военной коллегии Верховного Суда Республики от 19 сентября 1923 года.

Слушали:

Преступные деяния, совершенные осужденным выездной сессией КРВ 5–6 мая 1920 г. по делу Думенко и других Кравченко Сергеем Ивановичем, квалифицировать по ст. 64 УК, карательный статус санкции по первому пункту ст. 105 УК.

Постановили:

Дело № 326 РВТР 1920 г. по обвинению командира конного корпуса Думенко и других. Заключение военной прокуратуры по делу приговоренного к расстрелу Кравченко С.А.

Применяя к осужденному Кравченко амнистию в честь 5-й годовщины Октябрьской революции на основании ст. 9 указанной амнистии заменить ему, Кравченко, расстрел 10 годами лишения свободы.»

Так уже один раз расстрелянного человека оставили в живых. Прожил он еще не один десяток лет, чтобы трагически погибнуть в родной Сальской степи от финки чабана в пьяном угаре празднования 40-летия Октябрьской революции¹.

Вот история человека, судьба которого трагически связалась с судьбой комкора Бориса Думенко, – история, позволившая нам через многие десятилетия узнать о последних минутах жизни Думенко и о расстрелянных с ним ближайших сотрудниках его штаба, достоверно выяснить место их гибели. Ведь тот расстрел осуществлялся ночью, скрытно, в страхе перед тем, что кто-то из первых красных партизан-думенковцев, боевых соратников комкора попытается освободить Думенко. А заодно и сделали все, чтобы место захоронения навсегда осталось тайной: распространили официальную версию, что все осужденные к смерти были отправлены в Москву для рассмотрения ВЦИКом вопроса о помиловании, всем имевшим отношение к расстрелу было приказано указывать на Кизитеринскую балку. Судя по письму Карагодина, и самому Кравченко в ГПУ строго-настрого было велено указывать не на ростовское кладбище, а на Кизитеринскую балку как место расстрела.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Пчелинцев А.С.* Трижды рожденный С.А. Кравченко // *Пчелинцев А.С.* Память сердца: Записки друга писателя В.В. Карпенко. Южный (Ростовская обл.), 2007. С. 83–127.

В истории Дагестана жизнь и деятельность Нажмуддина Гоцинского последние 80 лет описывали только негативно. Он до сих пор считается «главным врагом Советской власти и трудящихся», «лжеимамом», «главарем банд», «барановодом», «злодеем, погубившим массу народа» и т.п.

Дата его рождения официально не установлена, в разных исторических источниках указываются 1859, 1862 и 1865 гг.

Его отец, Доного Мухаммад, известный алим, влиятельный в Дагестане человек, был наибом имама Шамиля, затем состоял на службе в царской администрации на Кавказе. От отца Нажмуддин получил в наследство большое состояние, в том числе недвижимость.

Окончив медресе и получив высшее духовное образование, в 1880 г. юный Гоцинский был принят на службу всадником-нукером в конвой военного губернатора Дагестанской области князя Н.З. Чавчавадзе. Впоследствии он стал наибом-начальником Койсубулинского участка, в который входили 14 селений Аварского округа, с 1891 г. состоял депутатом Дагестанского народного суда.

В 1906 г. Гоцинский, как землевладелец Темирханшуринского округа, был кандидатом в депутаты на выборах в 1-ю Государственную думу. Однако в Дагестане количество избирателей, решивших не голосовать, было так велико, что областное избирательное бюро отказалось от проведения выборов, и в Дагестане выборы в Думу не состоялись.

Победу Февральской революции и предоставление народам России демократических свобод представители духовенства Дагестана и его лидеры решили использовать для образования на Северном Кавказе теократического государства (имамат).

9 марта 1917 г. в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) был созван Временный Дагестанский областной исполнительный комитет в поддержку Временного правительства. В него вошли представители различных социальных слоев и общественных течений, в том числе мусульманского духовенства, среди которых был и Гоцинский.

В мае 1917 г. на 1-м съезде горских народов Кавказа во Владикавказе, основной целью которого являлось провозглашение объединенной Горской независимой республики, Гоцинский был единогласно избран муфтием, председателем правления Горского духовного управления.

В августе того же года в селении Анди Андийского округа Дагестанской области состоялся 2-й съезд горских народов Кавказа, где Гоцинский был избран имамом Дагестана и Чечни. Однако провести заседание съезда с участием всех делегатов его организаторам не удалось. Хотя местные власти утвердили его только муфтием, большая часть духовенства Север-

ного Кавказа, принявшего участие в работе съезда, признало за ним имамство. На 10 января 1918 г. в Темир-Хан-Шуре было намечено проведение 3-го всеобщего съезда дагестанских представителей. В город Гоцинский вступил с многочисленным отрядом для демонстрации своей силы и вновь был объявлен имамом. По своей инициативе он созвал съезд духовных лиц, на котором его участники высказались за соблюдение дагестанцами требований шариата. По вопросу об имамстве мнения разделились. Власти, как и прежде, утвердили его муфтием, а не имамом, но в народе его по привычке продолжали называть имамом. Сам же Гоцинский названию своей должности особого значения не придавал. Он считал главным «стоять на службе шариату и народу»¹.

Гоцинский с уважением относился ко всем конфессиям в Дагестане, считал неправильным плохое отношение мусульман к русским войскам, к русскому населению Дагестана. Подчеркивая многонациональность Кавказа, он наставляет горцев: «Не причиняйте вреда и ущерба иноверцам, грузинам, русским и евреям. Уважайте соседство»². В послании к муллам и прихожанам Северокавказского муфтията Гоцинский строго предупреждал о необходимости соблюдать общественный порядок.

В марте 1919 г. было сформировано новое правительство Горской республики. В его состав, как и в предыдущий, Гоцинский вошел в должности главноуправляющего шариатскими делами. В апреле решением Союзного совета (парламента) Горской республики Гоцинский был включен в состав делегации для ведения переговоров с Добровольческой армией Деникина. Он не разделял враждебного отношения к занятию деникинскими войсками Чечни и Дагестана, принимал активное участие в борьбе против большевиков.

В 1920–1921 гг. Гоцинский руководил повстанческим движением народов Нагорного Дагестана против советской власти. Эта страница его жизни раскрыта исследователями крайне однобоко и требует более полного осмысления и описания, с использованием доступных сегодня архивных документов. Безусловно, отношение Гоцинского к советской власти, большевикам, их идеям и сторонникам было жестким, поскольку он считал их противоречащими основным канонам мусульманской религии, мусульманского права и другим человеческим ценностям.

После подавления повстанческого движения Красной армией и установления советской власти в Дагестане в мае 1921 г. Гоцинский был объявлен «врагом трудящихся», с этого времени он скрывался в Дагестане и Чечне.

Советское правительство объявило амнистию всем рядовым членам вооруженных отрядов, добровольно сложившим оружие. Многие явились с повинной, но Гоцинский и другие руководители и активные участники борьбы против Советов не прекратили. Уже к осени 1921 г. в 8 округах Дагестана из 10 они вновь активизировали свою деятельность. В связи с этим Юго-восточное бюро ЦК ВКП(б) в телеграмме, направленной в марте 1922 г. в

ЦК ВКП(б) указало: «Политическое положение Горреспублики и Дагестана чрезвычайно тревожное, серьезное. Необходимы чрезвычайные меры. Бандитизм растет, усиливается антисоветская агитация муллами и турецкими эмиссарами, особенно в Чечне. Возможно, что восстание передается в Дагестан»³.

30 января 1922 г. в Дагестане было образовано Республиканское военное совещание по борьбе с бандитизмом, в состав которого вошли представители ДК РКП(б), ДагЦИКа, ЧК и военного командования. В августе 1922 г. Дагестан был объявлен на военном положении.

Скрываясь на алмакских хуторах Хасавюртовского округа, Гоцинский пытался вновь организовать единомышленников, поднять их на дальнейшую борьбу. Аулы Андийского и Аварского округов в Дагестане представляли собой базу по снабжению Гоцинского, когда тот скрывался в Чечне. Они информировали его о деятельности органов советской власти, предупреждали обо всех мероприятиях по его розыску. Многие жители поддерживали связь с эмигрантами. Для восстановления прерванной связи с эмигрантскими центрами за границу был отправлен бывший офицер «дикой» дивизии Ахмед Хан Аварский, который в 1922 г. возбудил перед Советом Лиги Наций ходатайство о признании Гоцинского главой будущего независимого государства на Кавказе и оказании ему помощи в свержении советской власти. Идею поддержали, Гоцинскому была обещана помощь.

В том же году в Стамбуле была создана политическая организация «Анатолий Шеркет», законспирированная под коммерческое предприятие. «Фирма “Анатолий Шеркет” была организована Ханом Аварским на 1 млн рублей, которые дал я, – сообщал впоследствии на допросе Гоцинский. – Кроме того Франция ежемесячно выплачивала фирме по 9 тыс. рублей. Доходы с этой фирмы должны были идти на дело освобождения Кавказа»⁴.

В сентябре 1922 г. главная контора «Анатолий Шеркет» переместилась в Париж, в Лондоне было открыто ее отделение. В фирме состояли кавказские эмигранты, имеющие опыт антибольшевистской работы. Учредитель организации Ахмед Хан Аварский через посредников держал связь с Гоцинским, получая сведения о его деятельности, о положении дагестанской интеллигенции и бывших царских офицеров, кто какой пост занимает в Дагестане, насколько сохранились среди горцев традиции и т.д. Кроме того, из Турции нелегальным путем пробирались эмиссары (Али Хаджиев, Хаджи Загид, Магомед Халил и другие), которые доставляли нужные сведения. На Кавказ регулярно направлялись и представители партии «Иттихад ислам» («Единение ислама»), в частности С. Эфендиев, установивший связь с предводителями повстанцев: Джабагиевым в Ингушетии, Митаевым в Чечне и Гоцинским в Дагестане.

Гоцинский в свою очередь установил связь с вождями действующих групп в Чечне и Ингушетии А. Митаевым и А. Шамилевым, готовыми по первому сигналу выступить против советской власти, а также с К. Челокое-

вым – ставленником военного центра «Паритетного комитета меньшевиков», созданного в августе 1922 г. в Грузии. По первому же его сигналу, полагал Гоцинский, должно было восстать поголовно все население Шатовского и Веденского округов Чечни, Андийского и Хасавюртовского округов Дагестана, захватить крепости Шатой, Ведено и Ботлих. Затем восстание должно было распространиться на остальную территорию. По расчетам Гоцинского и Митаева, они могли выставить около 15 тыс. бойцов⁵.

Чекистам Дагестана удалось ликвидировать несколько крупных групп и отрядов. Так, в январе 1923 г. был разгромлен отряд Кахтаева в Хасавюртовском округе, а августе – группа Ибрагима Хаджи Кучринского в Гунибском округе. В конце ноября при содействии советских органов в с. Кахиб был проведен съезд мусульман Дагестана. В своем воззвании съезд призвал верующих к борьбе против Гоцинского и его «банд»⁶. Эти и другие действия чекистов затруднили деятельность повстанцев, и в декабре 1923 г. Гоцинский через подполковника царской армии Зайнуддина Доногуева, своего родственника, сообщил в Даготдел ОГПУ о своем желании прекратить сопротивление.

Однако в 20-х числах февраля 1924 г. в ставку Гоцинского прибыли два агента английской разведки под видом инженеров. Они заверили его в поддержке со стороны Англии и передали деньги для дальнейшей борьбы. Изменив решение явиться с повинной, Гоцинский написал советскому правительству.

«Вы должны покинуть все города Кавказа и Астрахань, т.е. те, которые признавали нашу власть и которые принадлежали с морями нашим предкам.

Вы должны оставить все, что на суше и море: военное имущество, пароходы, крепости, оружие, промыслы, доходы. Границей отхода определен Ростов.

Вы должны возместить с того дня, когда я был избран имамом Кавказа на собрании в местности, именуемой Анди, на собрании всех узденей, алимов, главарей, известных лиц Кавказа и других мусульман и христиан и наций, населяющих Кавказ. У нас определены крепкие условия, как и подобает имамствующему над своим народом, как это диктует шариат и адат.

Вы должны возместить убытки тем, кто пострадал от вашего захватничества. Вы должны удовлетворить владельцев земли, промышленности, фабрик и заводов, кавказцев, русских и других иностранцев, имевших владения на Кавказе. Удовлетворить с таким расчетом, чтобы выше упомянутые предприятия возвращались в таком виде, какой они имели до захвата их вами.

Вы должны освободить Туркестан... Также вы должны убрать руки от Крыма, от его городов, от Черного моря, чтобы не имели в Черном море вашу морскую силу. Черным морем могут пользоваться только две стороны – Крым и Туркестан. Если вы отдадите нам Крым и Туркестан, как вознаграждение за понесенные нам убытки со времени моего имамства на Кавказе, то мы предоставим самостоятельность и примем в состав правительства Кавказа.

С долгами должны расплачиваться путем продажи необъятной русской земли и морских богатств, в которых нужды не терпит правительство. Вы должны освободить христианскую религию, оставив ее в руках высшего духовенства: попов, архиереев и т.д. Вы должны вернуться в отношении религии к положению, существовавшему до захвата вами власти, не вмешиваться в дела религии, а так же возвратить все имущества, которые вы взяли у церкви, также монастырские земли, церковные ценности, которые вы сложили в ваши сундуки...»⁷

Через посредников Гоцинский пытался переслать «Ноту» советским руководителям. Он рассылал своим людям письма, в которых сообщал о готовящихся событиях, отдавал приказы, заранее намечал надежных людей на руководящие посты. В одном из них говорилось: «Старайтесь уничтожить большевистские дела с корнями. Это вы обязаны сделать, поскольку я вам приказываю... распространяйте ложные слухи по поводу большевиков, так как этим мы можем помочь нашему делу... Старайтесь тайно склонить народ в нашу сторону, чтобы и он был в союзе с нами. Не ведите никаких переговоров с теми, которые признали большевиков... Абдул Муслима Юсупова я назначаю наибо́м Гумбетовского участка. Халифом я назначаю Кундилея Сиухского. Поручаю организовать там шариатский суд, в который я назначаю Пахру Шамхалова, Магомед Керимова и Кемалуддина Сиухского»⁸. Копии этих писем распространялись по аулам. В некоторых из них созывались сходы, где обсуждались его предложения.

15 апреля 1924 г. на хуторе Нижелой Шагоевского округа Гоцинский созвал сбор численностью около 100 человек, где огласил послание Саид Бея Шамиля, проживавшего в Турции внука имама Шамиля. В нем говорилось о его скором приезде, о получении партии оружия, о денежной помощи. Собравшиеся наметили мероприятия по дальнейшей борьбе против советского госаппарата, который, по мнению уполномоченного Наркомфина, был «в Дагестанской республике чрезвычайно слаб, ибо фактически республика вышла из гражданской войны и бандитизма полтора года назад и не могла окрепнуть, как следует»⁹.

Во многих донесениях в Москву отмечалось, что власть на местах фактически принадлежит муллам и старейшинам, а не сельсоветам. Поэтому как только в начале мая 1924 г. в селении Дылым Хасавюртовского округа, где в районе 4-го участка находилась ставка Гоцинского, вспыхнули волнения, к ним сразу же присоединилось несколько окрестных аулов.

Первая попытка отряда 48-го дивизиона ГПУ изъять наиболее активных участников восстания потерпела неудачу, ему пришлось отойти и ждать подкрепления. Вскоре был сформирован отряд в составе подразделений 37-го и 38-го стрелковых полков и дивизиона ОГПУ, которые к 12 мая разоружили Дылым и окрестные селения, захватили заложников¹⁰. Были ликвидированы Зубутлинская (300 человек) и Дылымской (70 человек) группы, дылымская база Гоцинского. Было взято в плен около 100 повстанцев, верушка этих групп была «изъята и привлечена к ответственности»¹¹.

В это же время Чеченским отделом ОГПУ был арестован Али Митав, что лишило Гоцинского опоры в Чечне.

19 мая 1924 г. Гоцинский вновь через З. Доногуева обратился в Даготдел ОГПУ с предложением о встрече, однако чекисты отказались вести переговоры.

В сентябре 1924 г. через Батуми от англичан поступила партия оружия и мануфактура. Захват Гоцинским крепостей Ботлих, Ведено, Шатой должен был послужить сигналом для начала антисоветского восстания.

В апреле 1925 г. в с. Зумсой состоялась встреча Гоцинского с майором британской армии Вильямсом и турком-переводчиком Халилом. От англичан вновь была получена гарантия поддержки восстания. Вильямс заверил Гоцинского в том, что «Англия твердо решила изгнать большевиков из Кавказа, а для этого готова организовать восстание, обеспечить оружием и всем необходимым, в том числе высадкой десанта на черноморском побережье»¹². Такой поворот дела поднял дух в повстанческом лагере.

Между тем ОГПУ разработало план ликвидации очагов повстанчества. Собранные силы в составе сотрудников и бойцов Дагестанского, Чеченского, Владикавказского, Терского, Кабардино-Балкарского отделов ОГПУ вместе с частями 11-й армии под общим руководством полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимова и командующего войсками СКВО И.П. Уборевича начали сжимать кольцо вокруг отрядов Гоцинского. Командование СКВО под наблюдением местного партийного руководства подготовило план операции по разоружению населения Чечни.

В инструкции по разоружению говорилось: «Производство операции по разоружению Чеченской автономной области в целом возлагается на военное командование всех степеней, выделяемых для названной операции войсковых соединений и органов ОГПУ, через своих представителей на местах... Намеченный к разоружению аул окружается войсковой частью с таким расчетом, чтобы жители были лишены возможности сношения с прилегающими районами... После полного окружения аула представители Чеченского ЦИКа, ОГПУ и военного командования предъявляют на аульном сходе требование о сдаче всего имеющегося оружия. Для сдачи оружия устанавливается срок не более 2 часов. Жители предупреждаются об ответственности за несдачу оружия. Если население аула не выполнит требование о сдаче оружия, то командование отряда в качестве угрозы открывает артиллерийский огонь в течение 10 минут на высокие разрывы и полупоражения, а затем после отбоя снова вместе с представителями ОГПУ и ЦИКа отдает приказание о сдаче оружия в более краткий срок.

По истечении означенного срока оперативная группа ОГПУ начинает поголовный обыск и изъятие бандитского элемента... В случае выполнения условий сдачи оружия поголовный обыск не производится, а изымается только порочный и бандитский элемент.

В зависимости от обстановки артиллерийский огонь может открываться несколько раз, но на поражение допускается лишь в случае сопротивления войскам.

После применения всех перечисленных мер воздействия операция может считаться законченной даже в случае несдачи предъявленного количества оружия и безрезультатных обысков.

В исключительных случаях при наличии злостного активного или пассивного сопротивления разоружению допускается производство арестов влиятельных лиц аула, причем к этой мере прибегать как к крайней, соблюдающей максимальный такт»¹³.

25 августа 1925 г. артиллерия обстреляла аул Ачхой, после чего жители начали сдавать оружие. Аналогично шло разоружение в последующие дни, разница была лишь в степени упорства жителей и количестве выпущенных по аулу снарядов. Так, 27 августа обстрелу подвергся аул Зумсой, а на следующий день обстрел этого селения артиллерией и бомбометание с самолетов были повторены. Та же участь постигла аулы Келой, Химой, Хакмалой.

Бомбардировка и обстрел Дая 29 августа стоили аулу четверых убитых, пятерых раненых и 20 разрушенных домов. Здесь скрывался сподвижник Гоцинского Мухаммад Амин Ансалтинский. На отказ жителей выдать его, 2 сентября по аулу был открыт артиллерийский огонь, и к вечеру того же дня Ансалтинскому пришлось сдаться.

30 августа под хутором Ведучи произошел бой, в результате которого повстанцы отступили в Дайское ущелье. Затем в течение четырех дней они были разбиты.

5 сентября специальная оперативная группа в составе начальника Чеченского отдела ОГПУ С.Н. Миронова, его заместителя Г.Г. Крафта, бывшего заместителя начальника Даготдела ОГПУ Л.И. Когана и других арестовала Гоцинского, а также шейха Джаватхана, предводителя ингушских группировок А. Шамилева, бывшего председателя Ножаюртовского окрисполкома М. Гебертиева, военного советника турецкого полковника Хусейна Эфенди, телохранителей Гоцинского братьев Ш. и И. Мусаевых и других.

Президиум ВЦИК в постановлении от 4 января 1926 г. отметил исключительное мужество, дисциплинированность, выносливость и решительность участников операции и наградил наиболее отличившихся чекистов орденами и грамотами¹⁴. Операция по разоружению Чечни была закончена. Потери участвовавших в операции частей составили 5 убитых, 9 раненых и 10 лошадей. Репрессии «выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аула. Среди населения во время обстрела было убито 6 человек и ранено 30, убито 12 бандитов, взорвано 119 домов». Было «изъято более 300 человек бандэлемента, самыми видными из которого являются: Нажмуддин Гоцинский, Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский. За время операции изъято 25299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов»¹⁵.

В то время, когда на севере шли бои против отрядов Гоцинского, на юге Дагестана велась борьба против «Ванашихинской банды», охватив-

шей своими действиями Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Дербентский округа и Махачкалинский район.

После проведения операции по разоружению Чечни руководство Северо-Кавказского края решило провести такое же мероприятие и в Дагестане. Органы ОГПУ оценивали запасы оружия в Дагестане к тому моменту в 100 тыс. стволов и отмечали производство в отдаленных селениях не только патронов, но и револьверов¹⁶. В связи с этим был сделан вывод: «В случае внешних осложнений Советский Союз не может быть уверен за спокойствие в Дагестане, каковой будет находиться под угрозой крупных восстаний, могущих оттянуть на себя значительное количество сил»¹⁷.

К операции по разоружению дагестанского населения были привлечены 2-я, 22-я и 28-я стрелковые и 5-я кавалерийская дивизии, сводный национальный кавполк, автобронедивизион, окружная военно-политическая школа, две школы ГПУ, авиационные части общей численностью около 16 тыс. бойцов, 350 пулеметов, более 30 орудий, 6 бронемашин, бронепоезд и 18 самолетов. В первую очередь предполагалось разоружить население Даргинского, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов, а затем приступить к остальным¹⁸. К 1 сентября границы Дагестана были блокированы войсками СКВО, Чеченского и Терского отделов ОГПУ. Для ликвидации сопротивления были применены «административный нажим, полное окружение аулов и рейдирование авиации», после чего «в настроении населения произошел известный перелом». К 15 сентября «поступление оружия вновь прекратилось, что свидетельствовало о том, что главная часть оружия действительно изъята»¹⁹.

С арестом Гоцинского, крупнейшего лидера контрреволюции на Северном Кавказе, начался спад повстанческой борьбы против советской власти.

По воспоминаниям жителя сел. Гаквари Сажида Абдурахманова, в годы его учебы в сел. Гима «советские власти обещали большое вознаграждение тому, кто укажет место, где скрывался имам Нажмуддин. В конце концов по наводке некоторых местных предателей на хутор Чай, где скрывался имам Нажмуддин, послали посредников с предложением сдаться... Имам ответил, что он готов принять условия, если «советы» освободят 16 чеченцев из заключения, арестованных из-за него. Большевики согласились, и выпустили задержанных». Он был свидетелем выхода Гоцинского к чекистам: «Здесь же на берегу реки он сделал омовение, совершил намаз в два ракаата, прочитал молитву... Бросив взгляд в сторону предателей, имам сказал по-аварски: “С вами я буду говорить в день Страшного суда”»²⁰.

15 октября 1925 г. в Ростове суд приговорил Гоцинского к расстрелу. Были расстреляны также его 16-летний сын, две дочери и другие родственники.

Участники ликвидации горских группировок были поощрены Москвой. В частности, старшему инспектору ПП ОГПУ Северо-Кавказского края Л.И. Когану была объявлена благодарность ВЦИК.

«Уважаемый товарищ Лазарь Иосифович!

Летом 1925 года на территории Чеченской автономной области была произведена ликвидация банд во главе с Нажмуддином Гоцинским и другими активными руководителями бандитизма и контрреволюции.

Успешному выполнению этой ликвидации способствовали исключительное мужество, дисциплинированность, выносливость и решительность всех участников операции.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на заседании своем 4 января 1926 года постановил:

Объявить Вам, как участнику названной операции, благодарность и наградить Вас настоящей грамотой»²¹.

Разгром отрядов Гоцинского в значительной мере был предопределен происшедшими в Дагестане и Чечне политическими, социально-экономическими и культурными изменениями, вызвавшими к середине 20-х гг. перелом в настроении трудовой массы горцев, которые вооруженному сопротивлению предпочли мирный созидательный труд. Гоцинский же, являясь крупным религиозным и общественно-политическим деятелем, в своей борьбе против большевизма решал все военно-организационные вопросы медленно и неуверенно, опирался лишь на узкий круг единомышленников, что не позволило ему добиться своей цели.

Примечания

¹ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана в революции и гражданской войне 1917–1921 гг. Махачкала, 1997. С. 17.

² Дибиров М.К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С. 31.

³ Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане. Махачкала, 1975. С. 237. Дело № 7695. Архивное уголовное дело на Н. Гоцинского // Ахульго (Махачкала). 1999. № 3. С. 20.

⁴ Сулейманов С.И. Из истории чекистских органов Дагестана. Махачкала, 2000. С. 61.

⁵ Красный Дагестан (Махачкала). 1923. № 262. С. 3.

⁶ Магомедов М. Нота Нажмуддина Гоцинского Советскому правительству // Ахульго. 1999. № 3. С. 7.

⁷ ИИЯЛ ДНЦ РАН. Рук. фонд. Д. 2568. Л. 8.

⁸ РГВИА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 27. Л. 58–59об.

⁹ Там же. Л. 63, 64.

¹⁰ Архив УФСБ РД. Уголовное дело № 64764. Л. 2.

¹¹ Дело № 7695... С. 20.

¹² Цит. по: Аптекарь П. Война без края и конца // Родина. 2001. № 1-2. С. 162.

¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 42. Д. 11. Л. 22.

¹⁴ РГВИА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 66. Л. 164.

¹⁵ Там же. Л. 155.

¹⁶ РГВИА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 66. Д.316. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Мухтаров У. Предания о Нажмуддине Гоцинском в Чечне // Ахульго. 1999. № 3. С. 18.

²⁰ Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 163.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. – 627 с.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

В современном процессе переоценки ценностей, роли и места отдельных исторических событий и личностей предпринимаются попытки обстоятельного, подлинно научного осмысления сложных, поворотных моментов в истории Дагестана. Это связано с возросшим интересом общественности к своему прошлому, попытками найти ответы на острые вопросы современности в прошлом, с возможностью изучения архивных документов, до недавнего времени закрытых для широкого пользования, с отказом от идеологизации и политизации исторической науки. И надо с удовлетворением отметить новый изданный том по истории Дагестана, подготовленный Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Однако ознакомившись только с частью этого издания, все благодущие испаряется и прочитанное ввергает в уныние. Отметим только некоторые серьезные недочеты и фальсификацию ряда исторических фактов в таком представительном труде дагестанских ученых.

Прежде всего о мюридизме. В советской и постсоветской исторической литературе этому явлению исследователями давались не всегда верные определения, часто с идеологическим оттенком, нередко отождествляя понятия «тарикат (суфизм)» и «мюридизм». То же продолжается на страницах «Истории Дагестана», где говорится, что «издавна существовавшая на Кавказе секта (мюридизм. – *М.Д.*)... вряд ли могла поднять массы горского крестьянства и приобрести политическое значение, если бы не было на то объективных социально-экономических, политических и идеологических причин...» (с. 504).

Называя мюридизм сектой, авторы, видимо, хотели показать всю пагубность этого явления на жизнь горского населения. Секта, сектанты, сектантство, в нашем понимании сегодня – негативное явление, преследуемое законом. В этот список авторы включили и мюридизм. Выходит, что сегодня мюридизм должен преследоваться законом? Между тем в современном Большом энциклопедическом словаре говорится: «мюридизм – течение в исламе, разновидность суфизма... возник во 2-й половине XIV века в Бухаре. В конце XVIII в. распространился на территории Азербайджана, затем в Дагестане и Чечне». Ничего крамольного не говорится о мюридизме и в

специализированных источниках (Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991; Ислам классический: энциклопедия. М., 2005). Что же касается «социально-экономических причин», то как раз ярко выраженный социальный характер (с такими заповедями, как «свобода», «мусульманин меньше всего должен жить в рабстве у чужих народов», «равенство») и являлся важнейшей особенностью кавказского мюридизма. Именно мюридизм, как учение, направленное против местных эксплуататоров и завоевателей, сыграл решающую роль в деле преодоления всех трудностей, стоявших на пути объединения горских масс.

В унисон с высказываниями авторов «Истории Дагестана» звучат слова Г. Погребного: «Мюридизм – это наиболее реакционное течение в исламе, выдвигающее в качестве главного догмата изуверскую идею беспощадного истребления всех немусульман». Подобные определения, как Г. Погребного, так и авторов «Истории Дагестана», оскорбляет религиозные чувства последователей современного мюридизма. Ведь мюридизм – это учение о поисках путей, ведущих к Богу, осуществляемых под руководством учителя (шейха), а в период завоевательной политики царизма на Северном Кавказе он превратился в идеологию антиколониального освободительного движения горцев.

«Используя сложившуюся обстановку, – говорится далее в тексте «Истории Дагестана», – “благочестивые тарикатисты” выставили демагогические требования – равенство между мусульманами, “мусульманин никому не должен платить подати”, “освобождение магометан из-под власти неверных”, “газават”. Клерикалы, провозглашая эти лозунги, преследовали лишь одну цель – направить борьбу горцев в нужное им русло, осуществить свою давнюю мечту, встать у кормила власти, навязать народу еще более тяжелое ярмо» (с. 504).

Почему такие требования «благочестивых тарикатистов», как «равенство» и «освобождение из-под власти неверных», ученые мужи из ДНЦ РАН называют демагогическими? Ведь, клерикалы были узденями, свободными людьми, выходцами из простого народа, а не ханами, помещиками, богатеями. И пытались они «направить борьбу горцев в нужное русло», имя которому – свобода, независимость и достойная жизнь. Стиль же изложения и фразеология авторов напоминают штампы багировых, смирновых и других советских «знакоков» истории Кавказской войны, которые борьбу горцев представляли не иначе как реакционную и фанатичную.

«... Тарикатисты не принимали непосредственного участия в сражениях, предпочитая, чтобы за них дрались другие, – уверенно заявляют авторы. – В движении горцев Дагестана и Чечни 1-й половины XIX в. участвовали и так называемые наибокие мюриды... Все их знания религии заключались лишь в том, что они, как и все остальные горцы, умели читать Коран, не понимая его содержания, и считали необходимым газават... Мюридизм же, как своеобразная разновидность ислама, направлял недовольство трудящихся горцев по ложному пути: выхолащивая классовое самосознание

горцев, притуплял социальную борьбу, возбуждал ненависть к другим, особенно к христианским народам, изолировал их от освободительной борьбы русского и других народов Кавказа» (с. 505).

Между тем, как свидетельствуют многочисленные источники, практически почти все граждане имамата, в том числе женщины, принимали то или иное участие в Кавказской войне. Часть же священнослужителей, ученых, учителей, учеников не воевали только потому, что их оберегал сам имам Шамиль, понимая всю ценность этих людей. Авторы лукавят, представляя наибских мюридов как горцев, умевших читать Коран, но не понимавших его содержания, к тому же представляя их боевиками, у которых на уме только газават. А ведь официальная переписка в пределах имамата велась на арабском языке, что подтверждает большое количество сохранившихся на сегодня оригиналов писем в рукописном фонде ИИАЭ, где работают авторы «академического издания».

Говоря о народном образовании у горцев, известный российский кавказовед П. Услар писал: «Если об образовании народном судить по соизмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации». Другой видный ученый, М. Покровский, так охарактеризовал грамотность в Дагестане: «Эта гряда скал была едва ли не самым грамотным местом на Кавказе».

По поводу «ненависти горцев к христианским народам» считаем нужным подчеркнуть, что немалое количество солдат, спасаясь от палочной дисциплины в николаевской армии, перебежали к Шамилю, который повелел своим подданным обходиться с ними по-человечески и содержать на средства Байтулмала (государственная казна). В своем письме к наибамам об отношении к перебежчикам Шамиль писал, что «те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни».

В своем рапорте (1842 г.) начальник левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Ольшевский проявлял беспокойство по поводу дезертирства нижних чинов: «...Если теперь они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побегу увеличатся». Видимо, опасения Ольшевского были ненапрасными, так как вскоре из С.-Петербурга последовал приказ «соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль». Наивно полагая, что горцы, соблазненные дефицитным товаром, будут выдавать перебежавших к ним солдат, командование потерпело в этом деле неудачу.

В воспоминаниях очевидца событий Абдурахмана Гази-Кумухского, опубликованных уже после окончания Кавказской войны, говорится, что недалеко от Ведено, столицы Шамиля, было отведено место для поселения перебежчиков. В их распоряжение имам «предоставил землю для посадки

капусты, кукурузы, лука и др. Солдаты обосновались там и жили мирно... Они обрели покой, жили без притеснения. В комнатах были иконы, которым они поклонялись во время молитв, имели спиртные напитки, изготовленные из винограда, и самогон из проса и других злаков. Они ели, пили, развлекались, особенно по большим праздникам. Из нас никто не препятствовал им в этом... Солдаты имели и музыкальные инструменты – гитары, армейские кларнеты, привезенные из России. Были и пленные, и перебежавшие женщины... Солдаты, видя милосердие Шамиля к ним, служили ему чистосердечно. Они шли с ним в бой вместе с пушками, чинили их, если ломались, ухаживали за лошадьми, тянувшими пушки, подковывали их, шорничали, готовили на зиму корм».

Для перебежчиков были построены церковь, дома, неграмотные солдаты обязаны были учиться русской грамоте. Так, русский человек, не получив в свое время грамоты у себя в деревне, получал ее в стане противника. Те же, кто принимали мусульманскую веру, женились на горянках, обзаводились хозяйством.

Если «отсталый азиат, варвар» Шамиль проявлял к русским перебежчикам и военнопленным такое человеческое отношение, то иным было отношение «цивилизованных» европейцев к «азиатским» перебежчикам и военнопленным.

Поэтому не к христианским народам возбуждал ненависть мюридизм, как утверждают авторы «Истории Дагестана», а к захватчикам, поработителям и колонизаторам. В отличие от словесно-идеологической эквилибристики на страницах «академического издания», исследователи, имеющие элементарные знания о мюридизме, никогда бы не употребили подобную дефиницию.

Авторы допускают такие элементарные фактические погрешности, что возникает вопрос относительно их компетентности в исследуемой проблематике.

Например: «...В том же году (1830) шейх Шабан и Гази-Магомед во главе повстанцев селений Джар, Закаталы, Катех, Мацех и других напали на крепость Новые Закаталы... Во время начавшихся переговоров Гази-Магомед был арестован, а отряды повстанцев рассеяны» (с. 506). Между тем доподлинно известно, что участие в нападении на крепость Новые Закаталы вместе с Шейх Шабаном принимал не Гази-Магомед, а будущий имам Гамзат-бек. Поэтому и в плен к русским попал не Гази-Магомед, а Гамзат-бек.

Расписывая поражение повстанцев у села Гимры и смерть имама Гази-Магомеда (осень 1832 г.), авторы уверенно заявляют, что «через два года имамом был провозглашен Гамзат-бек – выходец из бекской семьи селения Гоцатль» (с. 507). Факты же говорят о том, что через два года, то есть в 1834 г., имам Гамзат-бек был уже убит, а имамом он был избран вскоре после смерти Гази-Магомеда, в 1832 г. Не знать подобных общеизвестных фактов просто непозволительно.

Описывая приезд на Кавказ казанского муфтия Таджудина Мустафина «для убеждения горцев в неправильном толковании шариата мюридами и привлечения их на сторону правительства» (с. 509), авторы стараются представить горцев и их лидера имама Шамиля этакими заблудшими овечками, которых пришлый мудрый «муфтий» старается направить на истинный путь. Насколько мудр был посланец на Кавказ – не известно, но то, что он являлся капитаном русской службы и за царское жалованье силится объяснить имаму Шамилю неправильность его действий, – достоверный факт.

Помимо ошибок и искаженных сведений «академическое издание» содержат еще и тенденциозные трактовки событий.

Авторы утверждают, что на совести имама Шамиля и его последователей – множество уничтоженных аулов и человеческих жертв, которым «не раз приходилось прибегать к оружию и силой подчинять ряд обществ, насаждая новые порядки» (с. 512). А вот о горских аулах, сожженных царскими войсками, вырубленных лесах, отрубленных головах горцев, за которые генералы платили серебряными монетами своим солдатам, и многих других колонизаторских методах покорения горского населения авторы почему-то упоминают.

История Кавказской войны заканчивается на 1850 г. (с. 514). А потому не нашлось места освещению ее заключительного этапа, нет даже краткого описания такого значимого явления в горах Кавказа XIX в., как государство имамат со своей структурой, социальными преобразованиями и многими другими сюжетами.

Описание послевоенного периода также грешит всевозможными неточностями. Так, во втором параграфе «Антиколониальные выступления в 60-х годах XIX века» авторы большое внимание уделяют Доногулу Магомеду, бывшему наибу имама Шамиля, впоследствии перешедшему на царскую службу. Значимой исторической фигурой он не является, однако его имя упоминается шесть раз, причем в сочетании с такими словами как «предатель», «измена» и т.п. Чем же этот персонаж заслужил такое пристальное внимание авторов? На с. 523 читаем о восстании жителей селений Ашильга и Гимры в 1866 г.: «...К тому же им (восставшим. – *М.Д.*) стало известно о... расколе среди повстанцев и измене Доногул-Магомеда, отца будущего имама Нажмуддина Гоцинского». Не в этом ли причина столь частого упоминания имени Доногул-Магомеда? Его сын Нажмуддин Гоцинский, ярый враг большевиков, до сих пор не дающий покоя некоторым исследователям, которые при каждом удобном случае стараются сделать выпад если не против самого «зловещего имама», то хотя бы против его отца.

Но эмоции эмоциями, а о какой же измене и предательстве говорят авторы? Как следует из послужного списка Доногул-Магомеда, в 1866 г. на момент подавления восстания он находился на царской службе в чине по-

ручника и на этой должности никого не предавал и никому не изменял. Если же язвительная ирония авторов относится к его перемене службы (раньше, дескать, «работал» на Шамиля, а теперь на царя), то необходимо уточнить, что с пленением Шамиля в августе 1859 г. открылась новая страница в жизни Дагестана. Не только Доногул-Магомед, но и многие другие известные наибы Шамиля перешли на русскую службу. И это было веление времени. Поэтому относить этих людей к предателям авторы «Истории Дагестана» не имеют никаких оснований, тем более – никакого права. Первым «предателем» в таком случае они должны были назвать самого имама Шамиля, сдавшегося князю Барятинскому.

По поводу восстания горцев 1877 г. авторы признают, что «к сожалению, эта проблема еще не до конца разработана, поэтому и возможны ее различные, порой взаимоисключающие толкования» (с. 525). Действительно очень жаль, что эта проблема до сих пор «не до конца разработана» ведущими учеными, в том числе Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Видимо, в течение 70 лет советской власти у них были более «актуальные» темы для их научного, служебного и политического роста, такие как борьба за власть Советов, колхозное строительство, раскулачивание, строительство социализма в Дагестане и т.п. При этом надо отметить, что тема «Восстание 1877 г. в Дагестане и Чечне» широко представлена в дореволюционной историографии, хотя и с великодержавным колоритом, что естественно. Даже имя четвертого имама Дагестана, возглавившего восстание 1877 г., указано авторами неверно – «Гаджи-Магомед» (с. 526), тогда как правильно – Магомед-Гаджи.

Как заметил в статье «"История Дагестана" ограниченным тиражом» ответственный редактор этого издания, директор ИИАЭ ДНЦ РАН А. Османов, «пять лет потребовалось семнадцати историкам на написание и подготовку к изданию академической монографии». Последняя столь основательная историческая работа издавалась в 1968 г. «...Взгляд на многие исторические события и личности изменился», – продолжает далее ответственный редактор. Поэтому и решено было издать «новое видение» истории Дагестана. Увы, новое видение плохо видно в 1-м томе «академической монографии». Интересно, какое «новое видение» мы увидим во 2-м томе издания (XX в.), где говорится о революциях, установлении советской власти и Гражданской войне на территории Дагестана, строительстве социализма.

М.М. Доного

Winkler D.F. Cold War at Sea: High-Seas Confrontation between the United States and the Soviet Union. Annapolis, 2000. – 251 p.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НА МОРЕ: ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

1 февраля 1992 г. во время встречи Б.Ельцина и Дж. Буша в Кемп-Дэвиде была подписана декларация о прекращении холодной войны. Эта формальная процедура завершила целую эпоху в отношениях двух стран, холодная война ушла в прошлое. Вместе с ней в прошлое ушел и обостренный интерес к различным аспектам этой войны, в том числе и на море. Это падение интереса хорошо заметно на примере резкого сокращения зарубежных исследований, посвященных советскому военно-морскому флоту и противостоянию супердержав в океане. Если и в 1970-е, и в 1980-е гг. их число измерялось сотнями, то уже в первой половине 1990-х гг. оно сократилось до трех десятков, а во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. счет пошел на единицы.

Падение исследовательского интереса к истории Холодной войны на море сопровождалось заметными изменениями в самой зарубежной историографии. Одним из самых значимых стало появление первых совместных работ российских и западных исследователей (*Rohwer J., Monakov M. Stalin's ocean-going fleet: Soviet naval strategy and shipbuilding programs, 1922–1953. L., 2001*). Явно обозначилась тенденция издания обобщающих работ, где противостояние супердержав на море рассматривалось как единый предмет исследования (*Cold War at Sea: An illustrated history. Osceola, 2000; Polmar N., Moore K. J. Cold War Submarines: The Design and Construction of U.S. and Soviet Submarines, 1945–2001. Washington, 2002*).

Наиболее полно особенности это вида исследований проявились в издании «Холодная война. Противостояние США и СССР в океане», принадлежащем Д. Винклеру. Автор в бытность свою офицером ВМФ США в середине 1980-х гг. стал свидетелем и участником противостояния флотов двух супердержав. По его собственному признанию, он был настолько изумлен его масштабностью, что впечатление от увиденного подтолкнуло его к подготовке собственного исследования. В 1999 г. он успешно защитил докторскую диссертацию в Американском университете (Вашингтон), материалы которой были опубликованы в 2000 г. в виде монографии. Появление этой работы вызвало значительный интерес историков, включая известных специалистов. Однако, как точно подметил в своей рецензии один из них, признанный авторитет в области военно-морской истории Н. Фридман, исследование Винклера производит впечатление «очень интересной и одновременно очень разочаровывающей работы». Причина разочарования, по мнению рецензента, кроется в несоответствии названия и содержания работы: вместо ожидаемого анализа широкомасштабной конфронтации супердержав на море автор сосредоточился на процессе успешного

движения к ограничению опасности прямых столкновений двух флотов (*Friedman N. Cold War at Sea: High-Seas Confrontation between the United States and the Soviet Union (review) // Journal of Cold War Studies. 2002. № 1*).

Однако здесь с Фридманом можно согласиться лишь отчасти. Действительно, Винклер подробно рассматривает процесс подготовки и подписания советско-американского Соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море, подписанного в Москве 25 мая 1972 г., но этой проблематике отведено лишь две главы из девяти. Более того, американский исследователь воссоздает полную картину столкновений на море и в воздухе флотов двух сверхдержав в 1945–1989 г., дополняя ее подробным хронологическим перечнем инцидентов, составленным по архивным данным. Он сумел выявить солидную группу источников: документы Госдепартамента и Министерства обороны США, Военно-морского флота и Военно-воздушных сил, более трех десятков интервью с участниками описываемых автором событий. Материал девяти глав монографии охватывает период с момента окончания Второй мировой войны и до конца 1980-х гг. При этом он действительно ограничился лишь ситуациями угрозы прямого столкновения на море и над морем, когда корабли или самолеты советского и американского флотов, решая свои задачи, оказывались в непосредственной близости друг от друга.

В первой главе, названной «Игры с Медведем», Винклер воссоздает картину возникновения конфронтации на море, начавшейся чуть ли не на следующий день после окончания Второй мировой войны. Уже 15 октября 1945 г. был зафиксирован первый инцидент: патрульный самолет ВМФ США, наблюдавший за эвакуацией японских войск из Китая, подвергся преследованию и обстрелу со стороны советского истребителя. Вскоре подобные инциденты становятся все более частыми, чему чрезвычайно способствовала начавшаяся война в Корее. И не всегда они заканчивались благополучно. 4 сентября 1950 г. самолеты американского авианосца «Valley Forge» перехватили над Желтым морем недалеко от Порт-Артура советский двухмоторный бомбардировщик, который был сбит после недолгого преследования. Протест американскому послу был отклонен под предлогом того, что авианосец действовал под командованием сил ООН.

По сути в начале 1950-х гг. над морскими границами СССР шла настоящая необъявленная война. 6 ноября 1951 г. уже советский истребитель сбил над Японским морем патрульный самолет ВМФ США Neptune P2V. 7 октября 1952 г. в районе южной гряды Курильских островов советским истребителем был сбит другой американский самолет, на этот раз, – проводивший аэрофотосъемку района разведчик RB-29. Как и в предыдущем случае, весь экипаж погиб. Через месяц над Японским морем разыгралось настоящее воздушное сражение. По сообщениям американской стороны, группа советских истребителей МиГ-15 приблизилась к американской авианосной ударной группе TF 77, крейсировавшей у побережья в районе Владивостока, но была перехвачена поднятыми с авианосца истребителями

F9F-5 Panther. В ходе завязавшегося боя два МиГа были сбиты, а один поврежден.

По подсчетам Винклера, только в 1950–1955 гг. в ходе воздушных стычек над прибрежными водами СССР было сбито 4 советских самолета и 9 американских. Дипломатические протесты с обеих сторон, а также попытка рассмотреть обстоятельства одного из инцидентов в Совете Безопасности ООН ни к чему не привели. Воздушные столкновения над морской границей СССР продолжались. Причины этой «войны в воздухе» американский исследователь видит в стремлении американской администрации обеспечить себе возможность сохранить советские границы прозрачными для средств разведки. Однако конечный исход этой борьбы решили не мужество и самоотверженность пилотов и не изощренность дипломатов, а успехи новых технологий. Запущенный летом 1960 г. американский разведспутник Discoverer XIV сумел провести успешное фотографирование советской территории и передать снимки на землю, после чего отпала необходимость рискованных полетов самолетов-разведчиков у границ СССР и высотных рейдов знаменитых U-2 над советской территорией.

Вторая глава монографии, названная «Столкновения на море», посвящена другой проблеме, возникшей к началу 1960-х гг. К тому времени, пишет Винклер, «фактом повседневной жизни западных флотов стало постоянное присутствие рядом с ними в океане маленьких, грубо сколоченных суденышек – советских разведывательных траулеров». Впервые подозрения относительно истинной роли советских рыболовных судов возникли у американского командования летом 1955 г. Уже тогда разведке американского флота показалось подозрительным, что некоторые из советских рыболовных судов не имели никакого рыболовного снаряжения, будучи в то же время оборудованы нетипичными для рыбаков радарами и средствами связи.

Вскоре стало ясно, что в составе советского ВМФ появился новый класс кораблей разведки, созданный на основе проекта рыболовного траулера. Сам факт этой необычной модернизации Винклер объясняет хорошими мореходными качествами этого типа судов, удобством использования рефрижераторных отсеков для размещения электронного оборудования, что чрезвычайно облегчало процесс превращения «рыбаков» в разведчиков. Очень скоро эти небольшие суденышки водоизмещением всего в 600 т, получившие в НАТО обозначение AGI (Auxiliary General Intelligence), стали настоящей «головной болью» ВМФ США. Самым распространенным в их действиях стал прием, названный американскими моряками «game of chicken» («игра на слабака»). Командующий американским 6-м флотом вице-адмирал У. Мартин вспоминал: «Часто бывало, что советские разведывательные суда как бы бросали нам вызов: или мы должны были изменить свой курс, или же неминуемо столкнуться с ними». Используя свое право беспрепятственно находиться в нейтральных водах, они постоянно вели разведку у выхода из баз ВМФ США, в испытательных полигонах

американского флота, следили за действиями его авианосных ударных групп (р. 31).

Типичный пример – действия одного из советских траулеров летом 1960 г., пытавшегося помешать буксиру ВМФ США поднять из воды макет баллистической ракеты «Polaris», запущенной с подводной лодки в ходе испытаний в районе полигона Лонг-Айленд (р. 28). Из-за вездесущности советских разведчиков, активности их действий очень скоро «среди командиров кораблей американского флота распространилось убеждение, что быть “мухой в супе” и есть главная роль этих советских корабликов». Когда в 1972 г., накануне подготовки переговоров о заключении Соглашения о предотвращении инцидентов на море, был составлен список подобных фактов за предыдущие шесть лет, выяснилось, что в 32 случаях из 79-ти «героями» столкновений оказались те самые «разведтраулеры» (р. 29). Каждый из них становился предметом заявления дипломатических протестов.

Из подготовленного американским флотом перечня следовало, что советские траулеры фактически терроризировали флот США. В январе 1965 г. у берегов Исландии судно «Вертикаль» приблизилось на 75 футов к исследовательскому кораблю американского флота «Dutton» и, несмотря на предупредительные сигналы о наличии буксируемого устройства, прошло рядом с кормой американского судна и перерезало кабель магнитометра. После того как американские моряки восстановили кабель и продолжили свои операции, советское судно вновь попыталась обрезать кабель. В феврале 1965 г. у побережья Калифорнии советский траулер «Арбан» занял место прямо по курсу американского авианосца «Hornet», проводившего заправку топливом на ходу с танкера «Ashtabula», заставив американские корабли провести аварийное разъединение топливных шлангов (р. 30). В ходе войны во Вьетнаме советские траулеры настолько серьезно затрудняли действия авианосцев США, что это стало предметом дипломатических протестов. Так, в январе 1966 г. заместитель помощника госсекретаря США А. Джонсон заявил протест советскому послу А. Добрынину по поводу действий советского траулера «Гидрофон», неоднократно пытавшегося сорвать взлет палубной авиации с авианосцев «Enterprise» и «Kitty Hawk».

Адмирал Дж. Холлуэй вспоминал, что, командуя в этот период атомным авианосцем «Энтерпрайз», имел обыкновение при первом же появлении поблизости советского AGI разворачивать в его сторону свой 90 000-тонный авианосец и давать самый полный ход: «И советский траулер убирался к черту с нашего курса!» (р. 31).

Но эта тактика не всегда помогала. В январе 1968 г. траулер «Гидролог» заблокировал путь движения ударной корабельной группе во главе с тем же «Энтерпрайзом», спешившей на помощь атакованному в северокорейских водах разведывательному кораблю «Pueblo». Авианосцу при этом все же пришлось остановить машины и даже дать задний ход. Что пережил в тот момент командир и экипаж советского 600-тонного суденышка, видя,

как на него движется колоссальная машина американского авианосца, можно только предполагать.

Не меньше хлопот действия советских «разведтраулеров» доставляли и подводным лодкам США. Учитывая огромную степень угрозы со стороны американских атомных подводных ракетносцев, командование советского ВМФ установило постоянное патрулирование АГИ у баз ракетносцев с целью обнаружения их выхода в море и затруднения их действий. Например, в сентябре 1969 г. траулер «Теодолит», находясь на патрулировании у военно-морской базы «Чарльстон» (Южная Калифорния), заблокировал путь движения возвращавшейся в базу «Sam Rayburn», не обращая внимания на подаваемые лодкой сигналы об опасном сближении (р. 34).

Американские подлодки старались избежать обнаружения советскими разведывательными судами, для чего выход и возвращение в базу назначались на темное время суток, а погружение и всплытие происходило в прибрежных районах. Но эти маневры были довольно опасными. Винклер приводит пример, как «Theodor Roosevelt», стремясь избежать обнаружения при возвращении в базу Холи Локк (Шотландия), была вынуждена погрузиться и получила серьезное повреждение носовой части корпуса в результате столкновения с препятствием (р. 34).

ВМФ США под впечатлением действий советских «разведтраулеров» попытался создать в своем составе аналогичный класс кораблей, но эта попытка оказалась неудачной. Американцы переоборудовали в разведки всего восемь кораблей, но их действия получили печальную известность. 8 июня 1967 г. один из них – «Liberty», находившийся у египетского побережья, был внезапно атакован израильскими самолетами и торпедными катерами и получил серьезные повреждения. По официальным данным, пострадало 169 человек, из них 33 офицера и матроса погибли. Спустя полгода, 23 января 1968 г., корабль разведки США «Pueblo» был захвачен северокарейскими ВМС. 82 члена экипажа после 11 месяцев заключения были возвращены на родину. Командование ВМФ США, столкнувшись с необходимостью обеспечивать эскорт кораблям разведки, предпочло отказаться от их использования (р. 37).

Четвертая глава – «Усиление советского Военно-морского флота» – посвящена «новой эпохе холодной войны», наступившей в середине 1960-х гг. после появления советского флота в океане. С этого времени уже боевые корабли ВМФ СССР активно включились в «game of chicken» с кораблями НАТО. Первые факты опасного маневрирования советских боевых кораблей были зафиксированы уже в августе 1963 г., когда советский эсминец прибег к опасному маневрированию с целью пресечь действия исследовательского судна ВМФ США у берегов Камчатки. В мае 1965 г. другой советский эсминец создал помехи действиям эсминца ВМФ США, обнаружившего советскую подводную лодку. В январе 1966 г. советский военный корабль с бортовым номером 045 попытался затруднить маневр авианосца «Hornet», готовившегося к взлету палубных самолетов. В мае 1967 г. в Япон-

ском море произошло прямое столкновение советского эсминца «Бесследный» с американским эсминцем «Walker»; оба корабля получили повреждения, но обошлось без жертв. На следующий день пришедший на смену «Бесследному» советский ракетный корабль с бортовым номером 025 начал такое же опасное маневрирование, в результате чего столкнулся с тем же злосчастным «Walker». И на этот раз повреждения оказались незначительными (р. 54).

В эти же самые дни в Средиземном море в условиях начавшейся очередной арабо-израильской войны корабли советского флота вели постоянное слежение за соединениями 6-го флота США. 7 июня корабли охранения авианосца «America» обнаружили поблизости советскую субмарину в подводном положении и начали ее преследование. В этот же момент советский сторожевой корабль вошел внутрь порядка авианосной группы и начал совершать циркуляции вокруг 77 000-тонного авианосца, пытаясь своим опасным маневрированием заставить его изменить курс. Это продолжалось в течение нескольких часов несмотря на требования американского командующего отойти от его кораблей (р. 56).

Но не все инциденты заканчивались благополучно. 25 мая 1968 г. американская корабельная группа во главе с авианосцем «Essex» проводила учения у берегов Норвегии. Вскоре появился советский самолет-разведчик Ту-16. Совершив облет авианосца, он внезапно снизился, прошел на бреющем полете над палубой, еще больше снизился и, зацепив крылом волну, упал в воду. Весь экипаж самолета погиб (р. 60).

Рост числа инцидентов на море и в воздухе, начало общего процесса разрядки создали предпосылки для заключения советско-американского Соглашения по предотвращению инцидентов в открытом море. Винклер описывает сложный процесс подготовки соглашения в двух главах – «Дорога в Москву» и «Переговоры». Однако последовавший затем период разрядки оказался весьма коротким и неоднозначным. Критические ситуации и прямые столкновения кораблей двух флотов продолжались. Об этом он рассказывает в двух заключительных главах – «1970-е годы» и «Время Империи зла». В 1972–1978 гг. советская сторона зафиксировала 18 инцидентов на море и в воздухе. Американцы заявили о 78 случаях нарушения кораблями и самолетами ВМФ СССР условий соглашения (р. 125–126).

Самым опасным из этой череды инцидентов оказалось столкновение 28 августа 1976 г. в Средиземном море советской атомной ракетной подводной лодки «К-22» с фрегатом ВМС США «Voge» в результате ошибок, допущенных командиром советской субмарины при маневрировании в подводном положении. На «К-22» были повреждены корпусные конструкции рубки и надстройки, выдвигаемые устройства и ракетный контейнер. Американский фрегат получил пробоину в корпусе, лишился лопастей гребного винта, один из матросов был ранен (р. 126–127). 21 марта 1984 г. в Японском море авианосец «Kitty Hawk» столкнулся с находившейся в подводном положении советской атомной подводной лодкой «К-314», которая

АВТОРЫ НОМЕРА

вела за ним слежение. На лодке был поврежден корпус, рубка, горизонтальный стабилизатор, разбит гребной вал и винт. Авианосец получил небольшую пробоину корпуса, в котором застряли лопасти винта советского атомохода (р. 148).

Росту числа инцидентов на море в 1980-е гг. способствовала принятая в 1979 г. администрацией Дж. Картера программа «Свобода мореплавания», в рамках которой ВМФ США предпринял ряд действий в спорных районах Мирового океана. Опираясь на Конвенцию ООН по морскому праву, американские корабли намеренно заходили в районы, считавшиеся некоторыми прибрежными странами собственными территориальными водами. По американским данным, в 1980–1982 гг. в среднем происходило пять инцидентов на море с участием советских и американских кораблей. В последующие два года оно выросло до 19 (р. 137).

В мае 1982 г. фрегат «Lockwood» провел операцию в рамках программы «Свобода мореплавания» в заливе Петра Великого, в водах, считавшихся СССР территориальными. Действия американского корабля были пресечены появлением советского крейсера и авиации флота (р. 146).

12 февраля 1988 г. в Черном море произошел инцидент, получивший широкую известность. Крейсер ВМФ США «Yorktown» и эсминец «Cagon», выполняя задачи все той же программы «Свобода мореплавания», появились у берегов Крыма. На этот раз их действия были жестко пресечены советскими сторожевыми кораблями «Беззаветный» и СКР-6, совершившими преднамеренный навал на американские корабли с целью их вытеснения из советских территориальных вод. При этом на «Yorktown» была повреждена пусковая установка ракет «Нагрооп» и леерные стойки, на «Cagon» – шлюпка и шлюпбалка. Советские корабли получили повреждения корпусов. Этот инцидент был назван «последним столкновением холодной войны». Всего лишь через полгода произошло событие, ставшее символическим завершением почти 40-летней истории противостояния двух сверхдержав на море. 21 июля крейсер «Дмитрий Устинов», эсминец «Отличный» и плавбаза «Генрих Гасанов» посетили с дружественным визитом американскую военно-морскую базу «Норфолк». 4 августа с ответным визитом в Севастополь зашли американский крейсер «Thomas Gates» и фрегат «Kauffman».

Завершая свою монографию, Винклер обращает внимание на то, как быстро уходит в прошлое все, связанное с холодной войной на море, – уходит в отставку ее участники, отправляются на переплавку корабли и подводные лодки. «Остаются лишь мемуары и документы, и они должны быть доступны всем, чтобы мы могли понять, какой была холодная война на море, и чтобы жертвы, принесенные моряками и летчиками наших стран, получили, наконец, необходимое признание» (р. 176).

А.А. Киличенков

Буганов Александр Викторович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Головкина Мария Владимировна – аспирантка кафедры истории России нового времени.

Гришаева Лидия Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Доного Мурад Муэдинович – канд. пед. наук, доцент Дагестанского государственного университета.

Илларионов Сергей Александрович – канд. ист. наук, пенсионер.

Калугин Юрий Георгиевич – кинорежиссер, член Союза кинематографистов и Союза журналистов России, доцент С.-Петербургского университета кино и телевидения.

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ.

Киличенков Алексей Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ.

Княсов Сергей Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории нового, новейшего времени и международных отношений Саратовского государственного университета.

Куренков Геннадий Александрович – начальник архивного отдела ООО КБ «Северный морской путь».

Марченя Павел Петрович – канд. ист. наук, доцент учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ.

Разин Сергей Юрьевич – старший преподаватель кафедры философии и культурологии Института гуманитарного образования.

Ростиславлева Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ.

Сазонова Анна Анатольевна – соискатель кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ.

Таиров Наиль Измайлович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Казанского государственного университета культуры и искусств.

Шкаренков Павел Петрович – канд. ист. наук, профессор, директор Института филологии и истории РГГУ.